Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»

На правах рукописи

ЛИПАТОВА ЕВГЕНИЯ ВАЛЕНТИНОВНА

«САМАРКАНДСКИЙ ТЕКСТ» В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
(филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор
Щербак Антонина Семеновна

Тамбов – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ …… 4

Глава 1. ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ТЕКСТ В ТОПОНИМИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ …… 16

1.1. Топонимика: путь к научной самостоятельности …….. 17

1.2. Методологические основы современных топонимических исследований ……... 28

1.3. Топонимы как объект лингвистического анализа в городском тексте …… 32

1.4. Лингвокогнитивная специфика топонимов в городском тексте … 39

1.5. Дифференциальные признаки маркированности топонимического городского текста ……. 52

1.6. Городские топонимы в матричном формате …… 55

Выводы по главе 1 …… 62

Глава 2. «САМАРКАНДСКИЙ ТЕКСТ» КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТОПОНИМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ …… 66

2.1. Топонимический и лингвокультурный образ Самарканда в поэтическом высказывании Н.С. Гумилёва …… 66

2.2. Самаркандский топонимический текст в аспекте городской идентичности …….. 71

2.3. Топоним Самарканд как когнитивная доминанта «самаркандского текста»……... 77

2.4. Репрезентация топонима Самарканд в перифрастических описаниях и прямой топонимической номинации …….. 89

2.5. Самаркандские топонимы как репрезентанты когнитивно-лингвистической образности ……. 108

2.6. Пилонимы в системе урбанонимов: специфика репрезентации «самаркандского текста» …… 123

2.7. Гефиронимы в системе урбанонимов: специфика репрезентации «самаркандского текста» …… 133

2.8. Репрезентация антропонимов как средство формирования «самаркандского текста» …… 140

2.9. Агиотопонимы как вербальные репрезентанты религиозного знания в «самаркандском тексте» ……. 145

Выводы по главе 2 …… 151

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ……. 154

Список использованной научной литературы ……. 158

Словари и справочники …….. 176

Список художественных произведений русскоязычных авторов …….. 177

Приложение 1. Топоним *Самарканд* в стихотворных текстах русскоязычных авторов …….. 178

Приложение 2. Прозаические тексты с топонимом *Самарканд* из произведений русскоязычных авторов ……. 214

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена исследованию лингвокогнитивного феномена «самаркандского текста» в его топонимическом аспекте. На материале русскоязычной художественной литературы рассматривается роль самаркандских топонимов в формировании смыслового пространства художественного текста и в реконструкции когнитивного образа Самарканда как фрагмента русской языковой картины мира.

Вопросы формирования и репрезентации образа Самарканда находят отражение в работах Э.Ф. Шафранской, Г.Т. Гариповой, Ю.У. Матеновой, Н.А. Исматовой, А.И. Ионесовой, В.И. Ионесовой и др. Обращение к концепции М.В. Горбаневского, анализирующего топоним как «свёрнутый текст» (информационную субстанцию, подвергшуюся компрессии), позволяет рассматривать городские топонимы различных типов как фрагмент «самаркандского текста». В этой концепции топонимы функционируют как топонимы-тексты, организующие семантическую и когнитивную связность городского пространства. Такой подход обусловлен задачей уточнения статуса самаркандских топонимических единиц, фиксирующих и воспроизводящих устойчивые представления о городе. Применение идей М.В. Горбаневского позволяет перейти от преимущественно этимологического анализа к концептуальному изучению функционирования городских названий в современном русскоязычном художественном дискурсе.

Самарканд – город с богатой и многослойной историей, его топонимия отражает взаимодействие персидской, тюркской, арабской и русской языковых и культурных традиций. Топоним Самарканд функционирует как свернутый культурный текст: включение в расширенный дискурсивный контекст (художественные тексты) активирует в сознании языкового сообщества устойчивый пласт топонимических знаний, образов и ассоциаций, реализуя тем самым принцип «текста в тексте». Вместе с тем топонимическая составляющая «самаркандского текста» остаётся

недостаточно изученной: не в полной мере охарактеризован состав топонимического материала, а его систематизация в лингвокогнитивном аспекте ещё не получила достаточного освещения.

Актуальность настоящего исследования обусловлена недостаточной изученностью самаркандского топонимикона как целостной системы, репрезентирующей городское пространство; значимостью самаркандских топонимических единиц как средства хранения, трансляции и актуализации национально-культурной информации в художественных произведениях русскоязычных авторов; необходимостью обращения к ключевым направлениям современной лингвистики, составляющим методологическую основу комплексного анализа когнитивно-семантических процессов восприятия и интерпретации «самаркандского текста» как элемента национальной языковой картины мира.

Необходимость комплексного изучения функционирования топонимических единиц городской среды Самарканда в русскоязычном дискурсе определяется потребностью в междисциплинарном осмыслении «самаркандского текста» как особой формы репрезентации культурного опыта. В данном контексте топонимы рассматриваются как многофункциональные знаки, обеспечивающие не только пространственную идентификацию, но и трансляцию культурно-исторической памяти, ценностных установок и эстетических представлений.

Исследование корреляций между топонимическими единицами и дискурсивными практиками их актуализации в русскоязычном текстовом пространстве представляется значимым для выявления способов формирования локальной культурной идентичности. Подобный анализ позволяет интерпретировать «самаркандский текст» как специфическую форму топонимической организации культурного опыта в рамках антропоцентрической научной парадигмы.

Объект исследования – «самаркандский текст» как устойчивое лингвокогнитивное образование в русскоязычной художественной

литературе, структурно и содержательно репрезентированное системой топонимов города Самарканда.

Предмет исследования – способы репрезентации топонимического знания, обеспечивающие формирование устойчивых когнитивных контекстов интерпретации значений и смыслов, составляющих «самаркандский текст».

Степень разработанности темы исследования Научное осмысление самаркандских топонимических фактов зародилось ещё в средневековой восточной традиции. Его истоки прослеживаются в трудах среднеазиатского энциклопедиста Абу Райхана аль-Бируни (X–XI вв.), тюркского лингвиста Махмуда аль-Кашгари (XI в.) и армянского историка Мовсеса Хоренаци (V в.).

Особое место в становлении самаркандской топонимики как научного направления принадлежит В.Н. Никонову, чья исследовательская деятельность была непосредственно связана с Самаркандом. В январе 1969 года под его руководством в этом городе состоялся первый в Средней Азии Межреспубликанский семинар по ономастике. Мероприятие подготовили факультет русской филологии Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои и группа этнической ономастики Института этнографии АН СССР имени Н.Н. Миклухо-Маклая.

Значительный вклад в развитие самаркандской топонимики в указанный период и в последующие годы внесли самаркандские учёные Э.Б. Магазаник и Л.И. Ройзензон, работавшие в Самаркандском государственном университете. Их исследования составили важную часть научной традиции изучения географических названий региона.

В наши дни интерес к «самаркандскому тексту» обусловлен его междисциплинарной природой. Правомерность рассмотрения «самаркандского текста» в качестве самостоятельного локального текста мировой культуры подтверждается на материале произведений XV–XXI веков, относящихся к жанрам травелога, дневника, эпистолярной прозы,

исторического романа, поэзии и нон-фикшн. Данная проблема получила разработку в трудах Э.Ф. Шафранской, Г.Т. Гариповой и Ю.У. Матеновой.

В научной литературе «городской текст» рассматривается как языковой феномен, находящийся на пересечении литературоведения, семиотики и лингвокультурологии. В частности, Н.Л. Потанина, М.А. Гололобов, Н.А. Исматова и другие учёные обращаются к его литературоведческим аспектам, тогда как А.И. Ионесова и В.И. Ионесова систематизируют «зарубежную Самаркандиану» (совокупность иноязычных и зарубежных описаний города) и интерпретируют Самарканд как устойчивый культурно-языковой образ, воспроизводимый в текстах различных эпох и культур. В рамках семиотического подхода городское пространство рассматривается как знаковая система, через которую, в том числе посредством топонимов, субъект «читает» и интерпретирует локальную идентичность (Н.П. Ревякина). В современной научной парадигме городской топоним рассматривается не изолированно, а как элемент семиотического текста городского пространства (М.В. Голомидова, А.В. Дмитриева). Такой подход позволяет комплексно учитывать семантические, прагматические и концептуальные аспекты урбанонимии, а также выявлять механизмы формирования и трансляции образов города в языковом сознании.

Применительно к городской топонимии идея имени собственного как свёрнутого текста, восходящая к работам М.В. Горбаневского, согласуется с пониманием лингвострановедческого потенциала топонимов как хранителей историко-культурной информации (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.В. Молчановский). Плодотворность такого подхода нашла отражение в исследованиях многих современных ономатологов (Е.Л. Березович, Л.А. Климкова, А.М. Мезенко, Т.В. Шмелёва и др.) и соотносится с когнитивным направлением в современной топонимике, представленным российскими и зарубежными исследователями (Н.Н. Болдырев, В.В. Алпатов, О.В. Чукарькова, С.В. Мичугина, В.С. Картавенко, И.А. Королёва, В.В. Корнева, Т.Ю. Ларина, О.Т. Молчанова, В.В. Робустова, А.С. Щербак, Эрнст Ханзак,

Сильвио Брендлер, Вилли Ван Лангендонк, Петер Эрнст, Никола Добрич, Андреа Бёльчкей, Фолькер Кольхайм).

Образ Самарканда, характеризующийся полисемантичностью и многофункциональностью репрезентации, может быть представлен как единство двух взаимосвязанных составляющих. Первая, природно-ландшафтная, отражает объективные характеристики городской среды и рассматривается в работах О.М. Ростовцева, П.Б. Лурье, Э.М. Мирзаева, А. Хусаиновой, Н.В. Чирковой. Вторая, ментальная, связана с образом города, существующим в индивидуальном восприятии и формирующимся под влиянием культурного, языкового и личного опыта.

В последние десятилетия в гуманитарных науках, в том числе в ономастике, развивается когнитивно-дискурсивная парадигма. В её рамках образ Самарканда актуализируется через систему концептов «самаркандского текста»: «город-рай» (в том числе «четвёртый рай»), «мусульманский Рим», «город культуры», «город мечты», «город-судьба», «город-сад», «город-спаситель» (Э.Ф. Шафранская, Г.Т. Гарипова, Ю.У. Матенова). Указанные концепты группируются в более обобщённые когнитивные структуры – концептуально-тематические группы «ГОРОД», «ЧЕЛОВЕК», «КУЛЬТУРА», «ИСТОРИЯ», «ПРИРОДА» и др., которые в когнитивно-лингвистическом аспекте до сих пор не рассматривались как средства концептуализации «самаркандского текста», отражающие взаимодействие языковой системы, пространственных представлений русскоязычных авторов и способов художественной репрезентации города. Участвуя в формировании и структурировании образа Самарканда, они выступают способом его художественного осмысления, что обусловливает перспективность лингвокогнитивного анализа самаркандской топонимии в контексте русского языкового освоения городской среды.

Топонимическая репрезентация «самаркандского текста» в русскоязычной художественной литературе остаётся фрагментарно изученной и нуждается в комплексном лингвокогнитивном осмыслении.

Такое исследование позволит выявить специфику когнитивного освоения Самарканда как культурно значимого топонима и городского локуса в русской словесности.

Лингвистический материал исследования. В качестве материала исследования использована авторская картотека, включающая 200 топонимических единиц, в числе которых собственно топонимы и устойчивые топонимические словосочетания типа «город Самарканд», «площадь Регистан», «мавзолей Биби-Ханым». Источником фактического материала послужили созданные на русском языке тексты художественных произведений таких авторов, как Анна Ахматова, Д.Д. Благой, Андрей Волос, Николай Гумилёв, Семён Липкин, Еремей Парнов, К.С. Петров-Водкин, Давид Самойлов, Алексей Сурков, Арсений Тарковский и другие.

Гипотеза исследования заключается в предположении, что «самаркандский текст» представляет собой устойчивый лингвокогнитивный феномен, основанный на специфической концептуальной организации топонимов Самарканда в русскоязычном художественном дискурсе. Содержание художественного текста структурируется комплексом концептуально-тематических областей, охватывающих историко-культурные, эстетические, хронологические и краеведческие аспекты городского пространства, что формирует специфику его художественного мировидения в русскоязычной картине мира.

Цель исследования – выявить функции топонимов Самарканда в формировании концептуальных сфер его образа в русскоязычной художественной литературе и определить, каким образом топонимическая лексика организует пространственную и смысловую структуру литературных текстов о Самарканде.

Задачи, вытекающие из цели:

1) проанализировать состояние научной разработанности проблемы топонимии Самарканда в советском/российском и узбекском языкознании, а

также теоретико-методологические подходы к изучению категории городского текста;

2) сформировать корпус топонимических единиц Самарканда, зафиксированных в произведениях русскоязычных авторов о Самарканде; классифицировать собранные единицы по объектной отнесённости к ономастическим разрядам, по языковой принадлежности, времени фиксации и степени устойчивости употребления.;

3) охарактеризовать топонимическую систему Самарканда в аспекте происхождения, словообразовательной структуры и семантики, установив закономерности взаимодействия языковых единиц с экстралингвистическими (историко-культурными) факторами формирования городского пространства;

4) определить культурно-историческую и лингвокогнитивную специфику самаркандской топонимии; установить, какие исторические, религиозные, этнические, литературные и пространственные смыслы отражаются в городских названиях;

5) систематизировать когнитивные контексты, в которых формируются и функционируют представления о Самарканде в ключевых концептуально-тематических областях; определить устойчивые смысловые структуры, связанные с топонимом Самарканд, и описать их роль в формировании целостного образа Самарканда как формы организации топонимического знания;

6) выявить когнитивные доминанты «самаркандского текста»; определить, каким образом фоновые знания и культурные коннотации участвуют в интерпретации топонимов в художественных произведениях русскоязычных авторов о Самарканде.

Методы и приёмы анализа. В работе использован комплекс общелогических методов (индукция и дедукция) и частных лингвистических методов: описательный метод, направленный на систематизацию языковых и смысловых параметров корпуса; контекстуальный и стилистический анализ; метод когнитивно-матричного анализа.

При исследовании самаркандских топонимов применялся подход, в рамках которого топоним рассматривается как единица вторичной номинации, репрезентирующая совокупность языковых и энциклопедических знаний о соответствующем географическом объекте и обеспечивающая структурирование топонимической информации в языковом сознании носителя.

Исследование включает два этапа: на первом этапе систематизируются результаты контекстуального анализа топонимических единиц; на втором этапе осуществляется интерпретация топонимического материала с применением когнитивно-матричного и стилистического анализа.

Теоретико-методологическую базу исследования составили работы ученых в области:

1) семиотического прочтения города как текста (Ю.М. Лотмана [Лотман 2014], В.Н. Топорова [Топоров 2009, 2003], И.В. Масловой [Маслова 2017], Чепайтене [Чепайтене 2017], Л.М. Гаврилиной [Гаврилина 2011], Э.Ф. Шафранской, Т.Т. Гариповой, Ю.У. Матеновой [Шафранская 2024] и другие);

2) изучения городского текста в литературе (А.П. Люсого [Люсый 2016], В.В. Абашева [Абашев 2000], Н.Л. Потаниной, М.А. Гололобова [Потанина 2012], В.Е. Хализева [Хазиев 2022], О.С. Шуруповой [Шурупова 2011], Л.С. Прохоровой [Прохорова 2005], Н.В. Шмидт [Шмидт 2007] и другие);

3) урбанонимических исследований (В.Д. Бондалетова [Бондалетов 1984], Е.Л. Березович [Березович 1995], Л.А. Введенской [Введенская 2005], М.В. Горбаневского [Горбаневский 2010, 1996, 1989], М.В. Голомидовой [Голомидова 2024, 2022, 2020, 2019], И.Т. Вепревой [Вепрева 2023], Д.Ю. Ильина [2018], А.И. Ионесовой [Ионесова 2022], В.С. Картавенко [Картавенко 2014], И.А. Королевой [Королева 2021], Г.Б. Мадиевой [Мадиева 2015], Р.В. Разумова [Разумов 2007], М.Э Рут [Рут 2019], А.В. Суперанской [Суперанская 2007], В.И. Супруна [Супрун 2026] и другие);

4) когнитивной лингвистики (В.В. Алпатова [Алпатов 2024], Н.Н. Болдырева [Болдырев 2009, 2008, 2007, 2006], Е.Ф. Ковлакас [Ковлакас 2021], И.А. Мартыненко [Мартыненко 2020], В.В. Робустровой [Робустрова 2014], А.С. Щербак [Щербак 2022, 2016, 2013] и другие);

5) лингвокультурологических изысканий (Е.М Верещагина [Верещагин 2005], Д.Р. Кадымовой [Кадымова 2022], А.И. Ионесовой [Ионесова 2022] и другие);

6) изучения традиционной теории имен собственных (А.Л. Шарандина [Шарандин 2023, 2021], М.Т. Миракмалова [Миракмалов 2023], Р.Ю. Намитоковой [Намитокова 2016], Ш.С. Камолиддина [Камолиддин 2006], П.Б. Лурье [Лурье 2004] и другие).

Научная новизна диссертации заключается:

1) в реализации когнитивного подхода к изучению «самаркандского текста» на материале топонимов как компонентов языковой картины мира, зафиксированной в художественных текстах русскоязычных авторов;

2) в синтезе краеведческих и ономастических подходов, позволяющем моделировать коллективные ментальные репрезентации Самарканда в сознании носителей русского языка и реконструировать соответствующие представления в русскоязычном художественном дискурсе;

3) в выявлении специфических топонимических маркеров, формирующих устойчивые ассоциативные и эмоциональные компоненты коллективного образа Самарканда в русскоязычной поэзии и прозе;

4) в расширении понимания топонима за счёт рассмотрения его в трёх аспектах: а) как особого типа языкового знака, б) как единицы самостоятельного лексического класса, в) как единицы апеллятивно-топонимического единства (сочетания).

Теоретическая значимость заключается в дальнейшем развитии теоретико-методологических основ исследования городского топонимикона за счёт интеграции методов описательной и когнитивной лингвистики; в углублении представления о принципах формирования, функционирования и

семантической организации топонимических единиц, а также выявлении специфики их включения в систему коллективных знаний, культурных смыслов и пространственных представлений носителей русского языка. Кроме того, исследование способствует дальнейшему осмыслению взаимосвязи ономастики и когнитивной лингвистики, демонстрируя продуктивность когнитивного подхода при анализе локальной городской топонимии и реконструкции лежащих в её основе когнитивных контекстов. В исследовании уточняются понятия «топонимический текст» и «городской топонимический текст».

Практическая значимость Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в учебной практике, связанной с осмыслением городских топонимов, и в сфере межкультурной коммуникации. Теоретические положения работы могут быть применены при разработке и проведении вузовских курсов по русской лексикологии, стилистике, лингвистическому анализу текста, когнитивной лингвистике и сопоставительной ономастике. Материалы исследования могут найти применение при выполнении исследовательских и проектных работ обучающимися средних школ и высших учебных заведений, а также при составлении словаря «Самаркандские топонимы в русском художественном тексте».

На защиту выносятся следующие положения:

1. В топонимическом аспекте «самаркандский текст» может быть определён как совокупность устойчивых образов, мотивов, сюжетных моделей и пространственных маркеров, формирующих литературный образ Самарканда. Топонимы в данной структуре выполняют не только референциальную функцию (указывают на реальное географическое пространство), но и выступают носителями культурно-исторической памяти и символических коннотаций. Взаимодействие топонимических единиц организует семантическое пространство текста и обеспечивает его включение в более широкий культурный контекст восприятия Самарканда.

2. Структурообразующими элементами «самаркандского текста» выступают самаркандские топонимы, функционирующие как смысловые доминанты. Они репрезентируют локальную идентичность и отграничивают «самаркандский текст» от других локальных текстов Средней Азии.

3. В корпусе русскоязычных текстов топонимическое знание о Самарканде репрезентировано системой концептуально-тематических областей, образующих иерархически организованную структуру «самаркандского текста». Наиболее репрезентативными являются области ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ПРОСТРАНСТВО и ЧЕЛОВЕК.

4. Топонимический компонент «самаркандского текста» характеризуется высокой культурной маркированностью: самаркандские топонимы выступают не только как средства пространственной номинации, но и как единицы, актуализирующие историко-культурные, архитектурные, религиозные и литературные ассоциации. Они формируют экстралингвистический фон художественного дискурса, в котором Самарканд предстаёт как символ древней городской культуры, поэтической традиции и культурных взаимодействий между Востоком и Западом.

5. В художественных текстах русскоязычных авторов самаркандские топонимы обладают значительным семантическим и культурно-историческим потенциалом: они выступают как языковые знаки, аккумулирующие культурно-исторические смыслы, и как элементы языковой картины мира.

Апробация работы результатов исследования. Основные положения и результаты исследования докладывались и обсуждались на заседаниях кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, а также были представлены в докладах на следующих научных конференциях:

– XIII Международный конгресс по когнитивной лингвистике (22–25 апреля 2026 года, г. Астрахань);

– Международная конференция «Opportunities of artificial intelligence in Developing communicative Language skills in the contest of globalization

(Возможности искусственного интеллекта в развитии коммуникативных языковых навыков в условиях глобализации)» (23 мая 2026 года, г. Джизак, Республика Узбекистан);

– XXII Международная научно-практическая Internet-конференция «Личностное и профессиональное развитие будущего специалиста» (28 мая – 4 июня 2026 года, г. Тамбов);

– XXIII Международная научная конференция «Ономастика Поволжья» (1–3 октября 2025 года, г. Астрахань);

– Международная научно-практическая конференция «Глобальная лингвистика: новые подходы исследования» (29 апреля 2025 года, г. Ташкент);

– IV Международная научно-практическая конференция «Русский язык в поликультурной среде: наука, культура, межкультурная коммуникация» (8–9 апреля 2025 года, г. Самарканд);

– III Международная научно-практическая конференция «Русский язык в поликультурной среде: наука, культура, межкультурная коммуникация» (12–13 марта 2024 года, г. Самарканд);

– Республиканская конференция «Актуальные проблемы теории языка, лингводидактики и методики», посвященная памяти выдающегося ученого – языковеда, методиста (тюркология, типология, русистика), академика В.В. Решетова (23 ноября 2024 года, Ташкент).

Апробация основных положений диссертационного исследования нашла отражение в 13 публикациях общим объемом 4,3 п. л., в том числе в трёх статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, завершающихся обобщением полученных результатов, заключения, списка использованной научной литературы и списка словарей и справочников, включающих в совокупности 187 наименований, списка художественных произведений русскоязычных авторов, посвящённых Самарканду (7 источников), и двух приложений.

ГЛАВА 1.
ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ТЕКСТ В ТОПОНИМИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

> «Топонимика – это язык земли, а земля есть книга, в которой история человечества записана в географической номенклатуре».
> *Н.И. Надеждин*

Теоретический фундамент топонимических исследований был заложен работами таких ученых, как Р.А. Агеева, О.С. Ахманова, М.В. Горбаневский, Ю. А. Карпенко, А.К. Матвеев, Э.М. Мурзаев, В.А. Никонов, Н.В. Подольская, Е.М. Поспелов, А.В. Суперанская, В.И. Супрун, В.Н. Топоров, Н.И. Толстой, О.Н. Трубачёв, Н.К. Фролов и других.

Проблемы описания городской топонимии в разные годы отражены в трудах Р.А. Агеевой, О.С. Ахмановой, Е.Л. Березович, Е.Ю. Булыгиной, И.Т. Вепревой, М.В. Голомидовой, М.В. Горбаневского, К.С. Горбачевича, Л.А. Климковой, А.К. Матвеева, А.М. Мезенко, Э.В. Мурзаева, В.П. Нерознака, В.А. Никонова, Н.В. Подольской, Е.М. Поспелова, А.В. Суперанской, В.И. Супруна, Н.И. Толстого, О.Н. Трубачева, Г.П. Смолицкой, Л.Л. Трубе, Н.К. Фролова, Ю.В. Чайкиной и других ученых.

Центральной фигурой в становлении русской топонимики является В.Н. Никонов, имя которого напрямую связано с Самаркандом. Именно в этом городе в январе 1969 года под руководством В.Н. Никонова прошло первое крупное научное мероприятие по ономастике в Средней Азии – Межреспубликанский семинар. Его инициатором и организатором выступил факультет русской филологии Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои при поддержке Группы этнической ономастики Института этнографии АН СССР имени Н.Н. Миклухо-Маклая.

В современной антропоцентрической парадигме гуманитарного знания ономастика выходит за рамки лингвистического описания и приобретает

междисциплинарный характер, позволяя рассматривать топоним как «свернутый текст» культуры, хранящий сведения о человеке, его деятельности и его месте в окружающем мире.

1.1. Топонимика: путь к научной самостоятельности

Интерес к топонимам в науке начал формироваться ещё в эпоху средневекового Востока. Анализ топонимических данных находит отражение в работах учёного-энциклопедиста аль-Бируни (X–XI вв.), выдающегося среднеазиатского тюркского языковеда и энциклопедиста, одного из основателей тюркологии Махмуда аль-Кашгари (XI в.) и армянского историка Мовсеса Хоренаци (VII в.).

Как самостоятельное научное направление топонимика оформилась в XVIII–XIX веках. Основателем изучения топонимов в России принято считать историка и географа В.Н. Татищева, который воспринимал названия мест как часть географической науки. Значительный вклад в развитие топонимических исследований в Узбекистане внёс Х.Х. Хасанов. Его научный вклад связывают с комплексным изучением топонимии Средней Азии и анализом географических сведений, представленных в произведениях Махмуда Кашгари, Абу Райхана Беруни и Захириддина Мухаммада Бабура.

Окончательное становление топонимики как самостоятельной дисциплины сформировалось в середине XX века, особенно в 1960-е годы, когда появились основополагающие труды В.А. Никонова и Э.М. Мурзаева. Именно с этого времени термины «топонимика» как наука о географических названиях и «топонимия» как совокупность географических названий определённой территории прочно утвердились в научной ономастической терминологии.

Среди научных изысканий учёных, развивавших топонимику в этот период и позже, следует выделить работы Р.А. Агеевой, М.В. Горбаневского, А.К. Матвеева, В.А. Никонова, Е.М. Поспелова, А.В. Суперанской. Также

следует отметить вклад самаркандских исследователей Э.Б. Магазаника и Л.И. Ройзензона, работавших в Самаркандском государственном университете, который в советский период носил имя Алишера Навои (с 2022 года именуется Самаркандским государственным университетом имени Шарофа Рашидова).

В области топонимики в XXI веке выделяется ряд учёных, которые не только продолжили классические традиции, но и задали новые направления исследований. Среди них – теоретическая топонимика (А.В. Барандеев), топонимическая типология (Э.М. Мурзаев, Е.М. Поспелов), когнитивная ономастика (Н.Н. Болдырев), социолингвистическая топонимика (В.Д. Бондалетов), ономастическая терминология (В.И. Супрун), топонимическая стилистика (О.В. Врублевская), топонимическая лексикография (Московская топонимическая школа, Топонимическая комиссия Московского городского отделения РГО). Учёные выявили основные топонимические закономерности, доказали, что топонимия отражает историческое развитие территории, а также создали принципы типологии и классификации топонимов. Эти достижения стали фундаментом теории и методологии топонимики как самостоятельной научной дисциплины.

В классическом понимании топонимика (от греческого τόπος – «место, местность» и ὄνομα – «имя, название») определяется как «научная дисциплина, занимающаяся выяснением происхождения и развития географических названий, их формы, смыслового содержания и грамматического оформления» [Мурзаев 1974: 3]. Данный подход фиксирует внимание исследователя не только на номинативной функции названия, но и на его внутренней структуре и эволюции во времени. Предмет топонимики охватывает широкий спектр проблем, связанных с осмыслением географических названий: от исследования их возникновения и этимологии до анализа динамики развития и функциональных трансформаций.

Топонимические единицы интересны для ученых как лингвокультурные знаки [Пушкарева 2016], но главной их особенностью

является тот факт, что они представляют собой языковые универсалии, в которых фиксируются и одновременно конструируются особенности языка городского пространства, обладающего яркой национально-культурной спецификой [Гурская 2003] и территориальной идентичностью [Полюшкевич 2017].

Проблемы описания городской топонимии в разные годы отражены в трудах Р.А. Агеевой, Е.Л. Березович, Е.Ю. Булыгиной, И.Т. Вепревой, М.В. Голомидовой, М.В. Горбаневского, К.С. Горбачевича, Л.А. Климковой, А.К. Матвеева, А.М. Мезенко, Э.В. Мурзаева, В.П. Нерознака, В.А. Никонова, Н.В. Подольской, Е.М. Поспелова, Р.В. Разумова, Н.И. Толстого, О.Н. Трубачева, Г.П. Смолицкой, Л.Л. Трубе, Ю.В. Чайкиной и других ученых.

Ограничение объекта исследования осуществляется на основе понятия локальной топонимической системы, объединяющей топонимический материал, характеризующийся языковой однородностью и функциональной общностью [Березович 1995]. В качестве более широкой теоретической рамки используется также понятие «топонимическое пространство» [Петешова 2019]. Топонимы рассматриваются как компонент семиотического образа города в языковом сознании говорящих [Приходько 2023].

Обращают на себя внимание термины «топонимикон»/«топонимия» и «урбанонимия», которые близки по предмету, но различаются объёмом охватываемого материала. Топонимикон города понимается максимально широко; это совокупность всех собственных географических названий, функционирующих в его пределах, независимо от типа и статуса именуемого объекта [Ильин 2018]. В это понятие могут входить не только названия улиц и площадей, но и наименования городских районов, микрорайонов, парков, скверов, набережных, мостов, вокзалов, отдельных значимых зданий, водных объектов и иных природных либо созданных человеком объектов городской среды.

Термины «городской ономастикон» (обобщённый термин) и «ономастикон города» (термин, ориентированный на конкретный населённый

пункт) в научной литературе часто употребляются как синонимы. Их различие носит преимущественно терминологический характер и, как правило, не оказывает существенного влияния на результаты большинства исследований [Шмелева 2020: 8]. По аналогии с ними можно использовать термины «городской топонимикон» и «топонимикон города» для обозначения системы городских географических названий.

Для примера приведём традиционную классификацию городских топообъектов, отражающую состав топонимикона любого города. В её основе лежит принцип выделения типов именуемых объектов, то есть элементов городской среды, которые получают собственное название и, соответственно, входят в систему городской топонимии. К таким объектам могут относиться улицы, площади, переулки, проспекты, набережные, мосты, парки, скверы, районы, кварталы и другие значимые элементы городского пространства (см. Таблица 1).

Таблица 1.

Городские топонимические объекты и их терминологические наименования

Научный термин		Дефиниция термина	Пример
Класс, вид онимов	Подкласс, подвид онимов		
Топоним (τόπος «место» + ὄνυμα «имя»)		«Собственное имя природного объекта на Земле, а также объекта, созданного человеком на Земле, который четко зафиксирован в данном регионе (городе)» [Подольская 1988: 127].	любое собственное название природного или созданного человеком географического объекта на Земле
Астионим (от греч. ἄστυ «город» + ὄνομα «имя»)		«Собственное имя города» [Подольская 1988: 41].	Самарканд, Москва

Некроним (от греч. νεκρός «мёртвый» + ὄνομα «имя)		«Собственное имя места погребения» [Подольская 1988: 86].	Гур-Эмир (усыпальница Тимуридов); Мавзолей святого Даниила (Ходжи Данияра)
Порейурбаноним (от греч. πορεία (ρορεία) «путь», «проход», «движение» + ὄνομα «имя»)		Имя собственное остановок внутригородского транспорта (в словаре Н.В. Подольской термин отсутствует).	остановки «Регистан», «Сиабский рынок»
Урбаноним (от лат. urbanus «городской»)		«Собственное имя любого внутригородского топографического объекта» [Подольская 1988: 139].	
	Агороним (от греч. ἀγορά «площадь» + ὄνομα «имя»)	«Название городской площади; рынка» [Подольская 1988: 27].	площадь Регистан; Сиабский базар
	Годоним (от греч. ὁδός «улица, дорога, путь» + ὄνυμα «имя»)	«Название линейного объекта в городе, в том числе проспекта, улицы, линии переулка, проезда, бульвара, набережной» [Подольская 1988: 52].	улица Алишера Навои; Университетский бульвар.
	Хороним (от греч. χώρα «область, край, +ὄνομα «имя»)	«Собственное имя части территории города в том числе района, квартала» [Подольская 1988: 146].	махалли Зарафшан, Гулистан, Гульбахор
	Экклезионим (от греч. ἔκκλησία «церковь», «собрание»,	«Собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии» [Подольская	Соборная мечеть Биби-Ханум; мемориальный (архитектурны

	«община» + ὄνυμα «имя»)	1988: 149].	й) ансамбль Шахи-Зинда или некрополь Шахи-Зинда
Гефироним (от греч. γέφῡρα «плотина, мост» + ὄνομα «имя)		Собственное имя моста (в словаре Н.В. Подольской термин отсутствует).	Сиабский мост в Самарканде
Пилоним (от греч. πύλη «ворота» + ὄνομα «имя»)		Собственное имя ворот (в словаре Н.В. Подольской отсутствует).	
	Дромоним (от греч. Δρόμος «путь, дорога» + ὄνομα «имя»)	«Собственное имя любого пути сообщения» [Подольская 1988: 57].	Великий шёлковый путь (проходил через Самарканд)
	Дримоним (от греч. δρυμός «дубовая роща, лес, роща» + ὄνομα «имя»)	«Собственное имя любого лесного участка» [Подольская 1988: 57].	парк Амира Темура (вариант – парк Амира Тимура); Центральный парк отдыха имени Алишера Навои
	Ороним (от греч. ὄρος «гора» + ὄνομα «имя)	«Собственное имя любого элемента рельефа земной поверхности» [Подольская 1988: 100], например, горы, холмы, долины.	холмы Афросиаба (Афросиаб – холмистое городище в северной части Самарканда)
Ойкодоним (от греч. οἶκος «жилище, дом, обиталище + ὄνομα «имя»)		«Имя собственное здания» [Подольская 1988: 88].	«Пряничный домик» – сказочный особняк в Самарканде, построенный в

			стиле модерн (1916 г.) архитектором В.А. Войцеховичем.
	Метроним (от греч. metro «метро» + ὄνομα «имя»)	Собственное имя станции метрополитена. В словаре Н.В. Подольской отсутствует.	Станция «Алишера Навои» Ташкентского метрополитена

Как показывает Таблица 1, топонимия является структурированной областью языка, обладающей системой классификаций, функциональных связей и семантических слоёв. Система топонимической терминологии представленная в словаре Н.В. Подольской, на сегодня расширяется, для наименования объектов в городской среде появляются новые топонимические термины, например, такие термины, как «гефироним», «порейурбаноним, «пилоним» и др.

В исследованиях системности ономастической лексики подчёркивается, что иерархические отношения между разрядами ономастического пространства часто оказываются недостаточно чёткими и не всегда допускают однозначного структурирования. Это особенно заметно на материале городской ономастики, где соотношение терминов «урбаноним» и «годоним» в разных работах трактуется неоднозначно: хотя в базовой классификации годоним представляет собой разновидность урбанонима, отдельные исследователи употребляют эти термины с различающимся объёмом или не всегда последовательно их разграничивают. Такая терминологическая вариативность отражает как недостаточную унифицированность ономастической терминологии, так и сложность самой системы городских имён, в которой номинации разных типов пересекаются и образуют иерархически организованные системы в пределах коммуникативного пространства города. По мнению Н.К. Фролова, это

связано с взаимодействием ономастических единиц и их объединением в более значимые системы [Фролов 2005: 266].

В ономастике общепризнанным стал системный подход к изучению всех разрядов имён собственных [Суперанская 1974]. Такой подход позволяет строить общую теорию имени собственного: выявлять свойства, присущие онимам независимо от конкретного языка, и одновременно учитывать специфику отдельных классов онимов.

Любой топоним можно понять лишь в контексте определённой совокупности онимов – топонимической системы или её подсистемы – как часть единой реальности [Горбаневский 1996: 275-276]. Его значение реализуется в составе целостной топонимической системы, которая, в свою очередь, функционирует в рамках более широкого ономастического пространства языка и культуры.

Реальный фрагмент топонимической системы языка, закреплённый в конкретном городе, формирует его топонимическое пространство. Это позволяет комплексно описывать топонимику территории как относительно самостоятельное, целостное пространство, состоящее из взаимосвязанных классов онимов.

Исходя из того, что онимы способны репрезентировать результаты ментальной деятельности человека и передавать концептуальную информацию, в научной литературе применяется термин «концептосфера», введённый Д.С. Лихачёвым для обозначения совокупности концептов и их смысловых возможностей, отражённых в словарном запасе языка и связанных с культурным опытом носителей [Лихачев 1993: 3-10].

Объектом исследования может выступать как концептосфера национального языка в целом, так и отдельные её фрагменты, например, концептосфера топонимов, понимаемая как система топонимических концептов. Топонимический концепт – это ментальная единица, в которой отражён фрагмент географической действительности, названный топонимом. Он объединяет в единое знание категориальные, энциклопедические и

культурно-ассоциативные характеристики соответствующей топонимической реалии. Подобное понимание соответствует представлению о концепте как ментальной структуре, связанной с языковым выражением и хранящей сведения об определённом фрагменте мира [Щербак 2013: 95].

Следует отметить, что интерес исследователей к городской топонимии обусловлен историей становления городского ономастикона, первым элементом которого выступают названия городского пространства – улиц, площадей, мостов, ворот и др. По данным Научной электронной библиотеки [Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU: сайт. – URL: http://elibrary.ru], содержащей данные об изданиях российских авторов, с 2000 по 2025 год вышло более тысячи различных публикаций, посвященных изучению городской топонимии [Шмелева 2020: 10-11]. При этом основной интерес ученых по-прежнему сосредоточен на изучении классических разновидностей урбанонимов – названий линейных объектов (годонимов) и площадей (агоронимов).

В городском топонимическом пространстве выделяется три типа объектов: территориальные, линейные и точечные.

Территориальным объектом, т.е. «территория на территории», является сам город и фрагменты его пространства, например: район, махалля, базар, кладбище, парк. К именам линейных объектов городского пространства относятся годонимы (улица, бульвар, проспект, проезд, переулок, тупик). При появлении городов в далеком прошлом годонимия формировалась стихийно, в XX веке именование улиц отражало номинативную политику, XXI век характеризуется процессом переименования и возвращением первоначальных названий. Точечные объекты – ворота, мосты, остановки транспорта, площадь.

Любой топонимом можно представить как полноценное описательное повествование и получить информацию о его этимологии, природе места, его истории, хозяйственном использовании и культурном контексте. Развёртывание смысла от слова может осуществляться с помощью его

содержательных компонентов, формирующих многослойность топонима, таких, как этимологический, географический, историко-культурный, символический.

Городские имена выполняют функцию лингвистической и когнитивной организации городской среды. Аналогично тому, как слова в языке упорядочивают и направляют мыслительные процессы, топонимы, применяемые в городской топографии (названия улиц, площадей, микрорайонов, кварталов, мостов и ворот), служат средствами категоризации, навигации и семантического кодирования пространства. Они выполняют несколько взаимосвязанных ролей.

1. Топонимическая система выступает в роли фундаментального инструмента конструирования территориальной идентичности, осуществляя фиксацию историко-культурного опыта, аксиологических ориентиров и механизмов коллективной памяти сообществ.

2. Топонимы выполняют когнитивную функцию, снижая нагрузку на память и внимание при пространственной ориентации; они способствуют формированию устойчивых ментальных репрезентаций ландшафта и позволяют компрессировать сложную географическую информацию в компактные, легко усваиваемые тополексемы.

3. Топонимы выполняют структурирующую функцию, топонимическая номенклатура делит городское пространство на смысловые единицы (кварталы, районы, достопримечательности), обеспечивая навигационную связность среды.

4. Топонимы функционируют как коммуникативные маркеры, оптимизирующие устную и письменную репрезентацию пространства и обеспечивающие общую когнитивную основу для передачи адресной и культурно значимой информации.

С позиций когнитивной лингвистики городские имена функционируют как концептуальный посредник между языковой системой и

пространственным мышлением и служат для структурирования городской реальности.

В современном научном сообществе топонимика признаётся междисциплинарной («пограничной») областью исследований, развивающейся на стыке лингвистики, истории, географии, культурологии и когнитологии. Именно интегративный, междисциплинарный характер выступает онтологическим основанием научной самостоятельности топонимики: не будучи редуцируемой исключительно к одной из конкретных наук, она синтезирует их данные для построения собственных теоретических выводов и эмпирических обобщений.

Лингвистика образует основу топонимических исследований, поскольку географическое название является прежде всего единицей языка и развивается по его законам. Например, во второй части топонима Самарканд выделяется элемент «-канд» — распространённый топоформант Центральной Азии со значением «город» или «укреплённое поселение». Этот элемент соотносится с компонентом «-кент» (ср. Ташкент) и восходит к иранскому «канд» — «город, крепость».

Из сказанного следует, что междисциплинарный статус топонимики следует рассматривать как её сущностное, а не вторичное свойство. Этот статус определяется природой топонимического объекта и необходимостью сочетания лингвистических и когнитивных методов.

Комплексный подход обеспечивает возможность использования топонимов в качестве источника для реконструкции освоения территории, изучения этнокультурных контактов, сохранения регионального наследия и анализа современной топонимической системы.

1.2. Методологические основы современных топонимических исследований

В наши дни окружающий мир невозможно представить без системы наименований, в том числе географических. Топонимы выступают неотъемлемым элементом развития человеческой цивилизации и общества. Через них мы осмысляем современный мир как результат многовекового исторического развития народов [Поспелов 1993; 1998].

Топонимы – это не просто условные обозначения на карте, а своего рода культурно-исторический код, в котором зафиксированы миграции народов, языковые контакты, процессы хозяйственного освоения территорий, религиозные представления и политические трансформации. Без этой «памяти в названиях» современная цивилизация утратила бы важный пласт самоидентификации и пространственной ориентации.

В современных ономастических исследованиях утвердилась методологическая установка, предполагающая учёт когнитивных характеристик урбанонимов – городских топонимов, обозначающих внутригородские объекты: улицы, площади, парки, отдельные здания или районы города. Топонимы рассматриваются не только как пространственные маркеры, локализующие события и объекты, но и как ментальные репрезентации, формирующие образ местности в сознании человека на основе индивидуального и коллективного опыта, а также накопленных знаний. В.В. Алпатов отмечает, что топонимы – это не просто названия географических объектов, а результат познавательной деятельности человека: в них отражаются способы восприятия, осмысления и языкового освоения пространства [Алпатов 2024: 42-58].

Вследствие этого проблематика теоретических исследований в области топонимической номинации городских объектов определяется антропологическим подходом и, в более широком плане, когнитивной перспективой. Эти подходы изначально предполагают неразрывную связь

языка с его носителем – этнической общностью, локальная самоидентичность которой поддерживается повседневными практиками любого сообщества.

Многофункциональность названий топографических объектов обусловила формирование множественности теоретико-методологических подходов к их изучению. В современной топонимике сформировался ряд взаимосвязанных исследовательских направлений, которые развивают традиционные подходы (топонимы рассматриваются как часть лексической системы языка) и интегрируют их с новыми парадигмами – прежде всего когнитивной.

В современной отечественной топонимике, несмотря на расширение методологического арсенала и появление новых междисциплинарных подходов, методологический базис исследования топонимов традиционно опирается на четыре фундаментальные направления.

1. Историко-этимологическое направление выступает в качестве ключевого метода реконструкции генезиса топонимов (труды Ю.А. Карпенко, В.А. Никонова, А.И. Попова, Н.И. Толстого, В.Н. Топорова, О.Н. Трубачёва и др.). В рамках данного подхода осуществляется ретроспективный анализ, направленный на выявление исходной мотивировки названия, восстановление его этимологии и установление связи с историко-культурным контекстом эпохи номинации.

2. Структурно-словообразовательное направление фокусируется на внутреннем устройстве топонимической системы (работы В.Д. Бондалетова, Ю.А. Карпенко, В.А. Никонова, Е.С. Отина, Н.В. Подольской, Г.П. Смолицкой А.В. Суперанской, В.И. Супруна и др.). Объектом изучения здесь выступают процессы топонимообразования, типология и продуктивность формантов, а также парадигматические и синтагматические отношения топонимических единиц в составе ономастических систем, что позволяет выявить закономерности функционирования географических названий как особой подсистемы языка.

3. Ареальное (лингвогеографическое) направление обеспечивает пространственную локализацию топонимических явлений. Его задача заключается в фиксации региональных вариантов, картографировании топонимов и анализе пространственного распределения типов названий, что позволяет выявить региональные особенности и миграционные процессы в истории освоения территории (работы Ю.Ю. Гордовой, И.А. Королевой, А.К. Матвеева, Н.В. Подольской, Е.М. Поспелова, Э.М. Мурзаева и др.).

4. Прикладное (нормативное) направление интегрирует теоретические достижения топонимики в практику государственного управления. Вектор исследований здесь ориентирован на задачи стандартизации топонимии, разработку норм транслитерации и транскрипции, а также обеспечение нормативно-правового регулирования в сфере географических названий (работы Ю.Ю. Гордовой, И.В. Крюковой, Н.А. Максимчук и др.).

В рамках этих направлений учёные используют комплексный набор подходов к изучению топонимов, сочетая традиционные лингвистические методы с современными междисциплинарными стратегиями, к числу которых относятся этнолингвистический, лингвокультурологический и когнитивный подходы.

Этнолингвистический подход. В рамках данного подхода топообъекты рассматриваются как компонент языковой культуры и как носитель этнической информации. В центре внимания ученых находится связь топонимов с этнокультурными реалиями, фольклорной традицией, ономастическими мотивами и языковыми контактами. Классические разработки в этой области представлены работами Е.Л. Березович, А.С. Герда, М.В. Голомидовой, Н.И. Толстого и ряда других исследователей, которые анализировали закономерности образования и семантики топонимов в контексте этнопсихолого-культурных факторов.

Лингвокультурологический подход трактует топонимы как элементы языковой картины мира, отражающие культурные ценности, историческую память и национальное мировидение. *Лингвострановедческий подход,* в свою

очередь, акцентирует внимание на топонимах как источнике страноведческих и культурно-географических знаний.

В центре исследовательского интереса учёных, работающих в рамках лингвокультурологического подхода, находится проблема репрезентации локальных реалий в языковой картине мира, прагматика функционирования топонимов, а также их роль в процессах конструирования идентичности и обеспечения межкультурной коммуникации. Фундаментальные теоретические положения и методологические подходы нашли своё системное изложение в трудах Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, А.С. Мамонтова и их научных последователей, которые интегрировали ономастические исследования в проблемное поле лингвокультурологии и страноведческого анализа.

Когнитивный подход. Когнитивная ономастика рассматривает топонимы как сложные ментальные конструкции, опосредующие когнитивное освоение и концептуальную организацию пространства (работы В.В. Алпатова, Н.Н. Болдырева, В.В. Робустовой, А.С. Щербак и др.). Топонимическое пространство города рассматривается как концепт [Заонегина 2023].

В фокусе научного исследования находятся ономастические концепты, образующие ономастическую концептосферу. Ономастическую концептосферу формируют концептуально-тематические области, связанные с именованием человека, пространства, природных и культурных объектов, а также с отражением исторической памяти, религиозных представлений и ценностных ориентиров социума.

Обращение к когнитивно-матричному анализу – методу исследования, разработанному в рамках теоретической концепции Н.Н. Болдырева и направленному на выявление системы взаимосвязанных когнитивных контекстов, формирующих значение языковой единицы, позволяет раскрыть многомерную природу топонимических ментальных образований и установить, какие типы знаний интегрируются в городской топонимии,

формируя ментальную репрезентацию городского пространства [Болдырев 2008; 2014].

Когнитивный подход к городской топонимии смещает фокус с формально-этимологического анализа на изучение роли топонимов в освоении городского пространства. Городские названия рассматриваются как элементы ментальной репрезентации города. Такой подход расширяет объяснительные возможности традиционной топонимики, интерпретируя топоним как многоаспектный лингвокогнитивный феномен.

1.3. Топонимы как объект лингвистического анализа в городском тексте

Топонимы, будучи неотъемлемым компонентом языковой системы, подчиняются общим лингвистическим закономерностям возникновения и развития. В научной литературе для обозначения совокупности имён собственных в городской среде используются термины «городские имена», «городские наименования», «онимия городской среды», «онимы городской среды» и «ономастическое пространство города», которые часто функционируют как синонимичные или близкие по значению обозначения одного феномена – городского ономастикона.

Термин «ономастикон» в лингвистической традиции определяется как «список любых собственных имён, составленный обычно раздельно для разных категорий онимов, в частности антропонимикон, топонимикон» [Подольская 1988: 98]. Иными словами, ономастикон представляет собой системно организованную совокупность ономастических единиц – имён собственных различных типов (топонимов, антропонимов, эргонимов, урбанонимов и др.), зафиксированных в пределах определённых территориальных границ.

Согласно «Словарю русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской (2-е изд., 1988), в научной практике применительно

к конкретным городам закрепились следующие традиционные термины: «городская топонимия»[1], «городская топонимика» [Голомидова 2022], «топонимическая система» [Забелин 2007].

В современной русской топонимике утвердилось семантико-интерпретационное направление, трактующее топоним не как нейтральное имя собственное, а как смысловое целое, доступное интерпретации. В центре данного подхода лежит представление о топониме как об особой лингвистической единице, которая в предельно компактной форме кодирует развёрнутое, многосоставное содержание и может рассматриваться как «топоним-текст». Данное направление последовательно разрабатывается в трудах М.В. Горбаневского, Е.Л. Березович, В.С. Картавенко, И.А. Королёвой и исследователей их научных школ. Их работы формируют методологическую базу для анализа топонимов как носителей культурной памяти и исторической информации.

Семантико-интерпретационный подход предполагает, что топонимы не просто фиксируют географические объекты, но и транслируют сложные культурные смыслы. Это позволяет рассматривать топонимию как важный источник для изучения этнокультурной истории и ментальных представлений народа.

На сегодняшний день отсутствует универсальное определение термина «текст» (от лат. textus – ткань, сплетение, соединение). Разные школы и авторы предлагают свои формулировки в зависимости от целей исследования. Одним из широко употребляемых в лингвистике определений текста является следующее: текст – это «любое речевое высказывание, обладающее завершённостью и смысловым единством, имеющее коммуникативную значимость и понимаемое с опорой на лингвистический

[1] Ср.: название монографии «Городская топонимия: современная политика и практика именования / под ред. М.В. Голомидовой, С.О. Горяева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. 216 с.

контекст, ситуативный контекст и экстралингвистические знания» [Гостев 2021: 197].

Любое географическое название (топоним) представляет собой лексическую единицу языка, которая кодирует широкий спектр экстралингвистических знаний: энциклопедические (даты, события, освоение территории, исторические личности), географические (рельеф, растительность, гидрография), культурно-традиционные (религиозные представления, мифы, легенды, фольклор, нравы и обычаи народа). Совокупность этих знаний формирует у человека целостное представление о топониме и связанных с ним различных контекстах.

Название (наименование) городского объекта – вербализованный результат познавательной деятельности, отражающий накопленный опыт употребления соответствующего топонима в различных контекстах и фиксируемый в индивидуальном, массовом и национальном сознании. [Болдырев 2020, 2007, 2006; Верещагин, В.Г. Костомаров 2005].

Н.Н. Болдырев акцентирует внимание на том, что «познание окружающего мира человеком всегда индивидуально и основывается на собственном опыте взаимодействия с этим миром: практического, ментального, вербального» [Болдырев 2007: 22].

Из этого следует, что каждый отдельно взятый топоним является многоаспектным семантическим и энциклопедическим единством, объединяющим лексическую форму топонима, его фонетическую оболочку, морфологическую структуру и разветвлённую сеть экстралингвистических знаний, которые формируются, сохраняются и трансформируются в ходе познавательной деятельности индивидов и сообществ. В этом случае особо следует отметить, что топонимическое знание – это знание коллективное в плане его содержания, объема и интерпретации.

«Любой топоним отражает форму осмысления мира в языке, т.е. особый тип знания – знание ономастическое» [Щербак 2012: 78]. Понимание топонима как особого типа знания обусловливает переход от изолированного

рассмотрения отдельных названий к комплексному анализу, в рамках которого семантика топонима изучается в неразрывной связи с экстралингвистическими факторами. Это предполагает рассмотрение топонима как элемента контекстуальной системы: сопоставление его лексического значения с данными истории, культуры, ландшафта и социальной практики, а также привлечение сопутствующих фоновых знаний (представления о месте, его истории, культуре и пространственной организации).

В результате «неизбежно выходим на проблему способов изучения топонимов как части знаковых произведений, или топонимических полисемиотических микротекстов, созданных в городской среде» [Голомидова 2024: 215].

Согласно концепции М.В. Горбаневского, топоним представляет собой особого рода «свёрнутый текст», в котором в концентрированной форме может быть заключена комплексная культурно-историческая и лингвистическая информация [Горбаневский 1996: 183]. При употреблении топонима в устной или письменной коммуникации его содержание способно актуализировать фоновые знания носителей языка и тем самым допускать частичное развертывание исходного содержания.

В ходе данного процесса существенную роль играет субъективное восприятие географического объекта, или чувство места, формируемое индивидуальным опытом, культурным контекстом и системой ценностей воспринимающего субъекта. Один человек может интерпретировать город преимущественно через его историко-культурное наследие, ассоциируя его с ключевыми событиями и историческими личностями; другой – через автобиографические воспоминания; третий – через эстетические и природно-ландшафтные характеристики, включая визуальный облик городской среды, её пространственную организацию и природное окружение.

В русскоязычной художественной литературе индивидуально-авторские представления о городе репрезентируются посредством семантического

развития и контекстуальной актуализации городского топонима (урбанонима). Сохраняя первичную локативную референцию, топоним в художественном тексте актуализирует ассоциативные, оценочные и культурно-исторические коннотации, нередко соотносимые с прецедентными смыслами, и участвует в формировании символического образа городского пространства.

Проблема культурно-исторической значимости топонимического материала неоднократно становилась предметом научного рассмотрения. Р.А. Агеева исследовала гидронимию Псковских и Новгородских земель в связи с историей заселения региона. При этом топонимический материал может интерпретироваться в рамках понятия «ономастический текст»: отдельный топоним в таком подходе предстаёт не изолированной единицей, а элементом системы имён собственных, отражающей историко-культурные связи территории. [Агеева 1989].

Дальнейшее развитие представлений о топониме как «тексте» предложено В.С. Картавенко в исследованиях топонимии западного региона России. Учёный рассматривает топонимию как сложную вербально-семантическую систему, в которой аккумулируются и взаимодействуют разноуровневые языковые пласты [Картавенко 2014].

Развивая представление о топониме как тексте, подлежащем «чтению» и интерпретации с учётом историко-диахронической перспективы, контактной лингвистики и социокультурного контекста, В.К. Картавенко показывает, что из ономастических данных можно извлекать информацию о языковых заимствованиях, этнической структуре и политико-культурных процессах региона [Картавенко 2014].

Е.Л. Березович разработала текстовую модель организации топонимического континуума. Она полагает допустимым рассматривать взаимодействие топонимического текста с другими типами текстов, например, фольклорными, религиозными или этнографическими, которые функционируют в рамках надтекста традиционной национальной культуры. В

рамках указанного подхода топоним интерпретируется как поликодовый текст, в котором интегрируются сведения различного семантического уровня, Будучи элементом определённой тематической сферы, он входит в традиционную народно-культурную картину мира. При таком подходе топоним как текст накапливает объёмную (многоуровневую) информацию и выступает как элемент определённой тематической области, «являющейся органичной частью народной культуры» [Березович 1995: 94].

При изучении топонима как свёрнутого текста, который при декодировании выявляет широкую разноплановую экстралингвистическую информацию, И.А. Королёва показала возможности топонимического общероссийского электронного ресурса. По мнению учёного, именно объёмность лингвистической и экстралингвистической информации позволяет топонимам быть единицами, репрезентирующими связь с культурно-историческими и национально-специфическими особенностями того или иного народа [Королева 2015: 32].

В рамках семиотического подхода Н.П. Ревякиной городское пространство рассматривается как знаковая система, обладающая текстовой организацией. «Городской текст» понимается как целостная совокупность материальных и нематериальных знаков, которые воспринимаются, декодируются и интерпретируются субъектом. Особую роль в этом процессе играют топонимы, выступающие вербальными маркерами культурно-исторической памяти и смысловой организации городского пространства [Ревякина 2026: 127].

В исследовании петербургского текста В. Н. Яранцев обосновывает фундаментальную взаимосвязь между физическим развитием Санкт-Петербурга и семантическим развёртыванием его городского текста. Градостроительное становление трактуется как материализация изначального «текста», закодированного в имени города. Градостроительная структура (прямые проспекты, ансамбли дворцов, топонимика) интерпретируется как система знаков, образующих целостный «пространственный текст». В нём

реализуется петровский проект новой столицы, ориентированный одновременно на европейскую модель и на сакрализацию городского пространства. Так, Первоначальный дворец Петра I (Домик Петра I) трактуется исследователем как «программный текст новой России» [Яранцев 2016: 302].

Из сказанного следует, что городской топоним следует рассматривать не как изолированный языковой знак, а как особый знаковый комплекс, аккумулирующий историко-культурный, лингвистический и когнитивный опыт городского сообщества. В трудах М.В. Горбаневского, Р.А. Агеевой, Е.Л. Березович, В.К. Картавенко, Н.П. Ревякиной, В.Н. Яранцева и других исследователей обоснована трактовка топонима как динамичного многослойного текста города, в котором находят отражение процессы освоения территории, языковые и этнокультурные контакты, хозяйственная деятельность, а также пространственные, сакральные и мифологические представления.

В этой связи продуктивным представляется лингвокогнитивный подход к анализу городской топонимии, поскольку он обеспечивает возможность комплексного изучения семантических, прагматических и концептуальных составляющих топонимического знания.

Такой подход создаёт теоретико-методологическую основу для интерпретации городской номинации как формы фиксации и трансляции коллективной культурной памяти. Это определяет его значимость для дальнейшего исследования содержательных структур образа городского пространства.

В современной топонимике подход, в рамках которого любой городской топоним рассматривается как текст, позволяет интегративно анализировать семантические, прагматические и концептуальные компоненты топонимического знания.

1.4. Лингвокогнитивная специфика топонимов в городском тексте

Идея понимания семантики топонима как «концентрированного текста» опирается на ключевые положения о городе как семиотической системе и восходит к тартуско-московской семиотической школе (1960–1980-е гг.).

В работах Ю.М. Лотмана и В.Н. Топорова город рассматривается не только как материально-пространственный объект, но и как знаковая система и «текст культуры». В этой перспективе городское пространство обладает собственной структурой и семантикой и функционирует как текст культуры, «говорящий» языком проспектов, улиц, площадей и памятников и включённый в процессы порождения, передачи и трансформации культурных смыслов [Лотман 1984, 2014].

Учёные данной школы сформулировали принцип семиотического анализа городского «текста», в рамках которого город интерпретируется как знаковая система, обладающая собственной структурой и семантикой. Топонимы в этой системе функционируют как языковые знаки, символы и маркеры пространственной идентичности. Топоним понимается не просто как наименование, а как свёрнутая знаковая система, кодирующая культурную идентичность места.

Ведущий представитель данной традиции В.Н. Топоров [Топоров 1984, 2009] и другие исследователи существенно расширили понятие текста, утвердив его как методологический инструмент анализа не только художественных произведений, но и любых упорядоченных знаковых систем. Это позволило выстроить дальнейшую семиотическую интерпретацию города как текстовой структуры. Ученые доказали, что «текст» следует понимать как совокупность знаковых элементов, связанных правилами и кодами, через которые общество конструирует и передаёт значение. В этой парадигме текст перестаёт быть привязанным исключительно к языковым знакам. Концептуальная модель, предложенная В.Н. Топоровым, стала

отправной точкой для развития исследовательской парадигмы, ориентированной на анализ текстового освоения локальных урбанонимических пространств [Топоров 2009, 2003, 1984].

Эта концепция легла в основу последующих семиотических и культурологических исследований города как текста. Заметим, первым из российских учёных, кто обратился к семиотике города, был социолог и урбанист Н.П. Анциферов. Он ввёл в российскую урбанистику понятие «душа города» (перекликается с понятием «дух места») и трактовал город как текстуально насыщенный конструкт: здания, улицы, памятники, вывески и особенно топонимы выступают в нём знаками и смыслами. Город «читается» как литературное произведение, а краеведение становится методом его интерпретации [Анциферов 2014].

Расширенная категоризация городской среды обосновывает аналитическую ономастическую модель города как текста, в котором городские топонимы выступает топонимиконом, структурирующим ритм коммуникации и определяющим стратегии полифонического прочтения пространства. Такой подход позволяет выявить преимущества исследования топонимов в городской среде [Голомидова 2022, 2019].

Со временем понятие «текст» стало ключевой категорией гуманитарных наук: оно вышло за рамки сугубо литературоведческих и семиотических интерпретаций и приобрело статус общекультурологического феномена.

Термин «локальный текст», введённый в научный оборот В.В. Абашевым, обозначает текстообразующую систему, формирующуюся из совокупности высказываний о конкретном локусе и закрепляющуюся в культурном сознании как целостный образ места. В работах В.В. Абашева это понятие описывает ситуацию, когда образ местности становится активным компонентом художественного произведения и культурной идентичности территории [Святославский 2019: 201-207].

В традиции, продолженной Н.Л. Потаниной, внесшей существенный вклад в изучение того, как художественное творчество формирует устойчивые образы местности в русской и европейской культуре, локальный текст понимается как многозначный термин, охватывающий как насыщенное местными чертами произведение, так и семантическое поле репрезентативных для данного локуса образов и мотивов [Потанина 2012: 32-37].

В научном дискурсе, изучающем корреляцию литературы и культуры [Мартынова 2024: 33-39], в качестве продуктивной аналитической категории утвердились понятия «локальный текст» (см.: основательный обзор изучения понятия «локальный текст» в русском литературоведении XX века [Приходченко 2023: 30-42], «городской текст» [Шмидт 2007], «город как текст» [Ревякина 2026]).

Вместе с тем выделение «топонимического локального текста» в качестве структурного компонента локального текста места представляется вполне обоснованным. Топонимика образует один из значимых смысловых слоёв культурного ландшафта, фиксируя историко-культурные ассоциации, коллективную память и способы символического освоения территории. В этой связи «топонимический локальный текст» может быть определён как совокупность топонимов и связанных с ними повествовательных, интерпретационных и коммуникативных практик, посредством которых конструируется и репрезентируется образ места.

Например, в период Русского Туркестана главная улица Самарканда называлась Кауфманской (в честь К.П. Кауфмана, первого генерал-губернатора Туркестана); впоследствии – улица Ленина, а после обретения Узбекистаном независимости – улица Мустакиллик («Независимость»). Эти примеры показывают, что топонимические повествования наслаиваются и сосуществуют, отражая смену политических режимов и их идеологий (имперский → советский → национальный).

Из сказанного следует, что топонимический текст города представляет собой систему устойчивых наименований городских объектов, прежде всего урбанонимов, включая годонимы, агоронимы, гефиронимы, пилонимы и другие разряды. Взятые в совокупности, эти единицы формируют топонимическое пространство города, репрезентируют его образ и отражают культурную, историческую и пространственную идентичность.

Категория «самаркандский текст» формируется на основе топонима «Самарканд», выступающего ядром локального текста. Топонимическая структура этого текста не только номинирует физическое пространство города, но и функционирует как система ономастических знаков, репрезентирующих Самарканд в различных дискурсивных практиках (художественной литературе, туризме, медиа, культурной памяти).

Опираясь на традиции городской семиотики, Р. Чепайтене рассматривает город как дискурс и текст, выделяя в нём синтаксический (структура знаковых систем), семантический (значения и смыслы) и прагматический (реакция «читателя») уровни [Чепайтене 2017].

В XXI веке концепция «город как текст» оформилась как устойчивый междисциплинарный объект исследования, находящийся на стыке литературоведения, семиотики культуры и исследований локального текста, например: «Семиотика „Самаркандского текста“» [Шафранская 2024]; «Нижегородский текст и его создатели (обзор)» [Петрова 2021]; «Крымский текст русской литературы: история и современность» [Люсый 2016]; «Калининградский текст в семиотическом пространстве культуры [Гаврилина 2011]; «Московский текст в литературе XX в. …» [Селеменова 2009]; «Лондонский городской текст русской литературы первой трети XIX века [Прохорова 2005]; «Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века» [Абашев 2000].

Концепция «города как текста», сформировавшаяся в рамках семиотики культуры, литературоведения и культурологии, создала теоретические предпосылки для интерпретации топонимов как «свёрнутых» или «сжатых

текстов» и способствовала формированию когнитивной топонимики – междисциплинарного направления, объединяющего методы и понятия ономастики, когнитивной лингвистики, семиотики, истории, культурологии и географии.

В этой парадигме топонимы рассматриваются не только как денотативные обозначения географических объектов, но и как элементы языкового образа городской среды, репрезентирующие её культурно-историческую идентичность. При этом топониму приписывается текстообразующий потенциал: он способен разворачивать целое высказывание, поскольку аккумулирует когнитивные контексты, связанные с обозначаемым местом.

Показательно, что в «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской зафиксированы термины «топоним-фраза» [Подольская 1988: 131] и «имя-фраза» [Там же: 62]. В качестве примера автор словаря приводит казахский топоним «Текелитау», означающий «Гора, где водятся козлы».

Употребление данных терминов позволяет сформулировать положение, нетривиальное с позиций традиционной лингвистики: топоним представляет собой не элементарную лексическую единицу, а сложную структурно-семантическую конструкцию, функционально сопоставимую с микротекстом. Иными словами, собственное имя может обладать внутренней предикативной структурой и передавать свернутое высказывание. Это соответствует определению, согласно которому имя собственное трактуется как «любое имя собственное, представляющее собой короткий текст» [Подольская 1988: 131].

Такие топонимические словосочетания, как «город Самарканд», «площадь Регистан») – это номинативные конструкции со скрытой предикативной структурой, репрезентирующие свёрнутое пропозициональное и лингвокультурное знание о географическом объекте, включая его экстралингвистические характеристики.

В процессе передачи топонимического значения топоним может одновременно включать в себя номинативное содержание нарицательной лексемы и лексико-грамматически оформленное значение собственного имени, выполняющего определительную (идентифицирующую) функцию. Такая двойственная семантико-грамматическая организация обеспечивает восприятие смыслового единства топонимического объекта при его индивидуальном назывании.

Заслуживает внимания нетрадиционный теоретический взгляд А.Л. Шарандина на языковой статус имени собственного как особый структурно-семантический тип слов, отличающийся от традиционного понимания. Учёный обосновывает, что имена собственные в русском языке представляют собой самостоятельный лексический класс слов – особый структурно-семантический тип, не сводимый к лексико-грамматическому разряду существительных [Шарандин 2021: 68-76].

Согласно А.Л. Шарандину, имена собственные образуют так называемый «нарицательно-собственный комплекс», который реализуется в сочетаниях нарицательного существительного с именем собственным, например: река Волга, город Тамбов и подобное [Там же: 73]. В рамках данной концепции имя собственное рассматривается как самостоятельный лексический класс слов со своим категориальным значением, что позволяет говорить о его особом месте в системе частей речи русского языка [Там же: 72, 122].

Из изложенного следует, что понимание топонима-текста предполагает расширение ключевых положений о имени собственном, которое может быть представлено в трёх взаимосвязанных основаниях:

1) топоним представляет собой особый тип языкового знака, обладающий специфической семантикой, прагматикой и функцией идентификации географического объекта;

2) топонимы образуют самостоятельный лексический класс, характеризующийся особыми системными, словообразовательными и функциональными свойствами;

3) топоним рассматривается как апеллятивно-топонимическое единство (по А.Л. Шарандину, «нарицательно-собственный комплекс» [Шарандин 2021: 73]), в котором взаимодействуют признаки нарицательного и собственного имени, обеспечивающие его семантическую и культурно-когнитивную глубину.

Остановимся подробнее на этих взаимосвязанных основаниях, позволяющих считать, что топоним имеет двойственную природу: он не только служит практическим средством пространственной ориентации, но и участвует в создании культурно-символического образа города.

Топонимы – особый тип языкового знака

Топонимы не имеют прямого лексического значения (как нарицательные «город», «улица»), а лишь называют объект, выступая номинативными, а не коммуникативными единицами, сочетают в себе двойственную природу: как имена собственные они индивидуально обозначают уникальный географический объект, а как слова из общего языка имеют лексическое значение, происхождение и семантическую структуру. Топонимы семантически и синтаксически «дефектны» и требуют родового слова для полноты описания.

Еще В. фон Гумбольдт относил слово как единицы языка к знакам: «Слово, действительно, есть знак, до такой степени, до какой оно используется вместо вещи или понятия» [Гумбольдт 1985: 304]. В научной литературе топоним трактуется как лингвистический знак (ономастический знак) и как лингвокультурологический знак (В.В. Корнева).

Топонимы – самостоятельный лексический класс

В русском языке топонимы не выделяются в системе частей речи, а относятся к системе структурно-семантических типов (по А.Л. Шарандину). Топонимы – это имена собственные, однако они не образуют

отдельную часть речи и не обладают грамматическими категориями, характерными для частей речи (например, временными формами глаголов или родовыми/степенными формами прилагательных в том смысле, в каком эти категории реализуются у нарицательных слов). Их классификация строится прежде всего по структуре и способу образования (суффиксация, словосложение и др.) и по семантике основания (гидронимы, урбанонимы, пилонимы и т.п.).

Топонимы – апеллятивно-топонимическое единство

Собственные имена и апеллятивная лексика находятся в отношениях непрерывного взаимовлияния: онимы, формируясь внутри национального языка, интегрируются в его лексико-семантическую систему [Щербак 2017: 97].

Данная корреляция реализуется в том, что апеллятивный компонент урбанонима (как вербализованный, так и имплицитно восстанавливаемый в устной коммуникации) конструирует целостный когнитивный образ линейного адресного объекта городской среды. Этот образ имеет гештальтную природу и представляет собой наглядно-схематическую модель, объединяющую языковые, пространственные и адресные характеристики объекта [Там же: 88].

В этом случае нарицательно-топонимический комплекс создаёт полную идентификацию объекта, где родовое слово пишется со строчной буквы, визуальным маркером отнесения к именам собственным является прописная буква.

Приведем примеры из книги художника К.С. Петрова-Водкина[2]:

«*В большей мере с* площадью Регистана *связаны для меня впечатления фруктовые*»; «*Налево лесенку в низкую дверь наружу* на кладбище Афра-

[2] Петрова-Водкин К.С. Самаркандия: из путевых набросков 1921 г. Петербург: «Аквилон», 1923.49 с.

сиаба»[3]; «*Минуя каменный* мост Сиаба, *попадаешь в пригородную деревушку».*

Приложение 2, № 4.

Нарицательные существительные *площадь, кладбище, мост* относятся к классу урбанонимов (наименования объектов городской инфраструктуры). Имена собственные *Регистан, Афрасиаб, Сиаб* выполняют функцию индивидуализации конкретных городских объектов. Совместное употребление апеллятива и онима обеспечивает полную географическую идентификацию топонимического объекта в языковой системе.

Сочетание нарицательного и собственного имени образует апеллятивно-топонимическое единство. В научной литературе синонимичными обозначениями данной конструкции служат термины «апеллятивно-онимическое словосочетание», «апеллятивно-собственное словосочетание», а также «апеллятивно-онимический комплекс».

В данном исследовании используется термин «апеллятивно-топонимическое единство» для обозначения составной номинативной конструкции, включающей географический термин (апеллятив) и топоним (оним). Апеллятив – родовое обозначение объекта, указывающее на его тип или категорию: город, площадь, базар, улица, бульвар и др.; топоним выполняет функцию индивидуализирующего наименования конкретного объекта. Такое сочетание обеспечивает однозначную референцию: *город Самарканд, площадь Регистан, Сиабский базар, улица Ислама Каримова, Университетский бульвар*.

С позиций ономасиологии такая конструкция является двойным наименованием географического объекта: географический термин как родовое понятие относит его к определённому классу сходных объектов, а собственное имя отличает его среди однородных. Таким образом, апеллятив выполняет классифицирующую (категоризующую) роль, а топоним – функцию идентификации и индивидуализации объекта.

[3] Сохранена авторская орфография.

Подобные топонимы представляют собой двойные номинации, сочетающие апеллятивное родовое обозначение и индивидуализирующее собственное имя. Они не только идентифицируют конкретный объект как уникальный, но и сохраняют семантическую связь с нарицательной системой языка посредством родового понятия.

Таким образом, топоним обладает двойственной природой: с одной стороны, он выполняет утилитарную функцию пространственной ориентации, с другой – участвует в формировании культурно-символического образа города, связывая его физическую географию с ментальными и текстовыми репрезентациями. Городская топонимия образует специфическую лингвистическую среду городского пространства и отражает исторические, культурные, социально-пространственные и функциональные характеристики городской среды [Чиркова 2022].

В настоящее время интерес учёных сосредоточен на изучении «самаркандского текста» как сложного семиотического поля, которое репрезентирует система семиотических признаков, определяющих культурно-историческую идентичность города. Э.Ф. Шафранской, Т.Т. Гариповой, Ю.У. Матеновой был применён междисциплинарный подход к анализу корпуса оригинальных и переводных русскоязычных художественных текстов, посвящённых Самарканду, который охватывал широкий хронологический диапазон – с XV по XXI век. Объектом анализа стали произведения различных жанров: исторические романы, образная и прагматическая беллетристика, травелоги, философские эссе, мемуары, эпистолярное наследие и иные текстовые формы. Особое внимание уделено репертуару символов и сквозных сюжетных тем (архитектурный монументализм, ориенталистские мотивы, сакральность пространства и др.), которые в совокупности формируют уникальную культурно-символическую идентичность Самарканда. В рамках концепции «самаркандского текста» учеными был рассмотрен процесс конструирования образа города как результат длительной и многослойной семиотической практики.

Проведённый учеными анализ выявил, что «самаркандский текст» представляет собой устойчивую совокупность признаков, образующих специфическую семантическую и прагматическую конфигурацию, качественно отличающуюся от образов, конструируемых в рамках других локальных текстов.

Такое прочтение позволило Э.Ф. Шафранской, Т.Т. Гариповой и Ю.У .Матеновой не только реконструировать канонические черты «самаркандского текста», но и проследить механизмы его устойчивости и вариативности в ходе длительного историко-культурного процесса, а также выделить определенные топонимические концепты: концепт ГОРОД-РАЙ [Шафранская 2024: 36-38], концепт ГОРОД-СУДЬБА [там же: 38-40], концепт ГОРОД КУЛЬТУРЫ [там же: 40-41], концепт ГОРОД МЕЧТЫ [там же: 41-42], концепт ГОРОД-СПАСИТЕЛЬ [там же: 43].

В научной литературе (преимущественно в области лингвистики, психолингвистики и когнитивных наук) общепринятым пониманием концепта считается следующая дефиниция. Концепт – это самостоятельный элемент мышления и памяти, в котором в сжатом и упорядоченном виде хранится знание о каком-либо объекте действительности (по Е.С. Кубряковой), который представляет собой единицу индивидуального или коллективного сознания, в которой структурируются знания, представления, ассоциации и ценностные оценки, связанные с определённым объектом.

Под топонимическим концептом А.Н. Беляев понимает «единицу ментальной репрезентации фрагмента физической географии, описываемого топонимическим контекстом» [Беляев 2019: 16]. Термин «топонимический концепт» синонимичен термину «топоконцепт» [Рублева 2017: 76].

Из приведённого определения следует, что топонимический концепт представляет собой культурно маркированный вербализованный смысл, объединяющий характеристики понятия и представления. Он аккумулирует рациональные, эмоциональные и абстрактные компоненты знания о

топонимическом объекте, отражая всю совокупность этого знания в сознании субъекта.

Группа взаимосвязанных концептов, таких как ГОРОД-РАЙ, ГОРОД-СУДЬБА, ГОРОД КУЛЬТУРЫ, ГОРОД МЕЧТЫ, ГОРОД-СПАСИТЕЛЬ, объединённых по локальному признаку, формирует более крупные когнитивные структуры – концептуально-тематическую области. Подобные концептуально-тематические области (например, ГОРОД, ЧЕЛОВЕК, КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ, ПРИРОДА) характеризуются взаимопроникновением системных отношений, которые отражают специфический способ осмысления окружающего мира, конструирования знаний о нём, а также их организации и хранения в сознании субъекта [Болдырев 2014: 33-39].

Рассмотрим различия между топонимическим концептом и концептуально-тематической областью (см. Таблица 2).

Таблица 2.

Различия между топонимическим концептом
и концептуально-тематической областью

Параметры	Концепт	Концептуально-тематическая область
Статус	Отдельная ментальная единица, имя которой – сам топоним	Группировка нескольких взаимосвязанных концептов по общей тематике (категория городских топонимов)
Содержание	Объединение знаний об объекте: языковые + культурные + оценочные знания	Совокупность/объединение топонимических концептов, образующая понятийную область
Функция	Номинирует конкретную топонимическую реальность, релевантную для лингвокультурного сообщества	Организовывает знания о мире в виде категории (например, урбанонимы города)

Принадлежность	Уникальная единица концептосферы	Подструктура концептосферы, тематическая группа (например, пилонимы города)

Таким образом, лингвокогнитивная специфика «самаркандского текста» проявляется в том, что топоним Самарканд осмысляется не только как географическое название, но и как концептуально нагруженная единица, аккумулирующая комплекс исторических, культурных, религиозных, эстетических и национально-ментальных смыслов. Топоним Самарканд функционирует как своеобразный «текст в тексте», актуализируя у адресата систему взаимосвязанных ассоциаций и культурных представлений.

Топоним Самарканд вызывает в сознании целый спектр представлений, связанных с древней историей Востока, Великим шёлковым путём, исламским зодчеством, декоративным богатством восточной культуры, наукой эпохи Тимуридов и общечеловеческим культурным наследием. Регистан, медресе, минареты, базары и обсерватория Улугбека выступают смысловыми маркерами концептуально-тематических областей, благодаря чему город предстаёт как «текст в тексте» – целостное воплощение восточной цивилизации, её духовных традиций, эстетических идеалов и интеллектуального величия.

Указанные обстоятельства делают топоним Самарканд перспективным объектом лингвокогнитивного исследования городской среды, поскольку астионим Самарканд является ономастической доминантой «самаркандского текста» и региональной идентичности.

И.Н. Мартынова отмечает, что «феномен городского текста представляет собой интересную исследовательскую область в современной лингвистике» [Мартынова 2024: 34].

1.5. Дифференциальные признаки маркированности топонимического городского текста

Топонимический городской текст – это исторически сложившаяся и структурно организованная совокупность топонимических единиц городской территории (названий улиц, проспектов, переулков, площадей, районов, транспортных объектов и др.), которые находятся в системных отношениях, участвуют в формировании вербального образа города, отражают его культурно-историческую специфику и могут входить в языковую картину мира и коллективную память городского сообщества.

Топонимический городской текст характеризуется совокупностью дифференциальных признаков (адресный, идентифицирующий, информативный, символический, меморативный, прагматический). Особое место занимают такие признаки, как интертекстуальность, связность и целостность.

Сущность дифференциального признака «интертекстуальность»

Интертекстуальность городской топонимии проявляется в том, что отдельные урбанонимы содержат отсылки к историческим событиям и знаменитым личностям, жизнью и творчеством связанных с городом, к произведениям литературы и фольклора, религиозным сюжетам (прецедентные феномены культуры), а также к устойчивым образам, связанным с городом. При этом связь топонима с историко-культурным контекстом может иметь не только интертекстуальный, но и меморативный, символический или религиозный характер.

Например, названия медресе, мавзолеев или площадей (Регистан, Шахи-Зинда, Гур-Эмир) не сводятся к денотативной функции обозначения объектов, они активируют комплекс ассоциаций, связанных с эпохой Тимуридов, исламской наукой, поэзией и философией, порождая смысловую полифонию городского пространства.

Кроме того, интертекстуальность усиливается за счёт присутствия Самарканда в мировой литературе – от записок путешественников (Клавихо) до произведений современных авторов, что создаёт пространство, где город становится универсальным символом Востока, мудрости и древности.

Интертекстуальность проявляется в том, что название места вступает в диалог с другими топонимами-текстами, когда в процессе трансонимизации происходит переход одного класса онимов в другой, например:

топоним → антропоним (фамилия): Самарканд – Самарканди (математик и астроном Гияс ад-дин аль-Каши ас-Самарканди, XV век);

топоним → эргоним: Самаркандский университет;

топоним → библионим: название путевых заметок (травелог) Кузьмы Петрова-Водкина «Самаркандия»;

антропоним → гефироним: название моста Шейбани-хан (или Шейбани) через реку Зеравшан недалеко от Самарканда, мост построен по приказу Мухаммада Шейбани-хана в начале XVI века;

антропоним → меморатив: памятник Амиру Темуру (Тамерлану), памятник Мирзо Улугбеку(внук Тимура).

антропоним → экклезионим: мечеть Биби-Ханым, Свято-Алексиевский собор.

антропоним → топоним Афрасиаб (древнее городище), названо в честь мифического царя Турана Афрасиаба, героя иранской трагедии «Шахнаме» Фирдоуси.

Сущность дифференциального признака «связность»

Связность топонимического текста может реализоваться, в частности, посредством топонимической деривации, при которой топооснова исходного гидронима становится мотивирующим компонентом наименований смежных элементов городской среды.

Например, самаркандский гидроним Сиаб лежит в основе мотивации таких городских топообъектов, как «Сиабский базар», Сиабский район города (до 2004 г.), официальное наименование остановки общественного

транспорта «Сиабский рынок». Исходный гидроним Сиаб организует вторичные номинации на основе трёх взаимосвязанных признаков: пространственной локализации объектов в пределах города; историко-культурной преемственности и функциональной соотнесённости производных объектов с исходным географическим объектом.

Связность «самаркандского текста», формирующего целостный образ города, формируют такие самаркандские топонимы, как площадь Регистан, улица Мирзо Улугбека, мечеть Биби-Ханум, Сиабский базар. Они выступают не только географическими ориентирами, но и носителями историко-культурных смыслов, формирующих определённые концептуально-тематические области.

Сущность дифференциального признака «целостность»

В топонимическом городском пространстве, отраженном в художественных текстах русскоязычных авторов, тополексемы отражают семантико-стилистическую перспективацию, в результате которой название городского объекта актуализирует определённую художественную перспективу видения города.

Так, антропоним Мирзо Улугбек, будучи мотивирующей основой ряда самаркандских урбонимов (медресе Улугбека, обсерватория Улугбека, улица Улугбека), не только идентифицирует городские объекты, но и актуализирует их культурно-символический потенциал. В тексте о Самарканде такие названия включаются в общее ассоциативно-семантическое поле, связанное с образованием, наукой, астрономией и исторической памятью.

Таким образом, интертекстуальность, целостность и связность городского топонимического текста находятся в отношениях взаимной обусловленности: интертекстуальные связи поддерживают целостность и связность топонимического городского текста, а его внутренняя организованность, в свою очередь, делает возможной устойчивость его интертекстуальности. Они формируют когнитивный образ города,

обеспечивая его восприятие как осмысленного, культурно насыщенного и коммуникативно эффективного «текста пространства».

Следовательно, городской топонимический текст характеризуется целостностью, интертекстуальностью и связностью, поскольку входящие в его состав топонимы формируют узнаваемый образ города, соотносятся с историко-культурными текстами и прецедентными смыслами, а также объединяются пространственными, словообразовательными, тематическими и когнитивными связями.

1.6. Городские топонимы в матричном формате

Топоним – это сложный ономастический знак, реализующий тройную функцию: номинативную (обозначение географического объекта), когнитивную (отражение и организация знаний о мире) и этнокультурную (идентификация этноса и фиксация его ценностных ориентиров) [Ковлакас 2021: 330]. Как языковая единица топоним именует объект и индексирует связанные с ним знания и представления [Щербак 2022: 697-704].

При решении вопроса, как человеческое сознание упорядочивает многообразие названий городских объектов, следует учитывать, что в когнитивной топонимии «смыслообразующим центром является сознание носителей языка» [Ковлакас 2021: 339]. В работе Е.Ф. Ковлакас приведён детальный обзор проблематики исследования топонимов в когнитивном аспекте [Ковлакас 2021].

Будучи вторичной единицей по своей природе, топонимы не порывают связь с нарицательным существительным, они продолжают сохранять конкретное содержание их концептуальных признаков и одновременно функционируют как элементы «языка города» (М.В. Голомидова, Р.В. Разумов, А.В. Дмитриева, С.О. Горяев, Е.Н. Клименко и др.).

Тройственность функций топонима: номинативной (именование), когнитивной (организация знаний) и этнокультурной (трансляция и

сохранение коллективной идентичности), определяет его статус как фундаментальной единицы топонимического знания в рамках топонимической картины мира. Последняя, в свою очередь, выступает компонентом языковой картины мира, обеспечивая системную связь между языковыми знаками.

Выделенная тройственность функций не противоречит, а дополняет и конкретизирует классические представления о денотативной (референциальной) и прагматической ролях языковых единиц, адаптируя их к специфике топонимического материала. Именно благодаря этой функциональной многомерности топоним выполняет роль «медиатора» между языком, мышлением и культурой, что и обосновывает его статус базовой единицы топонимического знания.

С позиции когнитивной ономастики топонимы трактуются как когнитивно-семантические репрезентации, в которых значение географического имени формируется не абстрактно, а на основе опыта взаимодействия с объектом. Этот опыт категоризируется в лексические структуры, трансформирующие прагматические характеристики топонима в концептуальное содержание [Федотова 2022: 34].

Так, при понимании топонима носители языка используют родовые понятия (бульвар, улица, проспект и т.п.), чтобы обеспечить их однозначную интерпретацию. Без таких понятий передача информации была бы менее надёжной. В этом случае происходит топонимическая классификация – когнитивная обработка семантической информации топонима, который в составе языка отражает «форматы знания особого типа» [Болдырев 2006: 5].

Сущность топонимической категоризации заключается в когнитивно-языковом осмыслении и систематизации пространственных объектов, в ходе которой формируется и репрезентируется топонимическая картина мира. Категория «топоним» выступает родовым понятием для различных классов географических наименований; применительно к городской среде она

конкретизируется в категории «урбаноним», объединяющей наименования внутригородских объектов.

Топонимическая категоризация упорядочивает пространственную информацию: отнесение названий к определённым типам объектов облегчает их кодирование и декодирование, способствует однозначной интерпретации и повышает надёжность передачи сведений о городской среде.

Категоризация городских топонимов представляет собой систематизированный процесс их распределения по определённым категориям на основе заранее установленных критериев:

1. *Единичность*. В сознании человека возникает образ индивидуального города, не классифицируемый как типичный (Москва, Санкт-Петербург, Самарканд).

2. *Классификация*. Мысленное соотнесение того или иного типа или вида топонима к определённому классу городских объектов (годоним, экклезионим, эргоним, хороним).

3. *Городская идентификация*. Возникают ассоциации с конкретным городским объектом, культурой и идентичностью (Европейская часть России, Средняя Азия).

4. *Достопримечательность*. Категоризация происходит через знаковые объекты города (Красная площадь, площадь Регистан).

5. *Известные личности*. Увековечивание памяти исторических, почитаемых личностей (улица Алишера Навои в Самарканде, улица Пушкина есть более чем в двадцати крупных городах России).

6. *Физиологическое восприятие*. Ср.: противопоставление «жаркий Узбекистан» – «сырой Санкт-Петербург». Они различаются по климатическим параметрам, что позволяет проследить, как конкретные физиологические механизмы порождают разные эстетические и поэтические ассоциации.

Городские топонимы функционируют как единицы вторичной, ассоциативно-образной номинации: они актуализируют ментальные

ономастические символы и образы, тем самым обогащают интерпретацию городского текста дополнительным смыслом.

Топоним целесообразно интерпретировать как компонент когнитивной матрицы, в которой интегрируются знания носителей языка о денотате – географическом объекте, его дифференциальных признаках, пространственной локализации, культурно-историческом фоне и мотивах номинации.

Топонимическая когнитивная матрица – это целостный формат организации и репрезентации многоаспектного знания, связанного с топонимом. Она представляет собой систему взаимосвязанных концептуально-тематических областей, структурирующих значение топонима [Болдырев 2009: 47; 2014: 33–39; Алпатов 2024; Щербак 2016].

Концепция разработана в рамках Тамбовской когнитивно-лингвистической школы Н.Н. Болдырева. Когнитивно-матричный анализ предполагает рассмотрение языковой единицы через совокупность взаимосвязанных когнитивных контекстов, что обеспечивает комплексное описание топонимических знаний [Болдырев 2008: 5-14].

В когнитивной лингвистике матрица понимается как многомерная структура знания, организующая концептуально-тематические области вокруг концепта или языковой единицы [Болдырев 2019: 92]. Её языковая репрезентация может осуществляться средствами разных уровней языковой системы.

В рамках когнитивно-матричной методологии топонимы рассматриваются как языковые единицы, кодирующие особый тип ономастического знания – топонимическое, которое организуется единой системой взаимосвязанных когнитивных контекстов. При этом под «системой взаимосвязанных когнитивных контекстов» понимается когнитивная матрица как особый формат многоаспектного знания [Болдырев 2009: 47], т.е. «система … областей концептуализации объекта» [Болдырев 2008: 5]. Топонимы рассматриваются как структуры знания, соотносящие языковую

форму с ментальными репрезентациями действительности; их значения актуализируются через определённые концептуально-тематические области – когнитивные контексты, обеспечивающие интерпретацию топонимов [Болдырев, 2009: 45].

В структуре когнитивной матрицы выделяются общая и частная матрицы:

общая матрица = многоаспектные контексты без ядра

частная матрица = ядро + периферия

Общая матрица отражает когнитивные контексты, передающие всеобщее многоаспектное знание само по себе, и не имеет фиксированного ядра. В этом контексте слово «всеобщее» подчёркивает широкий, неспецифицированный характер знания (как у слов типа «культура», «общество», «природа»); см. схема 1.

Схема 1. Общая когнитивная матрица

Частная когнитивная матрица топонима определяется как иерархически организованная концептуальная структура, в которой конкретный объект осмысления (ядро матрицы) выступает центром смыслообразования, а окружающие его когнитивные контексты формируют многомерное семантическое пространство и обеспечивают осмысление данного объекта в

когнитивных контекстах. В рамках частной когнитивной матрицы концептуально-тематические сферы в совокупности репрезентируют многоаспектное знание о городе и раскрывают содержание ядерного компонента «Самарканд» (см. схема 2).

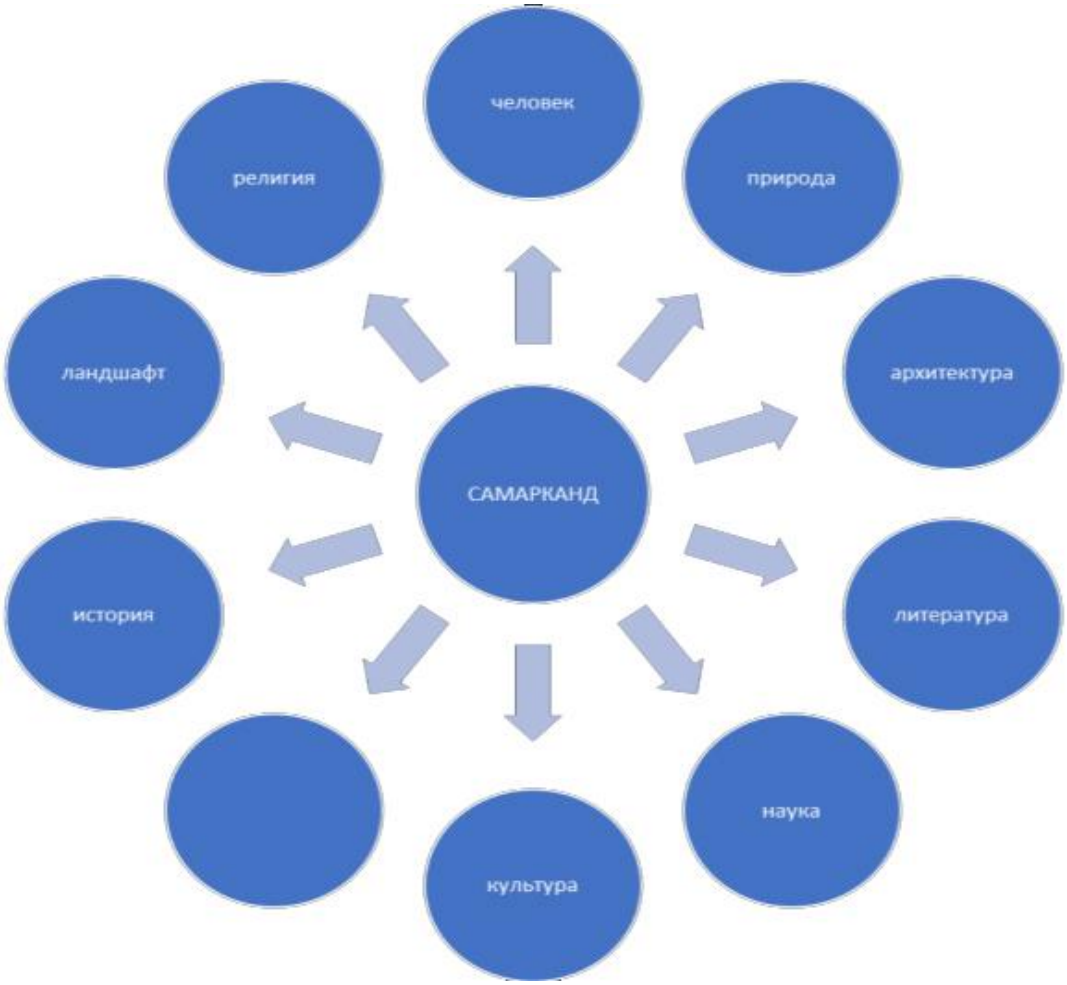

Схема 2. Частная когнитивная матрица Самарканд

Каждый контекст задаёт свой «угол зрения» на объект и формирует свою когнитивно-тематическую область. Термин «когнитивно-тематическая область» используется для обозначения активированного контекстом семантического пространства.

В этой перспективе частная когнитивная матрица топонима Самарканд представляет собой локальную систему когнитивных связей, отражающую уникальное концептуальное наполнение, связанное с данным местом. Соответственно, топонимическая матричная модель понимается как

многомерная когнитивно-семантическая структура, систематизирующая знания и репрезентации индивида о городе Самарканде.

Данная модель обладает двойственным онтологическим статусом: с одной стороны, она представляет собой ментальную (когнитивную) структуру восприятия и осмысления пространства, с другой – формализуемый объект, поддающийся структурно-семантическому и дискурсивному анализу.

В формате частной когнитивной матрицы топоним имеет трёхчастную когнитивную структуру: ядро (когнитивный базис) – универсальный концепт МЕСТО и его конкретизации (типа «город», «поселение», «река» и т. п.). Этот базис неизменен при создании любого географического имени; когнитивный признак – специфическая характеристика, выделяющая объект, и когнитивный предикат, который связывает базис и признаки в единое целое.

Ядром частной когнитивной матрицы топонима Самарканд является концепт, вербализуемый астионимом Самарканд, который актуализирует концептуально-тематические области, связанные с историко-культурным, географическим и символическим осмыслением города: ЧЕЛОВЕК, КУЛЬТУРА, НАУКА, ИСТОРИЯ, ПРИРОДА, РЕЛИГИЯ, ПРЕДМЕТЫ БЫТА и др. [Липатова 2024: 70]. В совокупности они формируют когнитивное пространство «самаркандского текста». В рамках указанных областей астионим Самарканд репрезентирует комплекс энциклопедических и культурно-исторических знаний об обозначаемом пространстве, отражающих его географические, исторические, культурные и социально-экономические характеристики и сведения, т.е. общечеловеческие знания об устройстве окружающей действительности, стоящие за топонимической единицей Самарканд.

Рассмотрение городских имён как матричных форматов знания позволяет более продуктивно анализировать взаимодействие локального и всеобщего в процессе формирования городских репрезентаций. Городские топонимы, выступая когнитивными маркерами, обеспечивают углубленное

понимание культурно-исторического образа города. Они не просто фиксируют городские тополексемы, но и аккумулируют многослойную информацию о прошлом и настоящем (исторических личностях, ключевых событиях, музейных и бытовых практиках, религиозных и политических трансформациях, межкультурной коммуникации).

Внутренняя форма топонима и ассоциативно-коннотативный комплекс, закреплённый за ним в национальном сознании, могут не соответствовать объективной действительности, что обусловливает особую значимость топонима как объекта исследования ментальных репрезентаций.

Таким образом, топоним Самарканд как языковой знак формирует матричную структуру, репрезентирующую многомерное знание [Болдырев 2008: 19], и актуализирует систему когнитивных контекстов, взаимодействие которых образует когнитивную матрицу «самаркандского текста».

Самаркандский топонимический материал формирует значимый фрагмент лингвокогнитивного пространства, в котором отражаются исторические события и особенности узбекской национальной языковой картины мира [Ионесова 2022: 63].

Применение когнитивно-матричного анализа в качестве метода исследования городских топонимов позволяет системно описать когнитивные основания их номинации, выявить систему взаимосвязанных когнитивных контекстов, лежащих в основе формирования их значений, и охарактеризовать структуры знания о городском пространстве, репрезентируемые данными топонимами.

Выводы по главе 1

Анализ научной литературы показал, что топонимика представляет собой самостоятельный раздел ономастики и междисциплинарную область знания, объектом которой выступают топонимы. Методология топонимики формируется на пересечении лингвистики, географии и истории, а также

привлекает достижения семиотики, культурологии, этнографии, археологии и когнитивных исследований.

Уникальность топонимических исследований заключается в возможности разрабатывать оригинальные аналитические подходы на стыке смежных дисциплин. Изучение городских топонимов позволяет реконструировать исторические, культурные и языковые особенности, а также глубже понять генезис и современную организацию городского пространства.

Городские топонимы представляют собой языковые знаки, функционирующие одновременно в системе языка и в концептуальной системе носителей: они выполняют номинативно-адресную функцию и могут актуализировать связанные с городским объектом когнитивные смыслы.

На концептуальном уровне урбанонимы выступают фундаментальным когнитивным компонентом топонимической картины мира: они обеспечивают пространственную ориентацию, категоризацию городской среды и трансляцию культурно значимых смыслов.

Будучи языковым знаком, топоним может быть описан в рамках когнитивно-матричной модели, отражающей совокупность когнитивных контекстов – концептуально-тематических областей, посредством которых осуществляется осмысление соответствующего городского пространства. Эта модель позволяет интерпретировать город как пространство культуры и исторической памяти, а топонимию – как значимый источник реконструкции отдельных фрагментов национальной картины мира. Как и любая языковая единица, городской топоним обладает значением и, будучи элементом лексической системы языка, выполняет не только номинативную функцию, обозначая реальный объект городской среды, но и функцию репрезентации определённого объёма знаний, организованных в виде матричной структуры.

Обращение к когнитивной матрице топонима позволяет раскрыть его концептуальное содержание, описать многоаспектное знание о соответствующем месте и обеспечить комплексный анализ городской

топонимии. В структуре такой матрицы могут быть выделены понятийные, образные и оценочно-интерпретативные компоненты, отражающие разные типы знаний о городском объекте.

Совокупность устойчивых урбанонимов Самарканда может рассматриваться как относительно целостный топонимический текст – аналитическая модель лингвокогнитивной организации городских топонимов, позволяющая описывать городскую топонимию как многослойное культурно-семантическое пространство. В его пределах отдельные топонимы, их мотивировочные признаки и устойчивые ассоциации вступают в семантические, историко-культурные и интертекстуальные отношения, образуя структуру типа «текст в тексте». Такое понимание не приравнивает урбанонимию к вербальному тексту в узком лингвистическом смысле, а использует категорию текста как инструмент семиотической и лингвокогнитивной интерпретации городского пространства.

Городской текст, представленный топонимами, включает три важных компонента: интертекстуальность, связность и целостность. Интертекстуальность обеспечивает историческую память города – топонимы отсылают к прецедентным феноменам и архитектурным слоям различных эпох. Связность отражает когнитивную организацию городского пространства, выявляя логические и семантические связи между элементами топонимической системы. Целостность выражает самоидентификацию города, формируя восприятие пространства как единой, системно организованной и насыщенной по смыслу структуры. При этом структурная организация (связность) и коммуникативно-содержательная организация (целостность) городского топонима находятся в диалектическом единстве и взаимодействии.

Маркированность городского текста обусловлена онтологической амбивалентностью топонима: с одной стороны, он выступает как ономастический знак и элемент текста города, с другой – как автономная единица знания, включённая в устойчивые когнитивно-тематические области,

такие как историческая память, пространственная ориентация, социальная идентичность и культурные ценности. Именно эти области актуализируют и структурируют смыслы, связанные с образом города.

Когнитивно-матричный подход создаёт основу для комплексной интерпретации структурно-семантических и историко-культурных характеристик городских топонимов. Он позволяет выявить, как топонимы функционируют в языковом сознании авторов русскоязычных произведений, участвуют в конструировании образа городского пространства и могут репрезентировать ценностные доминанты социума.

Топонимическая когнитивная матрица, применяемая к анализу наименований городских объектов, представляет собой инструмент системного описания городской топонимической системы: она объединяет семантические, ассоциативные, культурно-исторические и ценностные компоненты, актуализируемые в топонимах.

Исследование городских имен предполагает комплексный подход, объединяющий традиционную типологию топонимов и когнитивные методы, в частности метод топонимической когнитивной матрицы, что позволяет полнее раскрыть их роль в языке и в культурно-историческом сознании общества. Топонимическая когнитивная матрица, применяемая для анализа наименований городских объектов, служит инструментом системного изучения топонимической системы города.

Топонимическая когнитивная матрица может рассматриваться как инструмент моделирования «самаркандского текста». Она позволяет представить Самарканд не только как совокупность реальных городских объектов, но и как феномен, репрезентированный в языковом и культурном сознании как лингвокогнитивно организованное пространство смыслов. В такой модели астионим Самарканд выступает ядерной единицей, связанной с определенными концептуально-тематическими областями.

ГЛАВА 2.
«САМАРКАНДСКИЙ ТЕКСТ» КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТОПОНИМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

«Где название – там и история»
В.И. Даль

«Не случайно сердце России – простая Москва,
а не великолепный Самарканд».
Николай Гумилёв
«Письма о русской поэзии» //журнал «Аполлон», 1912. № 6.

2.1. Топонимический и лингвокультурный образ Самарканда в поэтическом высказывании Н.С. Гумилёва

В приведённом выше высказывании Н.С. Гумилёва сочетание «великолепный Самарканд» противопоставлено сочетанию «простая Москва». Эта контекстуальная оппозиция формирует контекстуальную антитезу, основанную на столкновении двух различных образов города: национально близкого и культурно освоенного – с одной стороны, и удалённого, исторически многослойного и экзотизированного – с другой.

Топоним Самарканд выполняет здесь не только номинативную функцию, обозначая конкретный географический объект, но и приобретает символическое значение. Он вызывает представления о древнем восточном городе, его архитектурном и историческом наследии, державе Амира Тимура, простиравшейся от Волги до Ганга и от Тянь-Шаня до Босфора, а также научной и культурной деятельности Улугбека (внука Амира Тимура). Поэтому в художественном контексте топоним Самарканд выступает не только как название города, но и как носитель совокупности историко-культурных ассоциаций.

Используя в художественном тексте топоним Самарканд, поэт опирается на укоренённую в коллективном культурном сознании когнитивную базу

(комплекс представлений и ассоциаций). Это позволяет ему, не прибегая к пространным описаниям, сразу актуализировать в восприятии читателя богатый пласт исторических, культурных и образных коннотаций и тем самым сформировать многослойные смысловые контексты.

Сопоставляя «простую Москву» с «великолепным Самаркандом», Николай Гумилёв в лаконичной форме выражает противоречие между национальной самоидентификацией и восприятием культурного «чужого». «Простая Москва» символически связывается с естественностью, сдержанностью и внутренней органичностью, тогда как «великолепный Самарканд» – с экзотичностью, исторической глубиной и эстетической выразительностью иной культурной традиции.

Эпитет «простой» в сочетании «простая Москва» не следует понимать исключительно как указание на внешнюю непримечательность города. В данном контексте он может обозначать отсутствие демонстративной роскоши, естественность, внутреннюю цельность и национальную близость. Москва представлена как «сердце России», тоесть как пространство, непосредственно связанное с национальной идентичностью и историческим самосознанием.

Эпитет «великолепный» в сочетании с топонимом Самарканд вызывает ассоциации с монументальной архитектурой, историческим величием, художественным богатством и культурным многообразием. Самарканд предстает как удалённый культурный мир, в котором идеи величия, экзотики, архитектурной выразительности и цивилизационного разнообразия воплотились в своеобразном синтезе восточных и западных традиций. Вместе с тем важно отметить, что подобные характеристики не исчерпывают реального облика города, а отражают его символический образ, сформированный литературной традицией и культурной памятью.

Противопоставление Москвы и Самарканда в анализируемом тексте строится не только по линии «простота – великолепие», но и в рамках более общей оппозиции «национально близкое – культурно дистанцированное»,

«внутренне освоенное – внешне впечатляющее». Москва репрезентируется как пространство, органично включённое в русскую национальную картину мира, тогда как Самарканд представлен как город иного историко-культурного опыта, связанный с мотивами величия, экзотики, архитектурной выразительности и цивилизационного многообразия.

Понятие «величие» в ассоциативном образе Самарканда связано прежде всего с его исторической ролью и масштабом достижений эпохи Тимуридов. Имена Амира Тимура и Улугбека напоминают о политическом могуществе, развитии государства, науки и культуры. Монументальная архитектура города (медресе, мечети и площади) создаёт образ силы, устойчивости и исторического масштаба. При Улугбеке Самарканд стал одним из важнейших научных центров средневекового Востока, что позволяет связывать его величие не только с имперским могуществом, но и с интеллектуальным развитием, стремлением к познанию и взаимодействием различных культур.

В семантической структуре топопоэтонима[4] Самарканд актуализирует несколько взаимосвязанных образов:

– древнего восточного города;

– столицы империи Амира Темура и державы Тимуридов;

– научного центра, связанного с именем Мирзо Улугбека;

– перекрёстка торговых, политических и культурных путей.

При этом данный ряд не следует воспринимать как исчерпывающий и неизменный набор значений топонима; он отражает процесс выявления, восстановления и систематизации опосредованных смысловых связей.

В художественном тексте топонимы могут функционировать как своеобразные свёрнутые формы исторической и культурной памяти. Их семантика определяется не только денотативным значением – указанием на

[4] Термин «топопоэтоним» в научный обиход ввёл В.М. Калинкин. Этот термин обозначает любое географические имя собственное, использованное в художественном произведении. См.: [Калинкин 2006: 81-88].

В научной литературе чаще встречаются термины «топонимы в художественном тексте», «литературные топонимы».

географический объект, но и контекстом употребления, литературной традицией, а также общими культурными знаниями автора и читателя.

В этом смысле топоним Самарканд в высказывании Николая Гумилёва функционирует как ономастический знак, семантика которого расширяется за счёт исторических и символических коннотаций. Словосочетание «великолепный Самарканд» репрезентирует не только географический локус и не исключительно пространство особенной внешней красоты (форма прилагательного «великолепный» имеет значение «роскошный, пышный, блестящий»[5]), но и сложный культурно-исторический символ, в котором объединяется память о великих империях, репрезентация центра науки и искусства Востока, а также метафора духовного и эстетического совершенства:

«Друзей, гостей, туристов сразу удивит
Своим великолепьем, дивной красотой,
Восточным колоритом, сказкой голубой!»

Приложение 1, № 1.

Эпитет «великолепный» (от существительного «великолепие») осуществляет смысловую транспозицию топонима: из сферы сухой номинации он переходит в плоскость когнитивной интерпретации, где конкретное историческое пространство трансформируется в поэтический образ – архетипический символ Востока.

Будучи ономастическим знаком, топоним Самарканд функционирует как ментальная и культурно обусловленная структура топонимического знания, включающая представления о пространстве, истории, культуре, социальной организации и символическом статусе города. С ним связано более широкое городское топонимическое пространство – совокупность названий улиц, площадей, архитектурных ансамблей, памятников и иных городских

[5] Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Советская энциклопедия, 1935. Т. 1. – URL: https://gufo.me/dict/ushakov.

объектов. Эти названия сохраняют сведения о разных эпохах, политических центрах, языках и культурных традициях, поэтому самаркандская топонимия является важным элементом исторической памяти и культурной идентичности города.

Самаркандское топонимическое пространство является важной составляющей «языка города». Названия его площадей, улиц, памятников, городища, садов, базаров и архитектурных ансамблей образуют систему ономастических знаков, посредством которых город репрезентирует собственную историю и идентичность. Особую роль в этой системе играют названия линейных объектов (улиц, проспектов, переулков), сохраняющих память о различных исторических эпохах, правителях, религиозных и культурных традициях. В значении топонима Самарканд «отражаются наши знания о существовании древнейшего города мира и тех признаках, которыми он отличается от других городов» [Липатова 2023: 70].

Название города Самарканд функционирует как насыщенный смыслами «текст» городской среды: в нём запечатлены следы контактов разных народов и языков, видна смена политических и культурных центров, оно участвует в создании устойчивых исторических образов. Так формируется «топонимическая память» местности, представляющая город не как неподвижную точку на географической карте, а как многослойный культурный текст – символ исторической глубины и восточного великолепия. Значение топонима складывается на пересечении реального пространства, коллективной памяти, литературной традиции и мифопоэтического воображения.

Таким образом, в поэтическом высказывании Николая Гумилёва топоним Самарканд функционирует как самостоятельный топонимический текст, актуализирующий коннотации древности, культурного великолепия и восточной экзотики. Репрезентируя образ Востока, данный топоним-текст выступает одним из наиболее семантически насыщенных и выразительных

культурных образов восточного мира в русскоязычной литературе [Шафранская 2024].

Образ Самарканда в творчестве Николая Гумилёва имеет преимущественно символический, а не автобиографический характер[6]: Город Самарканд входит в его «поэтическую географию» как знак экзотического и культурно значимого Востока, связанный с мотивами путешествия, исторической памяти и духовного поиска.

В рассматриваемом высказывании Гумилёва восточный образ Самарканда выступает не как противопоставление «простой» России, а как альтернатива обыденной, повседневной реальности. Благодаря этому данный топоним формирует иной, воображаемый мир – эстетизированное пространство восточного города, воплощающее идеал красоты и экзотики.

2.2. Самаркандский топонимический текст в аспекте городской идентичности

«Самаркандский топонимический текст» – это исторически сложившаяся, структурно и семантически организованная совокупность географических названий Самарканда, рассматриваемая как особая знаковая система. В лингвокогнитивном аспекте топонимы, входящие в её состав, репрезентируют пространственные, исторические и культурные знания о городе, участвуя в формировании его образа в языковом сознании авторов художественных произведений.

В значении топонима Самарканд «отражаются наши знания о существовании древнейшего города мира и тех признаках, которыми он отличается от других городов» [Липатова 2023: 70].

Самарканд – один из крупнейших городов Узбекистана, традиционно считается вторым по величине городом Республики Узбекистан после Ташкента. В 2001 году исторический город Самарканд был включён в список

[6] Насколько известно, Николай Гумилёв не посещал город Самарканд.

всемирного наследия ЮНЕСКО под названием «Самарканд – перекрёсток культур». Объект был признан имеющим универсальную ценность по критериям, связанным с выдающимися образцами исламской архитектуры, влиянием самаркандских архитектурных ансамблей на развитие архитектуры региона и ролью города в истории и культуре Центральной Азии.

Изучение среднеазиатской топонимики, в частности топонима Самарканд, развивалось под влиянием исследований в области литературоведения, культурологии и семиотики. Существенный вклад в его осмысление внесли работы Э.Ф. Шафранской, Т.Т. Гариповой, Ю.У. Матеновой [Шафранская и др. 2024], Н.А. Исматовой [Исматова 2024], А.И. и В.И. Ионесовых [Ионесова 2022], А.М. Маликова [Маликов 2017; 2022], П.Б. Лурье [Лурье 2004; 2015], Ш.С. Камолиддина [Камолиддин 2006а; 2006б; 2014], Э.М. Мурзаева [Мурзаев 1996] и др.

«В топонимическом пространстве любого народа встречаются онимы, происхождение которых носители языка объясняют посредством народной этимологии» [Супрун 2026: 26]. Легенды и предания о возникновении Самарканда связывают его название с именами первых поселений – Самара / Самар и Камара / Камар, существовавших, по преданию, около VII века до н. э. и являвшихся столицей царства Согд. Эти имена, согласно преданиям, принадлежали лицам, участвовавшим в основании города, либо были даны поселениям в честь людей, на месте владений которых возник современный Самарканд.

Согласно легенде о Закарии, с которым связывали появление нового города, считается, что самаркандские земли были оазисом в пустыне, и именно здесь Закария похоронил своих древних учителей, обретя таким образом священное место, где свет знания и мудрости будет вечным.

По другой версии, легенде о Зулейке, Самарканд возник как результат страстной любви Зулейки, которая в поисках своего возлюбленного блуждала по бескрайним землям и, наконец, ее слезы обрели форму прекрасного города. Город Самарканд стал символом любви и печали.

В легенде о Сэме говорится, что Самарканд основан сыном библейского героя Ноя по имени Сэм, который, устав от странствий, выбрал это место для создания нового города, предначертанного стать центром культуры и торговли.

Есть также легенда о мудреце, который предсказал, что на этом месте вырастет великий город, где будут пересекаться пути купцов и учёных. Самарканд обрёл подлинное величие благодаря притоку людей из различных стран и культур. Данные легенды отражают многовековую историю и самобытную культуру Самарканда, который в разные эпохи выполнял функции значимого культурного, торгового и научного центра. Город привлекал учёных, философов и торговцев, что способствовало его устойчивому развитию и экономическому процветанию на протяжении веков.

Происхождение названия Самарканд до сих пор точно не установлено и вызывает разные научные версии. Существует несколько научных версий, основанных на разных языках.

Согдийская версия, предложенная лингвистом В.А. Лившицем: от согдийского Sm’rknδh – асмарáд (камень, скала) + канд (город) = Самарканд – это «каменный город».

Тюркская версия, сторонником которой был академик А.Н. Кононов, возводит название к тюркским словам «семиз» («богатое поселение») и «кент» («город»), то есть означает «богатый город» или «богатое поселение».

Санскритская версия: от «samarya» – «место встречи», «пункт соединения» или «место, где сходятся пути»[7].

По одной из легендарных версий, название Самарканд происходит оти имени Самар (царя или завоевателя) и слова «канд» (город, поселение). Однако лингвисты чаще связывают древнее название города с согдийскими

[7] История Самарканда: в 2 т. / Академия наук Узбекской ССР; отв. ред. И.М. Муминов. Ташкент: Фан, 1969. Т. 1: С древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции. 484 с.

словами со значениями «камень» и «город» или с тюркским толкованием «богатое поселение».

В период 567–658 гг. Самарканд как центр Согдианы находился в той или иной степени в зависимости от Тюркского каганата, а впоследствии стал одним из ключевых узлов Великого шёлкового пути.

«Он – перекрёсток Мира на пути,
На Шелковом пути, звезда Востока»

Приложение 1, № 29.

«В песках возник на Шелковом Пути».

Приложение 1, № 40.

Античное название Самарканда, столицы Согдианы, – Мараканд. Учёные В.В. Бартольд и В.А. Лившиц этимологию топонима Мараканд связывают с согдийским «асмара» (каменный) + «канд» (город, укрепленное поселение).

Опираясь на исторические письменные источники, П.Б. Лурье исследует согдийскую топонимику с позиций историко-лингвистического анализа. Особое внимание он уделяет частотности словообразовательных формантов финалий -kath, -kat, -kand и -kand, широко представленных в топонимии Средней Азии. Исследователь отмечает, что среди топонимических формантов особенно распространена финалия -kant, характерная для оронимов региона; её наличие подтверждают такие названия, как Чимкент, Яркенд, Ташкент, Самарканд и Пенджикент [Лурье 2004: 88].

Исследуя топонимику Средней Азии, Ш.С. Камолиддин приходит к выводу, что тюркские по происхождению названия, отмеченные в регионе ещё с древности, занимали заметное место в средневековой топонимии и по сей день составляют основную часть современных географических названий Средней Азии [Камолиддин 2006: 7].

Возникновение Самарканда традиционно связывают с городищем Афрасиаб (иногда пишется Афрасиад), сформировавшимся приблизительно в VIII веке до н. э. В античных источниках поселение известно как Мараканда.

К эпохе похода Александра Македонского (IV век до н. э.) оно уже представляло собой крупный укреплённый центр Согдианы. В последующие периоды Самарканд утвердился в роли одного из важнейших политических, торговых и культурных центров региона.

Название древнего городища Афросиаб происходит от имени мифического правителя из иранской мифологии. С ним связывают предание о Мараканде – древнем городе на месте современного Самарканда, упоминаемом античными авторами как столица Согда и разрушенном во время монгольского нашествия. Позднее, в средневековье, город возродился и стал столицей державы Тимуридов, прославленной при Амире Тимуре (Тамерлане), ср.:

«*Афрасиаб представляет внушительную картину и прекрасный план древнего Самарканда, разрушенного Чингисханом. Город окружен был громадной высоты стеной, остатки которой огибают холмы*».

Приложение 2, № 7.

Современный Самарканд расположен на месте древнего поселения, известного в античных источниках как Мараканда (Меру-канд), его ранние слои датируются серединой I тысячелетия до н. э. (включая V век до н. э.). После монгольского завоевания 1220 года древнее городище, получившее в более поздней традиции название Афрасиаб, было покинуто, и городская жизнь сместилась на новое место к югу; сегодня Афрасиаб находится на северной окраине современного Самарканда.

Город Самарканд расположен в долине реки Зеравшан. Он был одним из важнейших узлов Великого шёлкового пути – сети торговых маршрутов, связывавших Китай, Среднюю Азию, Иран, Индию и Средиземноморье. Благодаря этому город стал центром торговли, ремёсел и культурного обмена, где взаимодействие разных народов и религий способствовало развитию архитектуры, науки и искусства. Наивысшего расцвета Самарканд достиг в XIV–XV веках в период правления династии Тимуридов, когда он выполнял

функции столицы обширного государства и являлся одним из ведущих культурных центров региона.

«*Но расцвет Самарканда приходится на эпоху „завоевателя мира“ Тимура. Железный хромец сгонял в столицу своей обширной империи толпы лучших мастеров, которые украсили город величественными дворцами, мечетями, тенистыми садами. Беспощадный завоеватель и разрушитель чужих городов сделал свой Самарканд подлинной жемчужиной Азии*»[8].

Приложение 2, № 3.

«Сам Тамерлан помог тебе цвести!
Создал дворцы и яркий Регистан
Великих предков лучезарный стан.
Они построили три лучших Медресе.
Оплот наук, архитектуры цвет!»

Приложение 1, № 40.

«*Столица Тимура, мало измѣнившаяся и по сіе время въ наружныхъ своихъ очертаніяхъ, имѣетъ форму правильнаго четырехугольника, обнесеннаго кругомъ зубчатыми стѣнами. На западной сторонѣ возвышается цитатель, обширнѣйшая изъ всѣхъ средне-азіатскихъ цитаделей.*

Приложение 2, № 2.

«О, Самарканд! Твой долгий век
Величием Тимура создан.

Приложение 1, № 2.

«Ты, Тимур, Самарканд куполами возвысил,
Не жалел ты ни золота, ни серебра»

Приложение 1, №. 21.

«Самаркандский текст», репрезентируемый системой топонимов, характеризуется выраженной семантической, образной и аксиологической

[8] Парнов Е.И. Атлас Гурагона. М.: Терра, 1999. 120 с. https://www.rulit.me/books/atlas-guragona-read-22715-1.html

нагруженностью. В анализируемом корпусе преобладают топонимы, актуализирующие положительные культурные коннотации, связанные с категориями красоты, мудрости, славы, исторической памяти, культурной преемственности и регионально-национальной идентичности. Данная аксиологическая доминанта, однако, не исключает наличия нейтральных, мемориальных и исторически переосмысленных наименований.

Топонимическая система выступает особой художественной знаковой системой: пространственные номинации кодируют историческое, культурное и ценностное содержание «самаркандского текста». При этом топонимическое пространство является не пассивным фоном, а значимой лингвокогнитивной категорией, формирующей смысловую глубину текста.

2.3. Топоним Самарканд как когнитивная доминанта «самаркандского текста»

Будучи языковым знаком, топоним Самарканд актуализирует когнитивную матрицу, репрезентирующую многоаспектное знание о городе [Болдырев 2008: 19]. Данная матрица включает ряд взаимосвязанных когнитивных контекстов (исторический, культурный, пространственный, религиозный и др.), которые в совокупности формируют «самаркандский текст». Этот текст позволяет интерпретировать Самарканд как пространство человеческой культуры и исторического времени, как воплощение значимых исторических событий и как источник репрезентации узбекской национальной картины мира [Ионесова 2022: 63].

Топоним Самарканд выступает как ключевой вербальный репрезентант когнитивной доминанты «самаркандского текста». Он не только номинирует географический объект, но и служит смыслообразующим центром, организующим категоризацию и интерпретацию города в соответствующем дискурсе. Вокруг данной доминанты формируются концептуально-тематические области, объединяющие разнородные знания о географическом

положении Самарканда, его историческом прошлом, культурном наследии и национально-культурной значимости.

В позиции когнитивной доминанты самаркандского текста топоним Самарканд аккумулирует исторические контексты, прецедентные имена, мифологические наслоения, этнокультурные идентификаторы и лингвистические маркеры. Благодаря этому он становится интерпретантом различных типов текстов (литературных, путевых, историко-архивных и других) и одновременно ядерной лексемой в репрезентации топонимических знаний; причины этого следующие.

1. Топоним Самарканд выступает единицей топонимического знания в составе топонимической системы данной территории. На лексико-семантическом уровне название Самарканд может актуализировать у читателя комплекс ассоциаций, связанных с Великим шёлковым путём, архитектурным наследием города, медресе, эпохой Тимура, а также взаимодействием персидских, тюркских и арабских культурных влияний. Эти ассоциации позволяют в сжатой форме соотнести упоминание города с более широким культурно-историческим контекстом. Поэтому топоним Самарканд в художественном или публицистическом текстах может отсылать не только к географическому объекту, но и к совокупности связанных с ним исторических представлений, культурных образов и интерпретаций.

«*Центральнымъ пунктомъ этой страны издавна считается древнѣйшій среднеазіатскій городъ Самаркандъ, сдѣлавшійся достояніемъ Россіи съ 1868 года. Будучи основанъ въ V вѣкѣ до Р. Х. однимъ изъ арабскихъ шейховъ, завоевательныя стремленія котораго привели въ роскошную долину Зарафшана*».

Приложение 2, № 2.

В вышеприведённом воспоминании о Самарканде В.В. Олёдорфа указание на историческое существование древнего Самарканда (античной Мараканды) в V веке до н. э. вполне вероятно и согласуется с данными письменных и археологических источников. Однако версия об основании

города арабским шейхом не имеет научного подтверждения, а тезис о его неизменном центральном статусе с момента возникновения представляет собой чрезмерное обобщение.

2. Топоним Самарканд выступает в функции ядра концептуального пространства «самаркандского текста», придавая этому пространству семантическую целостность и иерархическую организацию, которая задаёт коммуникативную стратегию репрезентации «самаркандского текста», формируя у читателя устойчивый когнитивный образ города.

В рамках этой системы отдельные когнитивно-тематические области занимают различное положение. Например, когнитивно-тематические области «История» и «Культура» являются доминирующими по сравнению с концептуально-тематической областью «Быт», репрезентируемой, в частности, лексемой «махалля» (название традиционного городского квартала в мусульманских странах Средней Азии), отражающей национально-культурную специфику Самарканда в системе наименований городских кварталов.

Название махалли Зарафшон в Самарканде, расположенный вблизи территории аэропорта, образовано от персидско-таджикских компонентов: zar – «золото» и afšān – «рассыпающий, разбрасывающий», и имеет значение «сыпать драгоценный (жёлтый) металл», что актуализирует семантику богатства, ценности и сакральности, вписывая локальный топос в более широкое культурно-символическое поле самаркандского текста.

«*Подъезжая к дому, первое, что я увидел, была яркая вывеска – „Махалля Шейхантахур“*[9]*. Эти два слова – больше, чем ковровая дорожка от трапа, оркестр и букеты цветов! Конечно, не было ни дорожки, ни оркестра. А были просто эти два слова – „Махалля Шейхантахур“.*

[9] В приведённом тексте *махалля Шейхантахур* (или Шейхантаур) – это один из исторических районов в центре Самарканда, названный в честь святого Шейха Ховенди ат-Тахура (также известного как Шейхантаур).

И означали они радостное: я – дома. А на следующий день соседи принесли плов, сладости, горячие лепёшки…»[10]

3. Топоним Самарканд может выполнять функцию семантической сжатости, сокращая необходимость подробного вербального развёртывания. Если же город не называется прямо, а реконструируется через развернутое описание, речь скорее идёт о дескриптивной репрезентации и формировании образа города посредством сети связанных смыслов. Такая репрезентация не только облегчает идентификацию объекта, но и задаёт определённое направление интерпретации, отбирает релевантные признаки и делает некоторые сведения и оценки более ожидаемыми в описании Самарканда.

«Ты слушал и воинственные клики,
И звон стиха, как звон речной струи.
Ты провожал Тимура на добычу,
Ты помнишь Улугбека, Навои».

Приложение 1, № 38.

«Древние картины сохраняя,
Провожает уж который век
Город, всех экзотикой пленяя,
Город, где родился Улугбек».

Приложение 1, № 21.

«Он – перекрёсток Мира на пути,
На Шелковом пути, звезда Востока,
И птица счастья по весне летит,
Над Регистаном в небе синеоком...»

Приложение 1, № 29.

4. Влияние топонима проявляется в жанровой и стилистической организации текста. В зависимости от того, как используется топоним Самарканд (через эпитеты, метафоры, сравнения), он может акцентировать

[10] Михаил Гар «Золотая пыль махалли» // https://lgz.ru/article/zolotaya-pyl-makhalli/

романтическую экзотику, историко-культурные коннотации и эмоциональную тональность, тем самым формируя художественное топонимическое пространство города.

«Ах, как ты молод, древний Самарканд –
Неповторимый яркий центр Вселенной!»

Приложение 1, № 27.

«Мечеть Биби-Ханум и площадь Регистан –
Наследники времён и гордость Самарканда»

Приложение 1, № 25.

«Весь город памятник: Биби-Ханым – мечеть;
Вот Регистан – корабль в песках плывущий.
…
Вот купол Гур-Эмира – мавзолей».

Приложение 1, № 21.

«И здесь, возвысившись над веком,
Слагал газели Навои
И были звёзды Улугбека,
Как озарение земли!»

Приложение 1, № 7.

Такие городские объекты, как мечеть Биби-Ханум, мавзолей Гур-Эмир и площадь Регистан, а также исторические личности, как поэт и мыслитель Алишер Навои и учёный-астроном Мирзо Улугбек репрезентируют концептуально-тематические взаимосвязанные области «Культура», «История» и «Религия», «Человек». Совокупное рассмотрение данных аспектов позволяет интерпретировать Самарканд как культурное пространство, в котором архитектурное наследие, научное знание, художественная мысль и духовные традиции образуют структурные компоненты целостного «самаркандского текста».

Мечеть Биби-Ханум и площадь Регистан отражают значение Самарканда как крупного центра исламской архитектуры, образования и общественной жизни. Эти объекты демонстрируют не только художественно-эстетические особенности средневекового зодчества, но и роль религиозных сооружений в организации городского пространства, развитии просвещения и утверждении общественных ценностей.

Мавзолей Гур-Эмир, связанный с династией Тимуридов, выступает важным историческим и мемориальным объектом, репрезентирующим представления о власти, династической преемственности, сакральном статусе правителя и культурной памяти общества.

Образы Алишера Навои и Мирзо Улугбека расширяют данную тематическую систему за пределы архитектурного наследия. Творчество Алишера Навои представляет гуманистическое и литературное измерение восточной культуры, раскрывая значение родного языка, поэзии, этических идеалов и интеллектуального развития общества. Научная деятельность Улугбека, напротив, репрезентирует астрономическое знание, рациональное осмысление мира и высокий уровень научной культуры эпохи Тимуридов. Его наследие показывает, что средневековая исламская цивилизация развивалась не только в сфере религиозной мысли, но и в области математики, астрономии и образования.

Названия указанных городских объектов и имена исторических личностей образуют единую семантическую структуру: «Культура» раскрывается через архитектуру, литературу и науку; «История» – через события, правителей, династии и коллективную память; «Религия» – через мечети, мавзолеи, духовные ценности и исламскую интеллектуальную традицию. Их включение в концептуально-тематические области позволяет рассматривать Самарканд не как совокупность разрозненных достопримечательностей, а как многослойное культурно-историческое пространство, в котором материальное и нематериальное наследие взаимно дополняют друг друга.

5. Лингвокогнитивная специфика топонима Самарканд проявляется в единстве его номинативной функции как имени собственного и комплекса историко-культурных смыслов, актуализируемых в русскоязычных художественных произведениях.

Ментальный уровень семантики топонима отражается не только в языковых формах, но и в концептуальных картинах мира. Статус топонима Самарканд как когнитивной доминанты есть активный структурообразующий элемент «самаркандского текста», связывающий различные знания, культурные коннотации и лингвистические практики в единую, считываемую матрицу смысла. В лингвокультурном сознании русскоязычных писателей образ Самарканда актуализирует этимологические мотивы, восходящие к основным версиям происхождения топонима: «каменный город/крепость» (согдийская этимология) и «тучное/богатое поселение» (тюркская этимология); данные мотивы реализуются через специфические средства художественной выразительности (метафоры, эпитеты, символические топосы), что фиксируется в корпусе прозы и поэзии XX–XXI вв.

Эпитеты «*неповторимый*» (Приложение 1, № 1, № 8, № 30), «*прекрасный*» (Приложение 1, № 1), «*божественно красивый*» (Приложение 1, № 8), «*чудный*» (Приложение 1, № 10), «*сказочный*» (Приложение 1, № 17), «*древний*» (Приложение 1, № 26, № 27), «*старинный*» (Приложение 1, № 27), «*славный*» (Приложение 1, № 40), характеризующие топоним Самарканд, формируют его эстетически привлекательный образ, подчёркивая красоту, уникальность, древность и историческую значимость города.

Качественные признаки, определяющие город, упорядочивают семантическое пространство его образа согласно трём основным когнитивным параметрам.

1. Эстетико-оценочный (репрезентанты: «неповторимый», «прекрасный», «божественно красивый», «сказочный»).

Эта категория эпитетов формирует образ идеализированного, почти сакрального пространства, выходящего за пределы повседневного

восприятия. Они маркируют высокую эстетическую и эмоциональную ценность объекта, актуализируя категорию «возвышенного» в восприятии реципиента.

2. Хронологический (темпоральный) – репрезентанты: «древний», «старинный».

Указанные определения подчёркивают временную глубину города, связывая его с далёким прошлым и акцентируя его историческую значимость. С когнитивной точки зрения, они формируют «темпоральную перспективу», в рамках которой прошлое актуализируется в настоящем и создаёт ощущение исторической преемственности.

3. Культурно-аксиологический (репрезентант: «славный»).

Эпитет «славный» репрезентирует коллективное признание заслуг города, фиксируя его славу в культурной памяти социума. Лексема функционирует как маркер преобладающих исторических представлений.

В русскоязычной художественной литературе город Самарканд не всегда называется прямо или описывается через явные перифразы. Образ города часто воссоздаётся скрыто – с помощью набора характерных деталей, которые в совокупности создают узнаваемый культурно-географический облик города. Ср.:

«Здесь шедевры под синим небом,
Светит золото на голубом».

Приложение 1, № 6.

«Так чистая лазурь светла
И вязь орнаментов прекрасна».

Приложение 1, № 2.

«Горделивая стройность мечетей,
Соразмерность, краса всех частей
…
Здесь шедевры под синим небом,
Светит золото на голубом.

…

Все блистает прекрасной глазурью,

Дивны росписи и резьба».

Приложение 1, № 6.

«Великолепен Гур-Эмир,

Среди мечетей он кумир».

Приложение 1, № 10.

«Ты провожал Тимура на добычу,

Ты помнишь Улугбека, Навои.

…

Сынам большого, солнечного века

Вручил по праву первородства ты

И звездные дерзанья Улугбека,

И Навои заветные мечты».

Приложение 1, № 38.

«И над всем, столетья перепутав,

Тишиной перекрывая шум,

Торс гиганта в мире лилипутов,

Вскидывает в высь Биби-Ханум».

Приложение 1, № 12.

В представленных отрывках стихотворений образ города реконструируется читателем через систему дифференциальных культурно-исторических и архитектурных маркеров, к числу которых относятся:

- доминирование бирюзовой цветовой гаммы в описании культовых сооружений;

- интертекстуальные отсылки к ключевым историческим фигурам – Тимуру, Улугбеку и Алишеру Навои;

- референции к монументальным памятникам эпохи возвышения Самарканда как столицы государства Тимуридов: мавзолей Амира Темура (Тамерлана) Гур-Эмир и соборная мечеть Биби-Ханум.

В русскоязычных текстах топоним Самарканд часто связывается с архитектурным ансамблем Регистан и именем Амира Тимура.

«Сам Тамерлан помог тебе цвести!
Создал дворцы и яркий Регистан –
Великих предков лучезарный стан.
Они построили три лучших Медресе.
Оплот наук, архитектуры цвет!»

Приложение 1, № 40.

«Тамерлан, используя силу,
У себя мастеров собирал,
Самарканд жемчужиной Мира
И столицей империи стал».

Приложение 1, № 6.

«Мечеть Биби-Ханум и площадь Регистан –
Наследники времён и гордость Самарканда».

Приложение 1, № 25.

Подчеркивая особую роль топонимов, маркирующих пространственные объекты в условиях города, М.В. Голомидова отмечает, что урбанонимы, связанные с сюжетами городской жизни, в том числе и с содержанием художественного дискурса, отражают разные аспекты восприятия места [Голомидова, 2019: 13].

В поэтических текстах эмоционально значимые топонимы могут выполнять функцию ассоциативных и контекстуальных ориентиров. Название города в таком случае перестаёт быть лишь нейтральным обозначением и начинает активировать связанный с ним комплекс семантических знаний, образов, оценок и переживаний. Так, упоминание Самарканда может вызывать представления об исторических событиях, культурных особенностях и географических характеристиках города, а у читателей, имеющих личный опыт, визуальные образы, эмоциональные оценки и автобиографические воспоминания. Характер и интенсивность этих

ассоциаций зависят от индивидуального опыта читателя и от контекста поэтического текста.

Топоним Самарканд выступает значимым маркером культурной памяти. Он репрезентирует связанные с Востоком представления о мудрости, исторической преемственности и встрече культур. В русской и узбекской словесности этот топоним формирует общее локальное топонимическое пространство, в котором проявляется диалог культур.

«Он – перекрёсток Мира на пути,
На Шелковом пути, звезда Востока…»

Приложение 1, № 29.

В приведённом примере образные номинации «перекрёсток Мира» и «звезда Востока» актуализируют пространственные и культурно-исторические характеристики Самарканда. Они репрезентируют фрагмент концептуально-тематической области «Пространство», связанный с представлением о городе как центре пересечения историко-культурных путей.

На диаграмме 1 представлены доминирующие концептуально-тематические области, выявленные в ходе анализа исследуемого материала. Соотношение указанных областей позволило определить основные направления репрезентации Самарканда в русскоязычном «самаркандском тексте», а также установить, какие типы смыслов характеризуются наибольшей текстовой активностью (см. диаграмма 1).

Концептуально-тематическая область «История» концентрируется в историко-когнитивном пространстве, центральным ориентиром которого выступает площадь Регистан.

Концептуально-тематическая область «Культура» локализуется топонимами, связанными с музейной инфраструктурой.

Концептуально-тематическая область «Человек» представлена в урбанонимии города антропотопонимами – названиями улиц, образованными от имён, фамилий и псевдонимов исторических лиц, деятелей культуры, науки, государства и других известных людей.

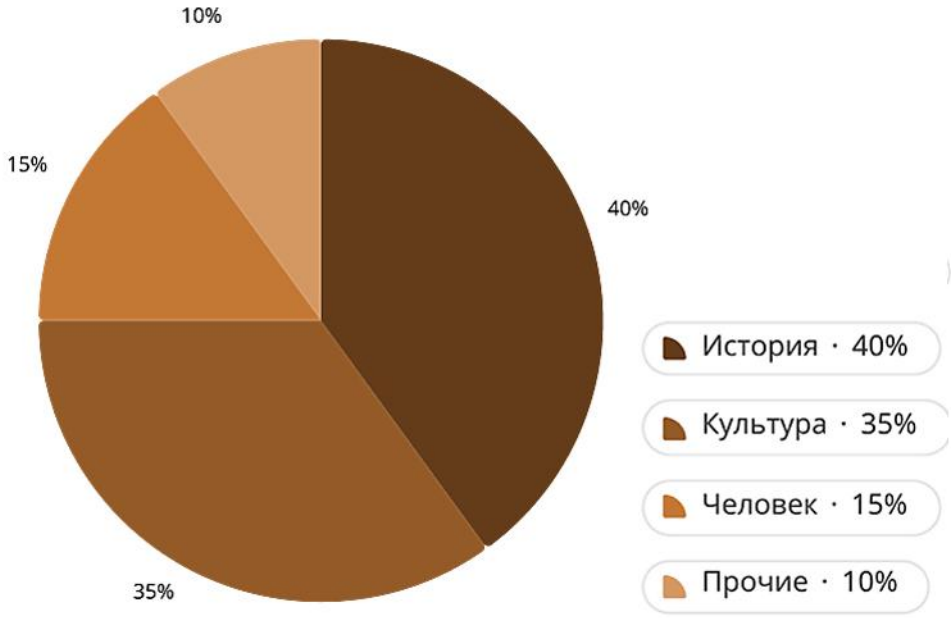

Диаграмма 1. Доминирующие концептуально-тематические области, формирующие «самаркандский текст»

Анализ 200 самаркандских топонимов и апеллятивно-топонимических единиц в русскоязычных контекстах позволил выявить доминантные концептуально-тематические области, формирующие содержание «самаркандского текста» русскоязычной литературы. Как значимые элементы художественной семантики они отражают историко-культурную специфику Самарканда, особенности его пространственной организации, этническое и художественное многообразие, а также авторское восприятие города.

Количественный анализ исследовательского материала демонстрирует неравномерное распределение топонимов по выделенным концептуально-тематическим областям. Наиболее частотными оказываются номинации, связанные с реалиями, играющими существенную роль в городской жизни и одновременно значимыми для организации художественного пространства произведения. При этом частотность топонимов не сводится к их объективной распространённости: она обусловлена также их способностью участвовать в создании хронотопа, характеристике персонажей и раскрытии авторского мировидения.

Функционально топонимы неоднородны. Одни группы номинаций выполняют преимущественно ориентационную функцию, локализуя место действия и обеспечивая пространственную координацию событий. Другие приобретают дополнительную смысловую нагрузку: актуализируют историческую память, вызывают культурные и религиозные ассоциации, отражают социальные отношения или становятся маркерами национально-культурной идентичности.

В художественных текстах о Самарканде русскоязычных авторов топоним Самарканд выполняет особую роль.

Во-первых, он становится смысловым ядром, вокруг которого формируется концептуально-тематическое пространство художественного произведения. Во-вторых, его семантика реализуется через адресно-топонимическую и текстово-топонимическую образную номинацию.

При адресно-топонимическом употреблении название прежде всего идентифицирует и локализует объект, указывая на конкретный город. При текстово-топонимическом употреблении топоним «Самарканд» включается в художественный дискурс и участвует в формировании его смысловой, образной и культурно-символической структуры.

Эти два основных способа употребления топонима Самарканд в русскоязычных произведениях определяют особенности его функционирования в художественном тексте как особого культурно-исторического и лингвокогнитивного феномена.

2.4. Репрезентация топонима Самарканд в перифрастических описаниях и прямой топонимической номинации

В современном языкознании топонимическую перифразу понимают как описательное обозначение географического объекта, употребляемое вместо его обычного, прямого названия. При таком способе номинации на первый план выходит какой-либо отдельный признак, свойство или характеристика

объекта, значимые в данном контексте либо ситуации общения. Иными словами, перифраза не называет объект напрямую, а раскрывает его сущность или наиболее актуальную черту через образное описание, например, Земля как «голубая планета» [Русский язык: Энциклопедия 2020: 489].

В отличие от слова, которое обычно функционирует как минимальная семантическая единица с относительно устойчивым значением, топонимическая перифраза представляет собой сочетание лексических и синтаксических средств, направленное на описание, интерпретацию или переосмысление обозначаемого топонима посредством оценочных и характеризующих маркеров. «Особенностью топонимических перифраз (а они – реальность речи, как и любой другой) состоит, по-видимому в том, что в их создании используются экстралингвистические (в первую очередь – историко-культурные, социо-культурные) знания о соответствующем географическом объекте, к которому относится тот или иной топоним» [Горбаневский 1996: 199].

Понимание перифразы как языкового образования, «большего, чем слово», подразумевает не только её структурную развернутость, но и способность актуализировать контекстуальные смыслы. Эти смыслы извлекаются читателем из конкретного речевого контекста, в котором функционирует топонимическая единица, благодаря чему индивидуально-авторские описания становятся эффективным средством формирования дополнительных смысловых связей.

В лингвокогнитивном аспекте перифразирование топонима Самарканд функционирует как средство концептуального расширения, обогащая его денотативное и коннотативное содержание за счёт актуализации историко-культурных, символических и мифопоэтических ассоциаций, связанных с данным урбанонимом.

Так, перифраза «*город голубых куполов*» акцентирует визуально-архитектурный облик города; выражение «*наследие Тимура*» указывает на его

историко-культурное значение; перифраза «*обитель Улугбека*» подчёркивает связь города с научно-образовательной традицией; описательное выражение «*ворота в Азию*» характеризует его геополитическую и культурно-коммуникационную роль.

В большинстве художественных произведений русскоязычных авторов образ Самарканда конструируется посредством индивидуально-авторских описаний, метафор, сравнений и эмоционально маркированных характеристик. Писатели и поэты преимущественно репрезентируют город как пространство, связанное с древней историей, богатым культурным наследием, архитектурными памятниками, научными традициями и своеобразной восточной атмосферой.

Однако перифрастические обозначения города Самарканд, как правило, не приобрели статуса устойчивых общеупотребительных наименований, в отличие, например, от Москвы, известной как «третий Рим», Японии – как «страна восходящего солнца» или Китая – как «страна Поднебесная». Перифраза «*Самарканд – сердце Великого шёлкового пути*» характеризуется частотностью. Однако её употребление преимущественно фиксировано в сочетании с прямым наименованием города и ограничено конкретными дискурсивными контекстами (туристическая коммуникация, культурологические исследования, медиапространство), не приобретая статуса общепризнанного перифрастического названия, функционирующего независимо от контекста его употребления.

Это объясняется тем, что литературные характеристики Самарканда отличаются разнообразием и зависят от художественной задачи и индивидуального мировосприятия автора. Один писатель может представить город как символ величия и имперского прошлого, другой – как центр науки и просвещения, третий – как воплощение восточной красоты, древности и духовной памяти. Подобные образы могут быть яркими и выразительными, но они сохраняют авторскую неповторимость и не всегда переходят в разряд устойчивых языковых формул.

Таким образом, Самарканд обладает богатым литературным образом, однако этот образ существует преимущественно в форме множества контекстуальных описаний, а не единого общеязыкового стереотипа.

Культурная узнаваемость города поддерживается не столько закреплённой перифразой, сколько совокупностью повторяющихся мотивов: древностью города, связью с эпохой Тимуридов, архитектурным великолепием, ролью центра науки и культуры, а также представлением о Самарканде как о перекрёстке цивилизаций.

В русскоязычной поэтической традиции репрезентация образа Самарканда реализуется через устойчивую систему эпитетов и метафор, среди которых выделяются: «*сокровищница Востока», «город сказок», «город древности», «вечный город», «цветок Востока», «сад души», «лик земли», «райский уголок», «город-сад», «Тамерланова столица», «азиатский Рим»*. Ср.:

Самарканд → «азиатский Рим» (Приложение 1, № 26),

Самарканд → «город-праздник» (Приложение 1, № 27),

Самарканд → «жемчужина Востока» (Приложение 1, № 1, 8),

Самарканд → «жемчужина Мира» (Приложение 1, № 6),

Самарканд → «жемчужина Азии» (Приложение 2, № 3),

Самарканд → «звезда Востока» (Приложение 1, № 29),

Самарканд → «мира зеркало» (Приложение 1, № 27),

Самарканд → «наследник Вавилона, Спарты, Рима» (Приложение 1, № 21),

Самарканд → «перекрёсток Мира» (Приложение 1, № 29),

Самарканд → «ровесник Рима» (Приложение 1, № 16),

Самарканд → «сказочный Восток» (Приложение 1, № 16),

Самарканд → «среднеазийский бриллиант» (Приложение 1, № 10),

Самарканд → «центр Вселенной» (Приложение 1, № 27),

Самарканд → «центр мира» (Приложение 1, № 24),

Самарканд → «глава Востока (Приложение 1, № 30),

Самарканд → «поэтов рай» (Приложение 1, № 40).

Самарканд → «родина премудрого Ходжи» (Приложение 1, № 31)[11].

Индивидуально-авторские описания не ограничиваются номинацией города, а выступают языковым механизмом структурирования сложного комплекса культурных, исторических и концептуальных представлений о нём. Каждый автор формирует уникальный репрезентативный образ Самарканда, соотносимый с «единицей мысли – конкретным представлением…» [Балли 1961: 19], и тем самым участвует в поэтическом осмыслении древнего города Средней Азии.

Самарканд, исторически именуемый образным определением «Рим Востока», представляет собой исторически сложившийся городской центр Центральной Азии, развитие которого на протяжении многих веков происходило в условиях интенсивных межрегиональных контактов. Его урбанистическая структура и архитектурное наследие отражают последовательное взаимодействие различных политических, религиозных и культурных традиций – от древнесогдийской и эллинистической до исламской и тюрко-монгольской. В этом смысле Самарканд может рассматриваться как значимый объект изучения культурной трансмиссии и городской многоуровневой идентичности в пространстве Евразии [Чиркова 2023: 119].

В семантическую структуру перифраз, относящихся к Самарканду, входят ассоциативные компоненты, функционирующие как элементы комплексной концептуализации данного топонима. Эти компоненты интегрируют информацию, репрезентированную в различных типах вербальных связей (синонимических, эпитетических, метафорических и метонимических), а также в межлексических отношениях, включая пересечение тополексем в топонимическом пространстве города. Кроме того,

[11] Речь идёт о мавзолее Ходжа Дониёр в Самарканде – почитаемой святыне, которую местная традиция связывает с библейским пророком Даниилом, хотя принадлежность захоронения остаётся предметом исторических споров.

они актуализируют глубинные, культурно обусловленные ассоциации, связанные с историко-культурным образом Самарканда.

Приведённые ниже строки позволяют рассматривать Самарканд как один из ключевых городов Великого шелкового пути – разветвлённой сети торговых и культурных маршрутов, активно функционировавшей со II века до н. э. на протяжении последующих столетий. В разные исторические периоды через Самарканд проходили направления, связывавшие Китай с регионами Центральной Азии, Ближнего Востока и Средиземноморья.

Образное представление о значении города передают перифразы «перекрёсток мира» и «звезда Востока».

«Он – перекрёсток Мира на пути,
На Шелковом пути, звезда Востока».

Приложение 1, № 29.

А.В. Суперанская рассматривает ассоциации как один из существенных компонентов семантики имени собственного, в том числе топонима. Она подчеркивает, что восприятие собственного имени определяется не только его соотнесенностью с конкретным объектом, но и степенью его известности, значимостью, информативностью и функциональным употреблением [Суперанская 1985: 262–263].

В рамках такого подхода ассоциативное содержание топонима можно представить как совокупность взаимосвязанных компонентов: ассоциация с обозначаемым объектом + комплекс сведений об этом объекте + совокупность эмоционально-оценочных реакций, вызываемых объектом и его названием в сознании носителя языка.

Эти компоненты не существуют изолированно: они находятся в постоянном взаимодействии и совместно формируют ассоциативный комплекс топонима.

В топонимической семантике первичное когнитивное соотнесение рассматривается как установление связи между топонимом и конкретным географическим объектом. В сознании носителя языка этот объект

репрезентируется не только как определённое место, но и как совокупность связанных с ним знаний: представлений о его расположении и назначении, историко-культурных ассоциаций и других контекстуальных характеристик. Перифраза как форма вторичной номинации актуализирует данный комплекс представлений и тем самым усиливает связь между названием и обозначаемым им объектом.

Одновременно формируется устойчивый эмоционально-оценочный комплекс, включающий эмоциональные реакции, переживания и фоновые знания. Он не только сопровождает ассоциативную связь, но и моделирует её, влияя на интерпретацию связанной с топонимом информации и обусловливая индивидуально специфичное, субъективно значимое восприятие топонима.

Перифраза «Самарканд – рай поэтов» акцентирует его культурно-символическое значение. Город предстает как пространство притяжения поэтов и средоточие творческой жизни. Благодаря этому Самарканд приобретает особый статус: он превращается в символическое место поэтического вдохновения и художественного творчества. Образ основан на метафорическом употреблении слова «рай», которое обозначает не буквальное пространство блаженства, а исключительную благоприятность городской среды для поэтической деятельности. Сочетание «рай поэтов» можно рассматривать как эллиптическую конструкцию, соотносимую по смыслу с выражением «рай для поэтов». Оно создает лаконичный, выразительный и легко цитируемый образ, в котором географическое пространство осмысляется через его культурное значение.

«Узбекистан Мой изобильный край.
А Самарканд – ты всех поэтов рай».

Приложение 1, № 40.

С когнитивно-лингвистической точки зрения перифраза «Самарканд – поэтов рай» представляет собой не столько стилистическое украшение, сколько культурно значимый образ-концепт. В её основе лежит метафорическая модель «город – рай», благодаря которой Самарканд

осмысляется как идеальное, гармоничное и сакрально отмеченное пространство творчества. Перифраза активирует в сознании читателя представления о Самарканде как о центре тимуридского Ренессанса и месте взаимодействия различных культур, языков и литератур.

Одновременно этот образ соединяет историческую реальность с литературной мифологией. Самарканд предстаёт не только как конкретный город, но и как символическое вместилище поэтической памяти и мудрости. Через его образ выстраивается преемственность восточной литературной традиции – от Рудаки к Навои и Бобуру. Поэтому поэзия в данном контексте воспринимается не просто как форма художественного самовыражения, а как способ сохранения и передачи культурного опыта. Перифраза «Самарканд – поэтов рай» тем самым формирует представление об этом городе как об идеальном пространстве поэзии.

Анализ функционирования тополексемы «Самарканд» в заголовках как сильной текстовой позиции, как правило, реализует прямую топонимическую номинацию (см. Приложение 1: № 2, 4, 5, 8–12, 23, 24, 26–28, 38, 40, 42). Перифрастические номинации Самарканда свидетельствуют о способности топонима функционировать как знак-символ, актуализирующий культурно-исторические и оценочные смыслы.

В процессе художественного функционирования перифраз, замещающих топоним «Самарканд», происходит их частичная иконизация: образно-ассоциативная семантика стабилизируется и превращается в устойчивый культурный репрезентант города.

В результате этой трансформации доминирующей функцией перифразы в художественном дискурсе становится символическая. Топоним актуализирует широкий комплекс культурно-исторических коннотаций, в том числе ассоциации с древностью города и временем его основания. В корпусе поэтических текстов о Самарканде эта тенденция проявляется в устойчивых перифрастических обозначениях «ровесник Рима» и «современник Рима», которые функционируют как символические маркеры древности города.

Как известно, для Рима существует традиционная дата основания – 753 год до н. э., тогда как для Самарканда точная дата возникновения не установлена. Формирование древнего города обычно относят к VIII–VII векам до н. э. Эта датировка основана прежде всего на археологических материалах, полученных при исследовании городища Афрасиаб, которое связывают с древней Маракандой, ср.:

«Руины эти и мечети эти –
Свидетели торжеств, страданий, гроз...
Ты, Самарканд, из тьмы тысячелетий.
Как саксаул, сквозь прах пустынь пророс.
…
Ровесника надменной славы Рима…»

Приложение 1, № 38

«Самарканд – современник Рима».

Приложение 1, № 6, 42.

«Мой Самарканд – ровесник Рима
Прошел ты множество преград ...».

Приложение 1, № 23.

«Самарканд – современник Рима».

Приложение 1, № 6, 42.

«Ровесник Рима, Вавилона брат».

Приложение1, № 27.

Перифрастические выражения «ровесник Рима», «современник Рима» представляют собой субстантивные сочетания с зависимыми топонимами Рим и Вавилон, употреблёнными в форме родительного падежа.

В контексте описания Самарканда эти сочетания функционируют как вторичные номинации города. Они не просто замещают его прямое название, а концептуально переосмысливают обозначаемый топообъект через соотнесение с культурно и исторически значимыми городами.

В результате формируется семантически целостное перифрастическое обозначение, аккумулирующее комплекс культурно-исторических ассоциаций и знаний о Самарканде. Такие перифразы выполняют репрезентативную и оценочно-характеризующую функции, поскольку актуализируют определённые признаки города (его древность, историческую значимость, цивилизационную сопоставимость, культурный статус) и организуют их в образной когнитивной модели.

Будучи вторичными номинациями Самарканда, перифразы «ровесник Рима», «современник Рима» и «Вавилона брат» реализуют механизм концептуально обусловленной переинтерпретации исходного топонима. В процессе вторичной номинации имя города заменяется не простым описательным эквивалентом, а семантически целостной образной конструкцией, аккумулирующей культурно-исторические коннотации. Благодаря этому перифразы выполняют не только номинативную, но и репрезентативную функцию: они актуализируют, структурируют и переорганизуют знания о городе в новом когнитивном формате.

Наиболее продуктивной моделью перифрастической номинации Самарканда является именная модель N + N, то есть сочетание двух существительных, известное как генитивное словосочетание.

Генитивное словосочетание – это подчинительное словосочетание, в котором зависимый субстантивный компонент выражен существительным в форме родительного падежа. Между главным и зависимым компонентами устанавливается подчинительная связь управления. В зависимости от значения и характера главного слова генитивный компонент может выражать атрибутивные, объектные, субъектные, количественные и другие отношения; при атрибутивном значении он выполняет функцию несогласованного определения.

Содержание перифразы, относящейся к Самарканду, становится более точным и конкретным: в нём отражаются и детализируются дифференциальные признаки, характеризующие данный объект. Это

усиливает смысловую целостность и повышает семантическую определённость перифрастического наименования.

Материал исследования свидетельствует о том, что в структуре перифрастических наименований города Самарканда ядерный компонент и генитивное определение в составе сложного именного сочетания в подавляющем большинстве случаев представлены абстрактными существительными, семантика которых обусловливает обобщённо-аналитический тип номинации.

Референт «Самарканд» репрезентируется не как конкретный географический объект, а опосредованно — через его концептуально значимые признаки, культурно-исторические функции или связи с определёнными субъектами и объектами. Такая косвенная репрезентация осуществляется посредством метонимического переноса и может сопровождаться актуализацией оценочных смыслов. Ср.:

– «город науки и искусств» – ядро «город» (конкретное, но в перифразе функционирует как категориальное), существительные «науки» и «искусств» (абстрактные понятия);

– «гордость Востока» – ядро «гордость» (абстрактное), существительное «Востока» (абстрактно-геокультурное);

– «жемчужина Востока» – ядро «жемчужина» (абстрактно-оценочное), существительное «Востока» (абстрактно-геокультурное);

– «жемчужина Мира» – оба компонента абстрактно-оценочные;

– «символ древности» – оба компонента абстрактно-оценочные;

– «сокровище древности» – оба компонента абстрактно-оценочные;

– «центр Вселенной» – оба компонента абстрактно-оценочные,

–«перекрёсток Мира» – оба компонента абстрактно-оценочные.

В перифрастических номинациях Самарканда наряду с абстрактными существительными значительную роль играют имена собственные. Они способствуют конкретизации значения перифраз, сужая круг возможных референтов и облегчая их соотнесение с определённым географическим

объектом, исторической личностью или культурно значимым феноменом, связанным с городом (см. Таблица 3).

Таблица 3.

Лексико-грамматическая классификация существительных
в перифрастических обозначениях Самарканда

Абстрактное существительное	Имя собственное
«город древности»	«Вавилона брат»
«город сказок»	«глава Востока»
«изобильный край»	«город Амира Тимура»
«лик земли»	«жемчужина Азии»
«мира зеркало»	«жемчужина Востока»
«поэтов рай»	«звезда Востока»
«сад души»	«наследник Вавилона Спарты, Рима»
«симбиоз культур»	«ровесник Рима»
«жемчужина мира»	«родина премудрого Хаджи»
«перекрёсток мира»	«современник Рима»
«центр мира»	«сокровищница Востока»
	«Тамерланова столица»
	«цветок Востока»
	«центр Вселенной»

Заметим, что в перифразах типа «сокровищница Востока», «жемчужина Азии», «цветок Востока», «жемчужина Мира», «перекрёсток Мира» слова «Восток», «Азия», «Мир» остаются именами собственными и пишутся с прописной буквы.

Как демонстрируют данные Таблицы 3, абстрактные существительные обозначают нематериальные понятия (душа, рай, древность, мир, край, сказка, культура), что полностью соответствует онтологической природе

перифразы как фигуры речи, предполагающей образное и опосредованное выражение смысла.

Преобладание имён собственных в функции генитивного определения в данных перифразах объясняется их способностью кодировать сложные атрибутивные отношения в компактной форме при сохранении индивидуализирующей функции. Поскольку ключевые компоненты перифраз – Азия, Амир Тимур, Вавилон, Восток, Вселенная, Спарта, Тамерлан, Хаджа – представлены антропонимами и топонимами, то есть разрядами имён собственных, их преобладание в рассматриваемой функции является закономерным.

В художественной речи использование имён собственных в перифразах, как правило, способствует повышению образной выразительности и семантической плотности по сравнению с описательными конструкциями, построенными на нарицательной лексике.

В результате перифразы, обозначающие Самарканд, функционируют как средство его смысловой категоризации и тематической идентификации в художественном дискурсе. Выделяя такие ключевые характеристики города, как древность, историческая преемственность и цивилизационная значимость, они ориентируют внимание читателя на определённые исторические пласты. Перифразы типа «ровесник Рима» или «Рим Востока» актуализируют сопоставление Самарканда с Римом, тем самым вписывая локальную историю города в более широкую историко-культурную перспективу.

Своеобразие авторской перифразы, репрезентирующей Самарканд, определяется её онтологической и функциональной несводимостью к топониму. Перифраза не ограничивается выполнением репрезентативной функции – номинативным замещением топонима, она актуализирует дополнительные семантические и прагматические компоненты. Благодаря этому авторские перифразы Самарканда становятся инструментом когнитивной категоризации, фиксируя и акцентируя ключевые измерения

городского пространства – в первую очередь его историко-культурное измерение.

Выделяются следующие репрезентативные особенности перифрастических описаний топонима Самарканд.

1. Топонимическая перифраза обладает значительным интерпретационным потенциалом. Она может направлять восприятие читателя, задавать определённый способ репрезентации объекта, актуализировать связанные с ним знания, ассоциации и культурные стереотипы. Благодаря этому перифраза не только заменяет прямое наименование географического объекта, но и конструирует его образ в новом коммуникативном контексте. При этом изменяется смысловой и коммуникативный акцент: внимание переносится с идентификации объекта на признак, образ или оценку, посредством которых он представлен. Ср.:

«Он – перекрёсток Мира на пути,
На Шелковом пути, звезда Востока».

Приложение 1, № 29.

«Моя душа – неповторимый Самарканд!
Жемчужина Востока – антиквариат!»

Приложение 1, № 1.

«Самарканд жемчужиной Мира
И столицей империи стал».

Приложение 1, № 6.

«Стоит мой Самарканд.
Жемчужина Востока».

Приложение 1, № 6.

«Есть город чудный на земле,
Там жребий был родиться мне,
Среднеазийский бриллиант,
То – Самарканд».

Приложение 1, № 10.

«*Беспощадный завоеватель и разрушитель чужих городов* (о Тамерлане*) сделал свой Самарканд подлинной жемчужиной Азии».*

Приложение 2, № 3.

Лексемы «перекресток», «звезда», «жемчужина», «бриллиант» формируют целостный образ Самарканда как уникального историко-культурного пространства.

Слово «перекресток» акцентирует его географическое и историческое положение на пересечении путей, цивилизаций, идей и человеческих судеб. В данном поэтичнеском контексте слово приобретает метафорическое значение, связанное с открытостью города, его способностью к культурному взаимодействию, синтезу различных традиций и толерантному сосуществованию многообразных культур.

Лексемы «звезда» и «бриллиант» участвуют в создании возвышенного и положительно окрашенного образа Самарканда. Образ «звезда» актуализирует семантику света, яркости, известности и ориентира, тогда как образ «бриллиант» подчёркивает ценность, редкость и исключительность города. В контексте историко-культурной характеристики Самарканда эти метафоры могут быть связаны с его архитектурным своеобразием, научным наследием и значением как одного из важных культурных центров Центральной Азии. При этом они выражают не доказанное «превосходство» города над другими, а его символическое возвышение и высокий статус в авторской картине мира.

Слово «жемчужина» создает образ драгоценного, редкого и эстетически ценного объекта. Благодаря этой метафоре Самарканд осмысляется как уникальный город, который можно сравнить с жемчужиной в ожерелье восточных городов. Подобное сравнение подчеркивает его красоту, историческую исключительность и культурную значимость.

В совокупности анализируемые образы («перекресток», «звезда», «жемчужина», «бриллиант») раскрывают Самарканд как пространство

взаимодействия культур, центр духовного и интеллектуального притяжения, а также редкий и ценный феномен восточного мира.

2. Обязательным признаком топонимической перифразы является её иносказательность.

При актуализации перифразы денотативно заданный географический объект подвергается вторичной концептуализации: его референт воспринимается через систему переносных значений, активируемых метафорическими и метонимическими связями. Исходя из понимания топонимической перифразы как средства вторичной, описательной номинации, при котором прямое наименование географического объекта замещается выражением, выделяющим определённый признак, свойство или аспект этого объекта, можно утверждать следующее.

В художественном тексте перифраза участвует в смысловой организации высказывания, актуализирует дополнительные оценочные и коннотативные оттенки, а также усиливает его образность, экспрессивность и интерпретационную вариативность. Семантико-контекстуальная природа перифразы определяет её иносказательный и имплицитный потенциал, который актуализируется во взаимодействии с другими выразительными средствами текста, ср.:

«Самарканд – жемчужина,
Азиатский Рим.
Город славных предков
Мы боготворим».

Приложение 1, № 26.

«Мой Самарканд – ровесник Рима
Прошел ты множество преград...
Красив мой город и без грима
Имеет миллион наград...»

Приложение 1, № 23.

Перифраза «азиатский мир» в применении к Самарканду может быть интерпретирована как образное обозначение культурно-исторического макрорегиона Центральной Азии, с которым город находился в устойчивой и многовекторной связи. В данном контексте под «азиатским миром» подразумевается совокупность цивилизационных традиций, включавших: древнюю и средневековую культуру Центральной Азии, персидско-иранское интеллектуальное и литературное наследие, тюркские духовные и языковые традиции, исламскую архитектуру, науку и систему образования, трансконтинентальные связи с Китаем, Индией и Ближним Востоком, реализуемые через сеть маршрутов шелкового пути. Ср.:

«У каждого, я знаю, свой Восток.
У Улугбека свой – высокий, звездный,
А у меня Восток совсем не тот …»

Приложение 1, № 37.

3. Перифраза является текстообразующим приёмом. Она фиксирует и одновременно смещает фокус читателя, постепенно раскрывает пласты смысла, связанные с городом, и стимулирует развитие ассоциативных рядов, которые обогащают восприятие и интерпретацию места.

«Солнечный, души волшебный сад
Ароматом роз пьянит и дразнит.
Мира зеркало – старинный Самарканд!
Ах, как красив ты, вечный город-праздник!
Ровесник Рима, Вавилона брат,
Кристалл сей уникально-драгоценный...
Ах, как ты молод, древний Самарканд –
Неповторимый яркий центр Вселенной!»

Приложение 1, № 27.

Перифрастические обозначения «зеркало мира» и «центр Вселенной» представляют собой поэтические гиперболы, посредством которых

Самарканд переходит из категории конкретного географического объекта в категорию символического образа.

Эти метафоры не просто украшают речь, они наделяют город универсальным значением, превращая его в архетипический центр культуры, знаний и духовности. Выражение «зеркало мира» подразумевает, что в Самарканде отражаются все достижения человечества: архитектура, наука, искусство и философия разных эпох и народов. Город становится своего рода микрокосмом, где сходятся нити мировой истории.

В свою очередь, перифраза «центр Вселенной» усиливает эту идею, выводя образ города за пределы земной географии. Она указывает на сакральное, почти мифологическое положение города в сознании людей как места, вокруг которого вращается культурная и интеллектуальная жизнь цивилизации. Реальный город осмысляется через призму космических и метафизических категорий.

Таким образом, благодаря этим образным обозначениям Самарканд перестаёт быть просто точкой на карте и становится символом – воплощением идеального города, в котором гармонично соединены прошлое и настоящее, земное и небесное, локальное и всеобщее. Оценочный компонент перифразы в топонимической номинации города обладает этнической и локальной маркированностью, что формирует особый культурный контекст.

«Ночь опустилась в „Сад поэтов“,
Птенцы в гнезде не верещат
И торсы древних минаретов,
Как декорации стоят».

Приложение 1, № 7.

«Сад поэтов» – метафорический образ Самарканда как важного центра персидско-таджикской и тюркской культуры, связанный с литературным наследием Рудаки, Омара Хайяма, Алишера Навои, Джами и других поэтов Востока.

Перифраза представляет собой вид образной номинации, при котором прямой денотат (в данном случае – город) замещается описательным выражением на основе признака сходства. Вследствие этого в структуре перифрастических номинаций города Самарканда эпитеты как средство выразительности представлены ограниченно:

– «неповторимый Самарканд» (Приложение 1, № 1, № 30),

– «прекрасный город, славный» (Приложение 1, № 2),

– «сказочный город» (Приложение 1, № 6),

– «изобильный край» (Приложение 1, № 40).

Описание Самарканда с помощью эпитетов функционирует как система образных определений, акцентирующих его метафорические и символические характеристики (например: «вечный город», «город-легенда», «сердце Востока», «город-праздник»).

В отличие от них, в рамках собственно топонимической номинации топоним выступает как официальное, зафиксированное в топографических и географических источниках название, обозначающее денотат и обеспечивающее точную географическую идентификацию объекта без дополнительной образности.

Перифрастические номинации Самарканда свидетельствуют о том, что метафорические компоненты чаще занимают центральное место, формируя основное образное содержание номинативных конструкций. Эпитеты преимущественно выполняют характеризующую и модифицирующую функции, конкретизируя образ города, давая ему оценочную интерпретацию или эмоциональную окраску; при этом они, как правило, не образуют самостоятельной номинации без опоры на топоним или другой номинативный компонент.

2.5. Самаркандские топонимы как репрезентанты когнитивно-лингвистической образности

Начиная с 1960-х годов XX века в традиционной лингвистике особое внимание уделяется изучению семантики и функций имени собственного. Появляются фундаментальные исследования в области ономастики (В.А. Никонова, А.В. Суперанской, В.Д. Беленькой). В рамках когнитивной лингвистики, которая изучает метафору, образные схемы, ментальные пространства и способы концептуализации мира в языке, сформировались научные подходы, представленные в трудах Дж. Лакоффа, М. Джонсона, В.В. Красных, Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна и других исследователей.

Когнитивно-лингвистическая образность представляет собой способность языка к формированию и структурированию ментальных репрезентаций, в которых перцептивный опыт, концептуальные признаки и способы их языковой объективации образуют единую когнитивно-знаковую систему.

В топонимии данное явление проявляется в том, что географические названия не только осуществляют референцию к объектам действительности, но и фиксируют способы их концептуализации, отражая процессы категоризации, оценочной интерпретации и культурно обусловленной ассоциативной репрезентации географического пространства.

Стихотворение С.И. Липкина «В Самарканде» (1989) репрезентирует состояние творческой сосредоточенности и духовной гармонии, возникающее в социокультурном пространстве древнего восточного города. В ситуации уединённого письма лирический субъект осмысляет собственную включённость в культурную традицию и переживает опыт межконфессионального и межкультурного единства.

Семён Липкин формирует когнитивно-смысловой образ Самарканда посредством субъективного восприятия и поэтической интерпретации городского пространства. Основными когнитивными маркерами этого образа

становятся архитектурные доминанты – медресе и минарет, обладающие наибольшей визуальной и семантической выразительностью.

Возможно, в его стихотворении речь идет старейшем медресе Самарканда – о медресе Улугбека (построено в 1417–1420 годах)[12], которое является символом «золотого века» науки и культуры Республики Узбекистан в эпоху Тимуридов, о чем свидетельствует прилагательное «старинный»:

«Готовлю свое изделье
Во всей восточной красе,
Пишу в Самарканде в келье
Старинного медресе».

Приложение 1, № 11.

Урбанистический ландшафт в поэзии представлен не как бытовой фон или детализированное описание городской среды, а как целостная знаково-символическая система. В её структуре монументальный архитектурный объект становится носителем культурной памяти, религиозной семантики и идеи упорядоченности мироздания, что выражено, в частности, в образе «Отца единого дети».

«Художница-ленинградка
За толстой стеной живет,
И тень огонька лампадка
Бросает на старый киот.
Отца единого дети,
Свеченье видим одно,

[12] В Самарканде на площади Регистан находятся три исторических исламских учебных заведений: медресе Улугбека (1417–1420), медресе Шердор (1619–1636) и медресе Тилля-Кари (1646–1660), которые являются самыми яркими архитектурными символами восточного города.

Попутно заметим, что в каталоге Государственной Третьяковской галереи название этюда «Медресе Шир-Дор на площади Регистан в Самарканде» В.В. Верещагина, одного из самых известных русских художников-баталистов, передано в исторической форме «Шир-Дор». В современном употреблении распространено написание «Шердор». Название происходит из персидского языка и означает «имеющее львов».

И голуби на минарете
Об этом знают давно».

Приложение 1, № 11.

Через упоминание ключевых архитектурных объектов Самарканда поэт формирует пространственно-временной образ города, соединяя его зримую организацию с историко-культурной памятью.

Лексема «минарет» обозначает вертикальную доминанту городского пространства и выделяет его силуэт на фоне окружающей застройки.

Лексема «медресе» актуализирует представления об образовании, передаче религиозных и научных знаний, а в соответствующем контексте также о книжной культуре и преемственности в отношениях между учителем и учеником. Благодаря этому архитектурный объект медресе выступает не только средством пространственной характеристики города, но и носителем его образовательной семантики.

Слова «медресе» и «минарет» в совокупности формируют образ Самарканда в системе индивидуально-авторских ассоциаций лирического субъекта, обусловленных его личным опытом, культурной памятью и особенностями восприятия.

Ассоциации о городе соотносятся с коллективными представлениями о нём, репрезентированными его архитектурными доминантами и культурными ценностями. Взаимодействие этих элементов формирует целостный эмоционально маркированный образ городского пространства, в котором субъективная интерпретация опирается на коллективную культурную память

«Седая площадь Регистан –
Земной науки талисман.
Здесь медресе стоят века,
Как три цветка».

Приложение 1, № 10.

«Здесь минаретов купола...»

Приложение, № 20.

«Воспетый сотнями поэтов,
Красой блистает Регистан!»

Приложение 1, № 7.

«Регистан… Это в прошлом песчаная площадь».

Приложение 1, № 7.

Анализ стихотворения С.И. Липкина «В Самарканде» показывает, что автор не только использует восточную лексику (слова «минарет» и «медресе»), но и наделяет её дополнительными смысловыми оттенками. Через поэтические образы, ассоциативные связи, эмоциональные интенции и культурно-исторические коннотации эти лексемы участвуют в создании образа географического пространства Самарканда и направляют читательскую интерпретацию.

Словосочетание «в келье старинного медресе» ассоциируется с архитектурно-историческим комплексом Регистан в Самарканде – площадью, окружённой тремя медресе, которые являлись центрами религиозного образования и духовно-интеллектуального развития.

В поэтических текстах встречаются перифрастические обозначения Регистана – «лучезарный стан», «оплот наук», «архитектуры цвет» и «земной науки талисман», свидетельствующие о высокой степени поэтизации и сакрализации этого архитектурного ансамбля в художественном сознании, ср.:

«Сам Тамерлан помог тебе цвести!
Создал дворцы и яркий Регистан –
Великих предков лучезарный стан.
Они построили три лучших Медресе.
Оплот наук, архитектуры цвет!»

Приложение 1, № 40.

«Не видел ты Узбекистан,
Коль не попал на Регистан.
Всё меркнет здесь – Хива, Коканд».

Приложение 1, № 30.

В художественном тексте топоним, сохраняя свою денотативную функцию, одновременно актуализирует коннотативные, культурные, исторические и индивидуально-авторские смыслы, участвуя тем самым в формировании образа пространства.

Иными словами, топоним способен актуализировать у читателя зрительные, эмоциональные и историко-культурные представления, связанные с обозначаемым местом, и тем самым участвовать в формировании его образа. В художественном тексте этот образ может включать представления об атмосфере, архитектурном облике, социальной среде и ритмах повседневной жизни.

Особенно наглядно это проявляется в очерке К.С. Петрова-Водкина «Самаркандия». Уже само название произведения не только соотносит повествование с Самаркандом, но и задаёт определённую модель его восприятия. При этом «Самаркандия» обозначает не только город, но и более широкое культурно-географическое пространство, включающее его окрестности, природный ландшафт и историческую память. Название актуализирует представления о древнем восточном городе, его архитектуре, памятниках, повседневной жизни и своеобразии окружающего пространства.

Благодаря этому Самарканд предстаёт не просто местом действия, а чувственно воспринимаемым и культурно осмысленным образом, в котором соединяются непосредственные впечатления автора, исторические ассоциации и сформированные культурой представления о Востоке.

Описание города приобретает характер художественной интерпретации: пространственные детали (цвет, архитектурные формы, звуки, запахи, особенности городской и сельской жизни) становятся носителями культурных и символических смыслов. Ср.:

«*Туземный город с копошащимся базаром и лавочками, несвязность памятников с этой жизнью – всё это до тех пор не укладывалось в одно стройное целое, пока*…» В этом описании речь идет о Сиабском базаре.

«*… очень знакомыми показались мне Улук-Бек и Шир-Дор*…»

«*Вот Шах-Зинда та, сразу, как только вынырнули ее купола в прорезах священной рощи – она стала моей любимицей*».

«*Мое первое восклицание друзьям моим о куполе Шах-Зинды было:*

– „Да ведь это вода! Это заклинание бирюзовой огненности пустыни!“

В угадании этого цвета в мозаике и майолике и есть колористический гений Востока».

Приложение 2, № 4.

Выражение «туземный город с копошащимся базаром и лавочками» передаёт впечатление от Сиабского базара в Самарканде, шумного, многолюдного, связанного с обычной жизнью местных жителей. На этом фоне особенно заметны древние памятники – мечети, медресе, мавзолеи, остатки дворцов и крепостных сооружений.

Автору они сначала кажутся «несвязанными» с окружающей жизнью: величественные руины напоминают о могущественной империи, а рядом продолжается простая будничная жизнь базара. Однако постепенно эти противоположности складываются в единое представление о Самарканде: город одновременно является живым восточным центром и памятником истории.

«*Но, когда эта официальная архитектура в один из праздников наполнилась тысячами правоверных, – цветные ткани и ритмические волны молящихся сделали площадь неузнаваемой: заговорила геометрическая майолика отвесов стен, углубились ниши и своды*…»

Приложение 2, № 4.

Самаркандские топонимы в текстах К.С. Петрова-Водкина выполняют образно-концептуальную функцию, участвуя в миромоделировании художественного пространства. Они организуют пространственное

восприятие читателя и способствуют воссозданию визуального, эмоционального и культурного облика восточного города. Обращаясь к топонимам, К.С. Петров-Водкин в путевых заметках воссоздаёт не только конкретные локусы, но и их атмосферу, историческую значимость и повседневную динамику начала XX века.

В художественном дискурсе топоним может приобретать иконические свойства: его контекстуально сформированный образный потенциал начинает участвовать в создании художественного образа города. При этом иконичность топонима следует понимать не как прямое сходство названия с городским объектом, а как эффект ассоциативной и культурной мотивированности.

Например, перифраза «город Тамерлана» соотносится с Самаркандом через его историческую роль как столицы Тимуридов и центра политической, архитектурной и культурной жизни эпохи Тимуридов. В сознании читателя это наименование может актуализировать образ древнего восточного города с Регистаном, голубыми куполами, мавзолеем Гур-Эмир.

Эти коннотации могут быть связаны с коллективной памятью, идеологическими установками, историческими и литературными текстами.

Топонимическая номинация имеет социально-конвенциональный и исторически обусловленный характер: конкретные лексические единицы, в частности названия улиц и других линейных городских объектов, соотносятся с определёнными историческими, культурными и коммуникативными контекстами и закрепляются в языковом употреблении, культурной памяти, соответствующей городской и лингвокультурной общности.

Так, урбаноним «улица Регистан» отсылает к площади Регистан – это архитектурный комплекс, окружающий площадь, он включал медресе и мечети, которые служили центрами богословского образования и культовой практики. Вместе с богослужебными и учебными функциями медресе обеспечивали религиозно-интеллектуальную жизнь города. Благодаря этой

связи название улицы может актуализировать представления об историческом центре города, архитектурном наследии эпохи Тимуридов и современном туристическом образе Самарканда.

Изначально слово «регистан» в средневековой исламистской практике служило типологическим названием для главных площадей, обозначал центральную площадь в любом городе (например, площадь Регистан есть также в Бухаре), выполнявшую совокупность публичных функций (рынок, место собраний, трибуны для объявлений и судебных актов, место шествий и празднеств). Площадь Регистан в Самарканде, сформировавшаяся в конце XIV – начале XV вв., выступала не только как архитектурный центр города, но и как многофункциональное общественное пространство, через которое проходил Великий шелковый путь, что обусловливало её экономическое и политическое значение.

Транспортно-географическое положение площади Регистан способствовало сосуществованию на ней и базара, где концентрировались редкие и высокоценные товары (шелк, специи, драгоценности, ковры) и осуществлялся информационный обмен между участниками торговых путей из Персии, Индии, Китая, арабских земель и Европы. Это придавало площади международное экономическое и имиджевое значение, отражая роль Самарканда как узлового центра международной и межрегиональной торговли.

И в настоящее время площадь Регистан остаётся визитной карточкой города.

«Не видел ты Узбекистан,
Коль не попал на Регистан.
Всё меркнет здесь – Хива, Коканд.
Глава Востока – Самарканд».

Приложение 1, № 30.

«Вот Регистан – корабль в песках плывущий».

Приложение 1, № 21.

«Вот отец мой Регистан,
Восхищает всех твой стан».

Приложение 1, № 16.

В этом случае символически нагруженный топоним может выступать маркером интертекстуальных связей, отсылая к историческим событиям, мифологическим и фольклорным мотивам, а также участвовать в формировании пространственно-смысловой организации произведения.

Художественные топонимы реализуют иконическую и символическую функции одновременно: образно-мотивированные черты названия усиливают или трансформируют культурные коннотации, формируя многоуровневый семантический комплекс.

В стихотворении Арсения Тарковского «Переводчик», посвящённом опыту перевода восточной поэзии на русский язык, топоним Самарканд выступает ключевым элементом конструирования антропоморфного образа субъекта, занятого переводческой деятельностью. Находясь на границе между подлинным источником и новой языковой реальностью, образ лирического героя функционирует не только как портрет конкретного переводчика, но и как метафора самой творческой ситуации перевода, в которой сталкиваются «великолепие подлинника» и ограниченность выразительных средств переводящего языка.

За внешним блеском восточной экзотики, о котором свидетельствует уже первая строфа «Самарканд на шахской ладони», – скрывается трудность передачи чужих образов, с которой сталкивается переводчик.

«Шах с бараньей мордой – на троне.
Самарканд – на шахской ладони.
У подножья – лиса в чалме
С тысячью двустиший в уме».

Приложение 1, № 39.

Стихотворение передаёт внутреннюю драму лирического героя, что находит выражение в риторическом вопросе, который подчёркивает высокую ценность переводческого труда:

«Для чего же я лучшие годы
Продал за чужие слова?»

Строка «Самарканд – на шахской ладони» – это метафора абсолютной власти шаха над прекрасным торжественным городом с бирюзовыми мечетями, распростёртым на великой ладони правителя.

Самарканд у Арсения Тарковского – не просто географический топоним, а поэтический образ Востока, связанный с шахами, розами, соловьями, традиционными двустишиями и переводческой работой поэта:

«Самарканд – на шахской ладони…»
«С тысячью двустиший в уме…»
«Ах, восточные переводы…»

Как уже отмечалось, топоним «Самарканд», употребляясь в качестве заголовка поэтических текстов (см. Приложение 1: № 2, 4, 5, 8–12, 23, 24, 26, 27, 28, 38, 40, 42), приобретает композиционно самостоятельный статус. В таких случаях он функционирует как автономный заголовочный компонент, не входящий непосредственно в синтаксическую структуру основного текста, однако сохраняющий смысловую связь с его содержанием.

Семантическое наполнение топонима Самарканд не случайно и не разрозненно: оно организуется через набор устойчивых образов и мотивов (историко-культурных, архитектурных, символических и религиозных), которые формируют структуру его смысла. Эти образы служат структурирующими элементами семантики топонима и обеспечивают предсказуемость ассоциативной картины, связанной с этим топонимом, например, «шелковый путь», «монументальная архитектура», «культурное наследие».

Художественные топонимы актуализируют фоновые и социокультурные знания читателя, формируют пространственные представления и направляют

интерпретацию текста. Наряду с локализующей функцией они выполняют когнитивную, оценочную, символическую и интертекстуальную функции, обеспечивая эффекты достоверности, узнавания, эмоциональной оценки и культурной соотнесённости, ср.:

«Весь город памятник: Биби-Ханым – мечеть;
Вот Регистан – корабль в песках плывущий;
Вот Шах-и-Зинд, где мёртвые живущим
Прозрачно предлагают умереть.
Вот купол Гур-Эмира – мавзолей,
Где кости Тамерлана и царицы…
Вот минареты, арки и гробницы,
Что делают „букашек“ из людей.
Здесь Улуг-бек, своего деда внук …»

Приложение 1, № 21.

«Небес голубизна и улиц гибкий стан…
Восточный аромат райхана и лаванды…
Мечеть Биби-Ханум и площадь Регистан –
Наследники времён и гордость Самарканда!»

Приложение 1, № 25.

Образ Самарканда получает поэтическое осмысление в творчестве исследователя русской литературы XVIII–XX вв. Д.Д. Благого. Будучи в эвакуации в Ташкенте, Д.Д. Благой написал стихотворение с пейзажными и историко-культурными мотивами[13], в котором поэт через контраст шума и тишины, повседневного уличного хаоса и величественного архитектурного

[13] Как свидетельствуют архивные материалы и биографические хроники, в годы Великой Отечественной войны выдающийся советский литературовед и пушкинист Д,Д. Благой находился в эвакуации в Ташкенте. Вместе с сотрудниками Института мировой литературы АН СССР он был переведён в столицу Узбекистана. В 1941–1943 годах Д.Д. Благой заведовал кафедрой русской литературы Ташкентского педагогического института, а также преподавал в качестве профессора в Среднеазиатском государственном университете.

памятника Биби-Ханум, лилипутов и гиганта показывает вечность среднеазиатской архитектуры над суетой повседневности.

«Солнца диск пылающий разломан
В тысячи сверкающих кусков:

Пестрых улиц многоцветный гомон,
Толочь толп, крик женщин, рев ослов.

И над всем, столетья перепутав,
Тишиной перекрывая шум,
Торс гиганта в мире лилипутов,
Вскидывает в высь Биби-Ханум».

Ташкент, апрель 1943

Топонимы и антропонимы Биби-Ханым, Регистан, Шахи-Зинда, Гур-Эмир, Тамерлан и Улугбек не ограничиваются номинативной функцией: в художественном дискурсе они приобретают образно-символические смыслы.

В поэтическом дискурсе указанные ономалексемы актуализируются как маркеры исторической памяти, сакрализованного топоса и культурной идентичности, что способствует формированию полисемантичного образа Самарканда в статусе города-символа. Их смысловой объём расширяется за счёт подключения эмоциональных, культурологических и ассоциативных коннотаций. Взаимодействие метафорических и метонимических средств, эпитетов детерминирует специфику авторской интерпретации урбанистического пространства.

Одно из самых знаменитых стихотворений о городе Самарканде написано Анной Ахматовой в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Оно содержит всего две строки и отражает поэтическое завещание-мечту – ахматовскую мифологизацию города:

«А умирать поедем в Самарканд,
На родину предвечных роз…»

Ташкент, Ташми
(в тифозном бреду)
ноябрь–декабрь 1942

В ноябре 1941 года Анна Ахматова была эвакуирована из блокадного Ленинграда в Узбекистан, жила в Ташкенте до мая 1944 года, посещала Самарканд. Важен и тот факт, что для Анны Ахматовой этот город был не просто географическим местом (населенным пунктом), а пространством новой образности.

Образ города как родины «предвечных роз» метафорически воплощает Самарканд как символ вечной красоты. Розы здесь не рассматриваются лишь как ботанические объекты, а символизируют внеисторическое, трансцендентное начало красоты Востока. Как поэтический символ, «предвечные розы» обозначают идею небесного совершенства и тоски по возвращению к нему в момент перехода из жизни в смерть[14]. Лирическая героиня стремится уехать умирать в Самарканд, чтобы обрести неподвижный покой, освобождённый от времени и страданий. Эта метафора также отражает эмоциональную и экзистенциальную потребность поэтессы в исцелении и утешении на фоне войны, болезни и эвакуации.

В поэтическом восприятии Анны Ахматовой Самарканд предстаёт как пространство райского сада, что позволяет говорить о формировании концепта «города-рая» [Шафранская 2024: 38]. Для Ахматовой было важно, что город исторически выступал символом духовного просвещения: он мифологизировался как место исцеления, гармонизации и возвращения к жизненным истокам и духовной целостности.

Двустишие Анны Ахматовой «А умирать поедем в Самарканд…», снабжённое авторской пометой «В тифозном бреду» и датированное ноябрём–декабрём 1942 года, представляет собой, по принятому составу

[14] Это двустишие Анна Ахматова написала в декабре 1941 г., будучи в тифозном бреду в больничной палате Ташкентского медицинского института, вспоминая свои поездки в Самарканд [Шафранская 2024: 37-38].

цикла «Ташкентские стихи», единственный текст, в котором Самарканд назван непосредственно.

В этом двустишии формула «родина предвечных роз» мифологизирует образ Самарканда, превращая географическое название в символическое пространство красоты, памяти и вечности. Образ розы в поэтике Ахматовой допускает амбивалентное прочтение: он соединяет семантику любви, красоты и страсти с мотивами увядания, тоски и смерти.

С лингвокогнитивной позиции Самарканд становится концептуальным ориентиром, задающим переход от личного бытия к культурному, в рамках которого физическая смерть преодолевается через включение субъекта в измерение вечной памяти и красоты.

В этом же году Анной Ахматовой было написано стихотворение «Заснуть огорченной», вошедшее в цикл восточных стихотворений, в которых поэтесса отразила открытие для себя новой культуры и восприятие восточного колорита.

«Заснуть огорченной,
Проснуться влюбленной,
Увидеть, как красен мак.
Какая-то сила
Сегодня входила
В твое святилище, мрак!
Мангалочий дворик,
Как дым твой горек
И как твой тополь высок…
Шехерезада
Идет из сада…
Так вот ты какой, Восток!»

1942 г.

Сочетание «мангалочий дворик» (обозначение локального, повседневного пространства, связанного с жаровней и приготовлением пищи)

и образ «горького дыма» акцентируют материальную и бытовую сторону жизни местных жителей. Однако в контексте произведения эта бытовая деталь может одновременно включаться в систему ориентализирующих образов и восприниматься как элемент условной «восточной» экзотики.

Образ Шехерезады, восходящий к «Тысяче и одной ночи» (средневековому сборнику, сформировавшемуся на пересечении арабской, персидской, индийской и других повествовательных традиций), вызывает ассоциации со сказочностью, таинственностью и условным Востоком.

Словосочетание «мангалочий дворик» и антропоним Шехерезада функционируют как культурные маркеры, однако первое связано прежде всего с бытовой локальностью, а второе – с литературно-мифологическим и ориентальным контекстами.

Особый интерес представляет стихотворение Анны Ахматовой, посвящённое Борису Пастернаку, в котором центральным объектом выступает образ Тамерлана, выполняющий функцию метафорического эквивалента осеннего увядания и разрушения.

Включение исторического дискурса о жестокости и тотальной власти завоевателя позволяет Ахматовой придать природному циклу измерение исторической катастрофы, акцентируя мотивы неотвратимости рока и глубинной, личностной угрозы бытию.

«И снова осень валит Тамерланом,
В арбатских переулках тишина…»

Б. Пастернаку
(«И снова осень валит Тамерланом…»)

В этом стихотворении образ осени метафорически соотнесён с образом Тамерлана – восточного завоевателя, чьё имя в культурно-исторической традиции связано с военной мощью, жестокостью и разрушением.

В строке «И снова осень валит Тамерланом» осень представлена как стихийная, захватническая сила: глагол «валит» передаёт её напор и

разрушительное воздействие, а сравнение с Тамерланом усиливает семантику насилия, стремительности и тотального наступления.

Образы Шахерезады (как архетипа повествовательницы) и Тамерлана (как культурно и исторически нагруженного антропонимического символа) получили устойчивое распространение в ряде художественных текстов как значимые элементы коллективных стереотипов и архетипических моделей репрезентации Востока. Однако их распространённость и интерпретации не являются универсальными, поскольку они варьируются в зависимости от исторического, культурного и социального контекстов.

В русскоязычных текстах самаркандские топонимы реализуют не только денотативную функцию географической номинации, что проявляется уже в заглавиях романа Гузели Яхиной «Эшелон на Самарканд» и исторической трилогии Сергея Бородина «Звёзды над Самаркандом». Топоним Самарканд обладает выраженным когнитивно-образным потенциалом.

Самаркандские топонимы, включаясь в художественную картину мира, актуализируют устойчивые культурно-языковые ассоциации, связанные с Самаркандом, и участвуют в формировании образа города как значимого элемента авторской концептосферы.

2.6. Пилонимы в системе урбанонимов: специфика репрезентации «самаркандского текста»

Термин «пилоним» (от греч. πύλη «ворота» + ὄνομα «имя») не вошел в ядро ономастической терминологии 1970–1980-х гг. В «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской (1-е изд. 1978, 2-е изд. 1988) термин «пилоним» отсутствует.

По мнению Г.Б. Мадиевой и В.И. Супруна, «по числу и монументальности ворот определялась важность города, его торговое, военное, культурное значение» [Мадиева, Супрун 2017: 117].

Э.Ф. Шафранская, Г.Т. Гарипова, Ю.У. Матенова подчеркивают, что ворота являются той особенной сакральной деталью городского ландшафта, «которая всегда упоминается при описании Самарканда» [Шафранская 2024: 42].

В фундаментальном труде «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» В.В. Бартольда, создателя русской востоковедческой исторической школы, описано состояние оборонительных стен и ворот города [Бартольд 1998: 31-32].

В художественных текстах о Самарканде городские ворота занимают ключевое место в системе топографических описаний, нередко выступая символическим центром города.

«*Говорятъ, что въ былое время входныя ворота были отлиты цѣликомъ изъ бронзы, но теперь отъ нихъ слѣдовъ не осталось и сохранилась лишь въ цѣлости западная часть храма…»*

«Ворота и минареты попадали, своды обвалились и разрушеніе, начатое временемъ, дѣятельно поддерживается людьми, потомками строителей».

Приложение 2, № 2.

В романе Андрея Волоса «Возвращение в Панджруд» лексема «ворота» функционирует не только как обозначение архитектурного объекта, но и как текстообразующий элемент, организующий концептуально-тематическое поле художественной языковой картины мира и связывающий изображённое пространство с историко-культурным контекстом произведения. Смысловая актуализация образа «ворот» соотносится с фигурой слепого поэта Рудаки: его возвращение в Панджруд через разрушенные ворота превращает город в топос культурной памяти в условиях физического разрушения пространственной структуры.

Приложение 2, № 6.

В старом городе (городище Афрасиаб) выделялись четыре основные воротные системы, ориентированные по сторонам света и «раскрывавшие» город на все четыре стороны [Бартольд 1998: 31–32]:

Бухарские ворота (на севере),

Китайские ворота (в сторону Чупан-аты),

Кешские ворота (на юге),

Навбахорские ворота (на западе).

Бухарские ворота, получившие своё название благодаря ориентации на Бухару, служили главным городским выездом на дорогу, ведущую в этом направлении. Эти ворота выполняли не только транспортно-логистическую функцию, как отправная точка караванных и торговых путей, но и имели оборонительное, административное и символическое значение. Через ворота контролировали въезд и выезд людей и товаров, взимали пошлины и устанавливали таможенные формальности, а также использовали их в городской планировке как ориентир в структуре уличной сети [Липатова 2025: 333].

С восточной стороны оборонительного вала (городской стены) располагались Восточные, или Самаркандские, ворота.

Они выходили на Регистан – центральную площадь города, выполнявшую важнейшие общественно-политические и торговые функции. Регистан находился вблизи Шейхзадинских ворот (в локальной традиции иногда называемых «Воротами Самарканда»), что указывает на тесную взаимосвязь между системой ворот и главными общественными пространствами. Ворота направляли потоки людей и товаров непосредственно на площадь, тем самым усиливая её экономическое и социальное значение. Такое расположение соответствует типичной для среднеазиатских городов структуре, в которой магистрали, ворота и центральные площади образуют взаимосвязанную систему городской морфологии и пространственной организации.

«*На восток за рекой Ворота Самарканда, где проходит железная дорога*».

Приложение 2, № 7.

Самаркандские ворота выходили на Регистан – центральную площадь города, выполнявшую важнейшие общественно-политические и торговые функции. Регистан находился вблизи Шейхзадинских ворот (в локальной традиции иногда называемых «Воротами Самарканда»), что указывает на тесную взаимосвязь между системой ворот и главными общественными пространствами.

Интересный пример размышления жителя Самарканда приводит советский и российский график, живописец, писатель К.С. Петров-Водкин, который известен тем, что в 1921 г. пребывал в Самарканде в составе Первой Туркестанской архитектурной экспедиции, см.:

«*Когда очень прогневаем Аллаха, горы и камни потеряют сцепку свою – все ворота для огня и воды откроются…»*

Символика ворот выступает метафорой порога между порядком и хаосом, миром людей и силами разрушения.

Семантика «ворот» / «врат» здесь многозначна:

во-первых, это топос, обозначающий границу между пространствами: городом и пустыней, безопасным и опасным;

во-вторых, это ритуальный маркер: состояние врат соотносится с нравственным состоянием сообщества и его отношением к Богу – Аллаху.

Таким образом, нравственное нарушение, вызванное гневом Божьим, ведёт к разрушению природного порядка и наносит ущерб космосу, открывая путь катастрофическим стихиям – огню и воде.

В религиоведческом и культурно-антропологическом ключе такой мотив соотносится с универсальными представлениями о сакральной поддержке мира, где божество или священный порядок удерживает природные и социальные структуры.

Концептуально близкие параллели можно найти в исламе через представления о богопочитании и общественной нравственности: коллективные или индивидуальные грехи могут вызвать божественное наказание в виде стихийных бедствий. Внутри мусульманских представлений

это часто интерпретируется через понятия «таухид» –богоугодного поведения (зикр, намаз, закят) и греха, ведущего к разрушению общественного блага.

Врата города – это не просто вход, но граница сакральной безопасности; их «отворение» символизирует утрату защиты и доступ внешних, часто демонизированных сил. В фольклоре этого региона ворота и пороги нередко связаны с охранительными обрядами (заговоры, амулеты), что усиливает мотив защиты: охранительные практики реализуются не только в каменной архитектуре, но и в ритуальной практике. С точки зрения теории символического анализа (К. Леви-Стросс, В.Я. Пропп), приведенный контекст К.С. Петрова-Водкина отражает причинно-следственные связи:

аморальность → божий гнев,

божий гнев → распад природного порядка,

распад природного порядка → открытие врат разрушения.

В этой логической последовательности, заложенной в тексте К.С. Петрова-Водкина, отражена мысль, что ощущение угрозы разрушения может способствовать укреплению и поддержанию нормативного поведения.

Для художественной литературы о Средней Азии характерны образы ворот как знаковых архитектурных элементов (медресе, мавзолей), которые одновременно выполняют функциональную и эстетическую роль.

«*На восточной сторонѣ города высится небольшой мавзолей, увѣнчанный красивымъ куполомъ и окруженный стѣнами съ высокими воротами, по сторонамъ которыхъ возвышаются также купола*».

Приложение 2, № 2.

А.М. Маликов и А.Ш. Умаров, используя карту, составленную М. Яковлевым в 1841 г. (с дополненной информацией М.Е. Массона), сделали попытку определить местонахождение ворот в Самарканде и установили, что конкретными воротами являются северные ворота Шейх-заде (также известные как Шейх-аде или Пойкабок) вблизи мазара Шахи-Зинда [Маликов 2022: 219].

В пределах городской черты, на пересечении современных улиц Дагбитской и Чорраха располагались ворота Шейх-аде (Пойкабок). Прилегающая к ним территория считалась сакральной частью города, поскольку здесь находились медресе и мечети. В связи с этим ворота маркировали границу сакрального городского пространства.

В юго-восточном секторе города находились ворота Фируза. Их название связано с историческим топонимом Фируза (в переводе с персидского – «бирюзовый»), в источниках также встречается форма «Фиру». Рядом с воротами располагался чарбаг Фируз – стационарный садово-дворцовый комплекс. Термин «чарбаг» (в переводе с персидского –«четырёхчастный сад») обозначает тип регулярной планировки, характерный для персидской и среднеазиатской архитектурно-ландшафтной традиции. Такие сады обычно входили в состав усадебно-дворцовых владений и включали павильонные сооружения. Позднее они могли преобразовываться в семейные некрополи или погребальные комплексы. В данном случае название указывает на связь сада с его владельцем – амиром Фирузом, чьё имя легло в основу прилегающих топонимов.

В южной части города находились ворота Коризгох, также известные как ворота Коризистан и Ходжа-Ахрар. Параллельное употребление названий, вероятно, объясняется многоязычной средой города, в котором проживали как таджики, так и узбеки.

Компонент -гоҳ (-gāh) в таджикском языке и компонент -истон (-istān) в узбекском языке восходят к иранской языковой традиции и обозначают место или местность. Поэтому названия с этими компонентами могли восприниматься как смысловые соответствия, хотя строго лингвистически они не являются синонимичными суффиксами: -гоҳ означает прежде всего «место», а -истон – «страна», «земля», «местность». В более ранний период эти ворота, по-видимому, назывались Намозгох – по месту проведения общегородских мусульманских праздников и праздничных молитв (намозгох

– «место для молитвы»). Сходную модель образования имеют, например, названия типа Сюзангарон[15].

Кроме того, в этой части города упоминаются ворота Форун, которые вели в пригородный квартал Форундиза (территория современного мазара Ходжа Ахрар).

В.В. Бартольд, опираясь на средневековые источники (Истахри и Ибн ал-Факих), писал, что Самарканд был окружен 12 воротами[16]. На сегодняшний день их точное расположение по сторонам света определить сложно из-за неполноты исторических источников.

Исторически на севере Самарканда на городище Афрасиаб находились Бухарские ворота, через которые шла дорога в сторону Бухары. Источники также упоминают северные ворота Шейх-аде (Пойкабок) и Оханин, располагавшиеся ближе к району Шахи-Зинды.

На западной стороне древнего городища Афрасиаб располагались Навбахорские (или Наубехарские) ворота. Их местоположение предположительно локализуется в западной части городища, вблизи этого места находилось кладбище Санграсон, существующее и поныне.

Ворота Чорсу относились уже к более поздней городской структуре Самарканда. Их обычно локализуют в районе начала современного Университетского бульвара, у места, где ныне установлен памятник Амиру Тимуру. В районе Афрасиаба были сосредоточены следующие ворота, ориентированные по основным направлениям коммуникаций:

Китайские ворота – указывали направление на Чупан-ату;

Бухарские ворота – вели в сторону Бухары;

Кешские ворота – указывали направление на Кеш (ныне Шахрисабз);

Навбахорские ворота – располагались на западной стороне Афрасиаба.

---

[15] Сюзангарон – это географическое название, распространённое в Средней Азии, в частности в Узбекистане и Таджикистане. Чаще всего так называют махалли (кварталы), улицы, рынки или иные локальные объекты в городе.

[16] http://old.muslim.uz/index.php/rus/stati/item/29512

В восточной части Самарканда располагались ворота Шахи-Зинда, ранее известные как Оханин.

Такая система ворот обеспечивала связь города с основными торговыми и паломническими маршрутами Средней Азии и отражала стратегическое значение Самарканда как узлового пункта на Великом шелковом пути.

Концептосфера национального языка и концептосфера категории пилонимов взаимосвязаны. В основе номинации отражены «те сведения о мире, которые наиболее востребованы в его жизнедеятельности» [Щербак 2012: 247]. Речь идет о таких фактах жизнедеятельности, как населенные пункты, с которыми была налажена непосредственная транспортная связь, или указывающими направления (Бухара, Куш/Кеш, Китай), о важных ритуальных событиях в городе («намозгох»), а также на роль ворот в их мемориальной (название ворот по имени Фируза) и в апотропейной функциях (ворота Оханин – Железные ворота).

Лексико-семантическая структура наименований ворот тесно коррелирует с их топографическим контекстом. Семантический объём, заключённый в номинациях ворот, в сознании городского населения часто превышает денотативный объём номинативных основ (например, «кориз», «намозгох»), что свидетельствует о расширении значений за пределы прямой предметной референции.

Узбекские паремии «Город не бывает без ворот» и «У города есть ворота» актуализируют образ о городе как об охраняемом и упорядоченном локусе. Между тем в современной городской топонимии и массовом восприятии этот образ претерпевает заметную семантическую трансформацию. Формулы типа «Самарканд – туристические ворота Узбекистана» переосмысляют ворота уже не как средство ограничения и обороны, а как средство коммуникации и посредничества. В результате город предстает не замкнутым пространством, отделённым от «чужого», а открытой точкой входа во внешний мир.

Речь идет о том, что в наши дни семантика ворот сместилась от защитно-разграничительной функции к репрезентативной и интегративной: ворота начинают обозначать доступность города, его включённость в международные связи и способность репрезентировать национальное пространство внешнему наблюдателю.

В топонимической картине мира Самарканда городские ворота выступают как когнитивные маркеры, выделяющие ключевые концептуально-тематические области: пространство (ориентация), граница, память и идентичность.

- ориентация в пространстве – каждое направление имеет свои ворота, указывая направления в стороны света (восток – запад – север – юг);

- кодирование культурной идентичности – культурная идентичность Самарканда кодировалась в названиях городских ворот, связанных с определёнными территориями. Такие названия отражали торговые, политические и культурные связи города с Бухарой, Кешем и Китаем;

- сакрализация границы – пилонимы в имагологической логике маркируют оппозицию «свой/чужой» в топонимической картине мира, конструируя динамическую границу между городским порядком и внешним пространством. Названия ворот, отсылавшие к внешним территориям или политико-культурным центрам, репрезентировали «Другого». Например, Китайские и Бухарские ворота указывали на значимый внешний объект, связанный с городом, но находившийся за его пределами.

Речь идет о том, что образ городских ворот в топонимии Самарканда выступает одним из ключевых элементов символического порядка города и выполняет характерные функции:

- маркирует границу между «своим» (городским) и «чужим» (степным или пригородным) пространствами;

- кодирует культурные, религиозные и географические связи города через систему направлений и пилонимов.

В русскоязычном тексте романа Адиля Якубова «Сокровища Улугбека» мотив закрытых ворот служит концептуальной метафорой: через антитезу «мой город – запертые ворота» образ ворот передаёт не только физическую изоляцию правителя-учёного, но и его внутреннее отчуждение, разрыв коммуникации с социумом и потерю исторической перспективы, оформляясь как когнитивная схема «блокированного пути» власти и знания.

«Ворота столицы закрыты!
И это передо мной!..
И это мой город, мой Самарканд!»

Приложение 2, № 7.

Название романа «Сокровища Улугбека» задаёт исходную перспективу восприятия Самарканда как одного из важнейших центров науки и просвещения эпохи Тимуридов. Этот образ раскрывается через связанные с Мирзо Улугбеком историко-культурные объекты города: средневековую астрономическую обсерваторию, ныне музейный комплекс, медресе Улугбека на площади Регистан, улицу Мирзо Улугбека, памятник учёному и мемориальный музей Улугбека [Исматова 2024: 439]

Пилонимы занимают периферийное положение в системе городских урбанонимов. В отличие от названий улиц, площадей и иных объектов, выполняющих адресную функцию, они преимущественно обозначают пространственные ориентиры и символические маркеры городской территории.

Семантика пилонимов актуализируется в зоне пересечения концептуально-тематических полей «город», «граница и переход», «архитектура», «история» и «идентичность». Их полифункциональный пограничный характер, реализуемый на пространственном, функциональном и символическом уровнях, определяет высокую когнитивную значимость данных номинаций в структуре городского семиотического пространства.

2.7. Гефиронимы в системе урбанонимов: специфика репрезентации «самаркандского текста»

В современной ономастике наблюдается расширение предметного поля топонимических исследований за счёт обращения к периферийным разрядам топонимов, ранее остававшимся за пределами традиционных классификаций. К числу таких разрядов относятся собственные названия мостов, обозначаемые в ряде исследований термином «гефиронимы» (от др.-греч. γέφυρα – «мост, переправа, плотина» и ὄνομα – «имя») Гефиронимы представляют собой особую ономастическую категорию, занимающую периферийное положение в рамках классической ономастики.

Термин «гефироним» не входит в лексикографический состав «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской (1978, 1988), поскольку данный справочник фиксирует преимущественно базовый, устоявшийся терминологический аппарат ономастики (топоним, гидроним, урбаноним и др.). Отсутствие термина в классическом словаре не исключает его теоретической плодотворности; напротив, фиксация и концептуализация гефиронимов может укрепить когнитивный подход в ономастике, способствуя детальной типологии малых урбанонимов и расширению ономастических корпусных исследований.

Термин «гефироним» был предложен Г.Б. Мадиевой и В.И. Супруном [Мадиева 2017: 16; 2017а: 117] уже после выхода «Словаря русской ономастической терминологии» В.Н. Подольской. В случаях, когда речь идёт о названиях мостов в рамках городского топонимического пространства Р.В. Разумов использует варианты «городской гефюроним» и «урбогефюроним» [Разумов 2015: 17].

Существенный материал для реконструкции самаркандского топонимического пространства содержится в трудах В.В. Бартольда, основанных на его наблюдениях и архивно-исторических данных, – «Отчёте

о поездке в Самарканд летом 1904 г.», «Поездке в Самарканд с археологической целью» и исследовании «Джуи арзиз».

Гефиронимы играют существенную роль в интерпретации культурно-исторической информации, заключённой в названиях мостов. Изучение корпуса самаркандских гефиронимов позволяет выделить в концептуально-тематической области «Город» четыре наиболее регулярно представленных когнитивно-тематических компонентов (см. схема 3):

- историко-культурный – знания об исторических событиях, личностях и культурных реалиях;

- природно-географический – представления о природных объектах, рельефе и особенностях территории;

- ценностно-оценочный – социальные, нравственные и эмоциональные оценки, связанные с обозначаемыми объектами;

- мифологический – сведения о народных легендах, преданиях и мифологических персонажах.

Схема 3. Концептуально-тематические компоненты гефиронимов

Мост как объект исследования может рассматриваться на двух взаимосвязанных уровнях: материально-техническом – как инженерное сооружение, и семантическом – как объект номинации, представленный в

языке соответствующим именем, то есть языковым знаком. Между этими уровнями существуют исторически, социально и когнитивно обусловленные связи.

В языке название моста выполняет идентифицирующую функцию, позволяя выделить данный объект среди других объектов того же класса. Гефироним актуализирует в сознании носителя языка закреплённые за ним ассоциативные связи, включающие один или несколько взаимосвязанных смысловых пластов.

Актуализация этих ассоциативных связей отражает когнитивную функцию гефиронима: в сознании индивида активируется комплекс взаимосвязанных представлений, образов, оценок и эмоциональных реакций. Ассоциация как механизм установления связей между элементами опыта способствует последующей интерпретации гефиронима и формированию релевантных смыслов.

Будучи содержательной и автономной единицей знания в ономастическом сознании носителей языка, гефиронимы существуют также в антропоцентрическом измерении: они реализуют известные экстралингвистические и культурологические знания человека и репрезентируют «город-текст» [Липатова 2024а: 871-878].

Хотя мосты не относятся к главным символическим доминантам Самарканда, таким как площадь Регистан, мечеть Биби-Ханум, мавзолей Гур-Эмир и ансамбль Шахи-Зинда, они играют значимую роль в организации городского пространства.

Исторический центр Самарканда входит в состав объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО «Самарканд – перекрёсток культур», а современное развитие города сопровождается расширением транспортной и инженерной инфраструктуры. Это повышает значение комплексного изучения всех элементов городской структуры, включая мосты.

Ментальное представление такого типичного объекта, как мост, обычно опирается на интеграцию его обобщённых перцептивных, структурных и

функциональных признаков. Воспроизведение конкретного места требует обращения к уникальным пространственным и контекстуальным характеристикам, поэтому в большей степени зависит от индивидуального опыта, условий восприятия и полноты сохранённой пространственной информации.

В Самарканде есть пешеходный мост над улицей Шахи-Зинда. В географическом отношении это корректное описание: Шахи-Зинда – название не только историко-архитектурного ансамбля, но и городской улицы. Сам ансамбль представляет собой некрополь и комплекс мавзолеев, мечетей и других мемориально-религиозных сооружений, сформировавшийся вокруг предполагаемой гробницы Кусама ибн Аббаса. Небольшой участок улицы Ислама Каримова проходит по пешеходному мосту, построенному над улицей Шахи-Зинда в 2017 году.

Название улицы связано с расположенным рядом ансамблем Шахи-Зинда (восходит к персидскому выражению, которое обычно переводят как «живой царь» или «живой шах»). Оно относится к Кусаму ибн Аббасу, двоюродному брату пророка Мухаммеда, которого исламская традиция считает одним из ранних проповедников ислама в Центральной Азии. Согласно легенде, после смертельного ранения или обезглавливания он не умер, а скрылся в подземелье и продолжает жить. Именно с этим преданием связывают название ансамбля.

Пешеходный мост у Сиабского рынка (также крупнейший и старейший Сиабский базар города) назван по историко-географическому району Сиаб, который получил свое название по реке Сиаб, протекающей вблизи (её длина составляет около 20–23 километров). Город Самарканд расположен в долине на левом берегу Зеравшана (вариант написания – Зарафшан и Зарофшан).

Наименование Сиабский базар (Центральный рынок Самарканда) представляет собой перенос названия гидронима Сиаб на социально-функциональный элемент городской инфраструктуры. Этот тип номинации характерен для торговых и коммуникативных центров, возникавших вдоль

торговых путей (в данном случае – в историческом контексте Великого шёлкового пути), где гидроним служит маркером маршрутов и экономической активности.

Данный процесс можно описать следующим образом.

Река Сиаб выступает первичным топонимическим объектом и выполняет функцию природного, локализационного и культурно-исторического ориентира. Её название закрепляется в топонимии и становится основой для последующих номинаций.

Формируется название «Сиаб», обозначающее историко-географический район города. Этот топоним относится к территории, расположенной вблизи реки Сиаб, протекающей рядом с базаром, и отражает локальную идентичность посредством пространственной ассоциации с природным объектом и базарной площадью.

Уличная топонимия – название «Сиабская/Сиябская», позднее заменённое названием «улица Ислама Каримова», иллюстрирует дальнейшее распространение исходного топонима в городской системе номинаций. Такая преемственность свидетельствует о сохранении исторической памяти и участвует в структурировании ориентиров городского пространства.

К.С. Петров-Водкин создал выразительный художественный образ Самарканда, представив его не только как древний город с богатым историко-культурным наследием, но и как живое, динамичное и внутренне противоречивое пространство, в котором органично сочетаются следы прошлого, ритмы современной жизни и контраст природных и архитектурных форм:

«*Влево, от Зеравшана до Зеравшана, Самаркандия. Серебряно-зеленые градации, как в плоской чаше*».

«*Минуя кладбище, спускаешься на большую дорогу. Минуя каменный мост Сиаба, попадаешь в пригородную деревеньку, в конце которой кривой чайханщик останавливает поболтать, предложить за добрую советскую цену винограда, и, наконец, вырываешься в пустыню*».

«*И что бы было, если бы Зеравшан проточил высоты, – черный ил оказался бы на месте Самарканда*».

Приложение 2, № 4.

В поэтических текстах Зеравшанская долина (крупнейшая межгорная впадина Центральной Азии) становится фоном для восхваления города.

«Представь, как колос рос в долине Зеравшанской
И ветер пел над ним и плыли облака.
…
Старания просты: взять воздух Самарканда
И воду родников и солнечных лучей,
Добавить к ним простор долины Зеравшана
И белую муку, и красный жар печей».

Приложение 1, № 3.

При въезде в Самарканд через реку Зеравшан находился знаменитый мост Шейбани, связывавший город с территориями за рекой. Возведённый в 1502 году в эпоху Шейбанидов, он был построен по распоряжению узбекского хана Мухаммеда Шейбани – правителя, много сделавшего для развития Самарканда и строительства общественных объектов, включая мосты и водоразделы [Маликов 2022: 391]. Строительство моста осуществляли лучшие самаркандские зодчие. Мост назван в честь исторической личности Шейбани.

Восприятие каждого моста сопровождается системой ассоциативных связей, обусловленных конкретизированными и дифференцированными ономастическими знаниями о соответствующем городском объекте. Такие ономастические знания функционируют как когнитивные маркеры, позволяющие выделять в пределах концептуально-тематической области ПРОСТРАНСТВО специфические локусные репрезентанты – гефиронимы.

Концептуальная структура локусных топонимов характеризуется прежде всего пространственной ориентацией, включающей указания на направления, соотнесённость с ориентирами и включённость в систему маршрутов. Данная

структура также репрезентирует концептуально-тематические области ЧЕЛОВЕК (антропоним Шейбани) и ВОДА (гидроним Сиаб), а также содержит сопутствующие семантические компоненты: историко-культурные референции, функциональные характеристики и коммуникативные маркеры.

Значимость каждой ономастической характеристики определяется их вкладом в ментальное представление жителей и посетителей города. Гефиронимы отражают пространственные признаки, задают навигационную функцию, идентификацию социальной значимости и социокультурную репрезентацию, экологическую и ландшафтную обусловленность, а также функциональные аспекты использования пространства.

Взаимодействие концептуально-тематических областей ПРОСТРАНСТВО, ЧЕЛОВЕК и ВОДА формирует когнитивную структуру локальной городской топонимии, где гефироним выступает как особый тип языкового знака, интегрирующий пространственные, социально-культурные и гидрологические параметры.

Рассматриваемые самаркандские гефиронимы, созданные на основе гидронимической, урбанонимической и антропонимической моделей, демонстрируют закономерности становления топонимического городского пространства. Они раскрывают этнические, исторические и краеведческие аспекты семантики названий мостов.

Пешеходный мост у Сиабского рынка и пешеходный мост через улицу Шахи-Зинда, по доступным открытым источникам, не имеют закреплённых официальных названий. Вероятно, это связано с тем, что они являются сравнительно новыми объектами современной городской инфраструктуры и пока не были официально наименованы городскими властями.

Гефиронимы в составе городской топонимии могут рассматриваться как самостоятельный разряд названий внутригородских объектов и одновременно как часть общей системы урбанонимов. Такое положение обусловлено тем, что внутригородские мосты являются элементами городской транспортно-планировочной структуры и обеспечивают связь между различными частями

города. Их названия выполняют идентифицирующую, ориентирующую и коммуникативную функции, также могут отражать исторические, функциональные, мемориальные и иные характеристики городской среды. В отдельных случаях название моста используется в адресно-навигационной практике, однако его адресообразующая функция не является универсальной.

Названия пешеходных мостов и моста Шейбани в Самарканде вступают во взаимодействие с другими классами топонимов – урбанонимами, гидронимами, антропонимами, участвуя в формировании целостного пространства «самаркандского текста». Это взаимодействие отражает смысловые и пространственные связи, характерные для городской ономастики.

Анализ самаркандских гефиронимов в качестве не только культурных феноменов, но и составных частей топонимического «текста» города представляется вполне оправданным. Это обусловлено тем, что данные названия, нередко мотивированные иными ономастическими единицами, являются важными пространственными ориентирами.

Названия мостов уступают в количественном отношении уличным наименованиям и функционально подчинены улично-дорожной сети, поскольку мост является её неотъемлемой частью. Это позволяет классифицировать их как периферийный, однако значимый пласт топонимического пространства города Самарканда.

2.8. Репрезентация антропонимов как средство формирования «самаркандского текста»

Под репрезентацией антропонимических знаний в «самаркандском тексте» понимается системный механизм включения антропонимических номинаций в топонимическую структуру городской среды. Этот процесс связан с переходом имён собственных из сферы личной идентификации в сферу публичной мемориализации, в рамках которой они функционируют как

урбанонимы-тексты, репрезентирующие исторически и культурно значимые образы и используемые в качестве названий объектов городской инфраструктуры.

В ходе этой трансформации конструируется мемориально-символическое пространство города, в котором топонимы антропонимического происхождения обретают дополнительные культурно-символические коннотации. Включение имён выдающихся деятелей в городскую топонимию актуализирует коллективную историческую память и способствует конструированию локальной идентичности.

Речь идет о том, что «самаркандский текст» как лингвокогнитивный феномен представляет собой когнитивно-языковую систему организации знаний, объединяющую вербальные и когнитивные элементы. В рамках этой системы антропонимы выступают носителями культурно-исторической информации и отражают ценностные ориентиры общества на различных этапах его развития.

Городские названия, образованные от антропонимов, появляются не случайно, а в результате целенаправленной системы их присвоения улицам, площадям, аллеям и другим объектам. В этом процессе личные имена становятся устойчивой частью городского словаря названий. Такой пласт топонимии работает как особый ментальный механизм.

Великий узбекский поэт и мыслитель Алишер Навои (Низамеддин Мир Алишер) неразрывно связан с Самаркандом. С конца 1465 года по апрель 1469 года он провёл здесь более трёх лет, обучаясь в медресе и формируя основы своего поэтического, научного и гуманистического мировоззрения. Этот период стал важным этапом его личностного и интеллектуального становления.

Алишер Навои был не только выдающимся поэтом, но и крупнейшим представителем восточной филологии, основоположником литературного узбекского языка и одной из ключевых фигур в истории тюркской культуры. В трактате «Суждение о двух языках» («Сравнение двух языков») он

сопоставил тюркский и персидский языки, обосновав выразительные возможности тюркского языка и заложив основы сравнительного изучения тюркских языков задолго до появления сравнительно-исторического метода в Европе. Его гуманитарные идеи оказали значительное влияние на интеллектуальное развитие тюркских народов и способствовали формированию тюркской культуры.

Уникальное творчество Алишера Навои на протяжении почти шести столетий сохраняет непреходящий интерес во всём мире [Кадымова 2022]. Поэтому его имя закономерно стало символом культурного наследия и вошло в городское пространство Самарканда. Оно используется в названиях различных объектов, связывая историческую память с современной урбанистической идентичностью города.

В локальной ономастической системе имя Алишера Навои репрезентируется совокупностью урбанонимов, актуализируя его лингвокогнитивный и культурный образ. Имя великого узбекского поэта, мыслителя и государственного деятеля включается в топонимическое пространство города, формируя его «персоносферу» и закрепляя мемориальное значение в урбанистической среде, ср.:

Астионим

Город Навои в Бухарской области Республики Узбекистан (1958).

Годоним, урбаноним

Улицы и проспекты в городах Самарканд, Алматы (Республика Казахстан), Ашхабад (Туркменистан), Баку (Азербайджанская Республика), проспект в Ташкенте.

Дримоним

Центральный парк культуры и отдыха в Самарканде, Национальный парк в Ташкенте (в советское время Центральный парк культуры и отдыха имени Ленинского Комсомола), в Душанбе, в г. Ош (Кыргызская Республика). После обретения независимости их не раз переименовывали и обновляли, но они по-прежнему остаются важными центрами памяти и городской идентичности.

Кароним

Судно «Алишер Навои», которое в 1970 году вошло в состав Дальневосточного морского пароходства (кароним – собственные имена/наименования кораблей, судов и катеров; от греч. κάραβος –«корабль», «судно» + ὄνομα – «имя»).

Космоним

Кратер «Navoi» дна планете Меркурий (назван в 2009 году).

Метроним

Станция ташкентского метро «Алишера Навои» (1984)

Монументоним

Памятники Алишеру Навои Москве (2002), Ташкенте (1968) и Оше (Кыргызская Республика).

Эргоним, ойкодомоним

Государственный музей литературы имени Алишера Навои Академии наук Республики Узбекистан; Государственный академический Большой театр (ГАБТ) имени Алишера Навои, Международный научно-исследовательский центр имени Алишера Навои (Ташкент).

Заметим, что ранее Самаркандский государственный университет носил имя Алишера Навои, в 2016 году был переименован.

Экклезионим

Мечеть «Хазрати Алишер Навои» в городе Навои (2006 г.).

В топонимической системе Самарканда концептуально-тематическая область «Пространство» репрезентируется названиями внутригородских топографических объектов (улиц, площадей, проспектов, парков, станций метро, памятников, мечетей и учреждений), которые функционируют как информативно-символические маркеры, свидетельствующие о закреплённости в городском пространстве исторической памяти об определённой личности.

Городские топонимы отражают процесс мемориализации исторической личности в социокультурном пространстве города. Присвоение улицам и другим объектам имени Алишера Навои фиксирует его присутствие в

городской ономастике и свидетельствует о признании его исторической роли в жизни страны и данного города.

«И здесь, возвысившись над веком,
Слагал газели Навои».

Приложение 1, № 7.

«Здесь Алишера Навои
Поэзию, любовь, и силу
Впитали жители твои».

Приложение 1, № 2.

«Навои и Беруни –
Также дороги они».

Приложение 1, № 16.

«Зато бессмертный Навои
Поэмы здесь слагал свои».

Приложение 1, № 30.

Анализ текстов, посвящённых Алишеру Навои, показывает, что антропоним Алишер Навои выступает их основной концептуально-тематической доминантой и смысловым центром. Он регулярно соотносится с такими концептуальными сферами, как «Человек», «Город», «Творчество», «Деятельность», «Мировоззрение», «Национальная идентичность». Благодаря этому имя воспринимается не только как обозначение исторической личности, но и как типичный культурный символ, отражающий национальное самосознание и ценностную картину мира.

Личность и творчество Алишера Навои как выдающегося поэта и автора эпических поэм и лирических произведений, разработчика новых литературных форм и популяризатора тюркского (чагатайского[17]) языка, ставшего основой современного узбекского языка, неотъемлемы

[17] Чагатайский язык – это среднетюркский литературный койне, который в узбекистанской традиции часто называют «староузбекским» и рассматривают как основу современного узбекского литературного языка.

от культурного наследия Узбекистана, а становление Навои как национального поэта параллельно формированию национальной идентичности и гордости за национальный язык.

Таким образом, антропонимы в самаркандском тексте выполняют не только номинативную функцию, но и выступают как культурно маркированные знаки – своеобразные «свёрнутые тексты», актуализирующие комплекс историко-культурных, идеологических и эстетических смыслов, связанных с городским пространством. В этом контексте имя Алишера Навои занимает центральное место в когнитивной структуре топонима Самарканд, поскольку концентрирует и репрезентирует ключевые смыслы национальной культуры, литературного наследия, духовности и исторической памяти.

2.9. Агиотопонимы как вербальные репрезентанты религиозного знания в «самаркандском тексте»

В современной ономастике агионим (agios «священный» + onoma «имя, название») в широком понимании означает любое имя собственное, связанное с религиозностью. Такие названия не только фиксируют географию, но и отражают историческое влияние религии на культуру и язык, показывая, как сакральная ономастика «встраивалась» в повседневное пространство через названия, улиц и мечетей, медресе, некрополей, а также через ряд улиц и районов, чьи названия отсылают к религиозным деятелям и святыням.

В «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской представлен термин агиотопоним – «топоним, образованный от любого агионима» [Подольская 1978: 136]. Это подкласс топонимов, мотивированный сакральной ономастикой, – географическое название, образованное деривационным путём от агионима– религиозно почитаемого лица, титула святого или наименования религиозного праздника.

В научной литературе встречается термин «экклезионим» – имя собственное места совершения религиозных обрядов, поклонения любой религии [Подольчская 1978: 164]. Большинство агиотопонимов Самарканда появилось в результате трансонимизации экклезионимов.

М.В. Горбаневский использует термины агиотопоним и агиоойконим, считая их наиболее удачными [Горбаневский 1989: 113]. Вместе с тем учёный предлагает расширить значение этих терминов и соответствующего терминоэлемента агио-, распространив их на все географические названия, образованные от апеллятивов и собственных имён, связанных с религиозной сферой. По мнению исследователя, речь должна идти не только о названиях, связанных с христианством, но и о топонимах, соотносимых с исламом, буддизмом и другими религиозными традициями.

Указанные термины М.В. Горбаневского более удачны, поскольку в наибольшей степени соответствуют требованиям, предъявляемым к терминам: являются однословными, содержат интернациональную основу, построены по определённой модели, кратки и точны, а также допускают образование производных терминов.

Агиотопонимы, формирующие концептуально-тематическую область «Религия», представляют особый пласт городских именований, в которых, как правило, антропоним выступает не только номинативным средством, но и носителем культурно-религиозной памяти. Такие единицы маркируют топонимическое пространство города как сакрально значимое, поскольку закрепляют за ним связь с культом, преданием, паломнической традицией или памятью о почитаемой личности. Тем самым урбаноним превращается в семиотический знак веры, транслирующий представления народа о святости, исторической преемственности и духовной ценности места. Сакральное имя становится повседневным адресом. Например, улица Ислама Каримова, на которой расположена мечеть Биби-Ханым, получила название, подчёркивающее исламскую идентичность, что тоже вписывается в широкую трактовку сакральной ономастики.

В исторической повести Еремея Парнова «Атлас Гурагона» подробно и выразительно изображён ансамбль Шахи-Зинда – средневековый некрополь и почитаемое место паломничества в Самарканде.

«*Это Афрасиаб – место древних могил и причудливых траншей, прорытых неутомимыми археологами. Здесь, среди заросших колючкой домусульманских кладбищ, стоит Шахи-Зинд – гордость Самарканда, маленький безмолвный город мавзолеев, самому древнему из которых почти тысяча лет…*»[18]

К памятникам старины и искусства в Самарканде относятся: мавзолей Гур-Эмир – усыпальница Амира Тимура и Тимуридов, соборная мечеть Биби-Ханым, архитектурный ансамбль Шахи-Зинда, мемориальный комплекс Ходжа-Ахрар, могила пророка Даниила (Ходжа Данияр) и другие объекты, которые широко известны и часто упоминаются в русскоязычной поэзии о Самарканде.

«Великолепен Гур-Эмир,
Среди мечетей он кумир.
А рядом каждый ясный день,
Бросая тень…»

Приложение 1, № 10.

«Вот Шах-и-Зинд, где мёртвые живущим
Прозрачно предлагают умереть.
Вот купол Гур-Эмира – мавзолей,
Где кости Тамерлана и царицы…
Вот минареты, арки и гробницы,
Что делают „букашек“ из людей».

Приложение 1, № 10.

«Над мутной влагой Зеравшана
Мечети вздыбил Самарканд.

[18] https://royallib.com/read/parnov_eremey/atlas_guragona.html

Как сказку, сонными устами
Шехерезада шепчет в мир:
Баби-Ханым у Регистана,
Шахи-Зинда у Гур-Эмир…»

Приложение 1, № 13.

«Стоят, не дрогнув, медресе.
Пред мавзолеем „Гур-Эмир“
Трепещет мусульманский мир.

Погибший от смертельных ран,
Здесь похоронен Тамерлан».

Приложение 1, № 30.

Самарканд – один из древнейших городов Центральной Азии, где на протяжении тысячелетий пересекались культуры, религии и традиции (буддизм, зороастризм, христианство, ислам, иудаизм). Самаркандские агиотопонимы выполняют несколько ключевых функций: религиозно-символическую, идентифицирующую, когнитивную и текстообразующую (в контексте понимания «агиотопоним-текст»).

Религиозно-символическая функция

Агиотопонимы закрепляют в пространстве города память о священных персонажах, создавая «сакральную географию».

«Где мечеть Биби-Ханым
Встала лёгкая как дым
И горит в сиянье дня
Блеском синего огня».

Приложение 1, № 30.

«Где торжественный Шир-Дор
Минареты распростёр,
Я уставил жадный взор
На чарующий узор».

Приложение 1, № 34.

«Словно дальняя звезда
Из глубин вселенной
Светит мне Шахи-Зинда
Красотой нетленной»

Приложение 1, № 35.

Идентифицирующая функция

Названия улиц или кварталов по имени святых (например, улица Ахмеда Ясави, мавзолей Данияра) маркируют этнокультурную и религиозную идентичность горожан. В Самарканде исторически и сейчас важную роль играют махалли (кварталы), часто именуемые по центральной мечети или святыне; таким образом, сакральное имя становится повседневным адресом.

Когнитивная (ментальная) функция

За многими самаркандскими агиотопонимами стоят религиозные и пространственные представления, формирующие топонимическую картину мира в рамках самаркандского текста. Так, агиотопоним Ходжа Дониёр (могила мусульманского святого Даниила/Ходжи Дониёра) – это конкретное сакральное место в городском пространстве, формирующее особый «религиозный слой» восприятия города.

Текстообразующая функция

В «самаркандском тексте» агитопонимы выполняют ключевую функцию кодирования, трансляции и сохранения религиозного знания. Включаясь в структуру топонимического пространства города, они интегрируют его адресный, историко-культурный, хронологический и краеведческий компоненты, тем самым обеспечивая целостность и связность самаркандского текста. Многослойность этой системы является прямым следствием когнитивной функции языка: через топонимы воспроизводится целостная модель мира, в которой религиозные и пространственные представления оказываются неразделимыми.

Из сказанного следует, что агиотопонимы являются своеобразными свернутыми текстами религиозного знания. За одним названием может стоять комплекс сведений о святом, его учении, о почитаемом лице (святом), связанном с ним культе, местной легенде, обряде, историческом событии или паломнической практике. Их употребление позволяет автору не только обозначить место действия, реконструировать религиозную картину мира, в которой пространство Самарканда воспринимается как духовно осмысленная и сакрализованная территория, но и вносить вклад в формирование «самаркандского текста».

Агиотопоним «Шахи-Зинда» (перс. «живой царь») в своей семантике соединяет несколько концептуальных представлений:

1) он адресно обозначает конкретный некрополь в Самарканде;

2) хронологически отсылает к раннеисламскому периоду (VII в.);

3) религиозно кодирует представление о «живом святом», который не умер, а продолжает жить в скрытом мире и заступается за верующих;

4) историко-культурно маркирует место как выдающийся центр восточного зодчества и рукотворной величественной красоты.

«Словно дальняя звезда
Из глубин вселенной
Светит мне Шахи-Зинда
Красотой нетленной,
И звучит её завет
Гордо и надменно:
Красоте исхода нет –
Красота нетленна!»

Приложение 1, № 35.

«Шах-Зиндой я понял человеческое творчество Самаркандии, как высотами Чапан-Аты понял работу Тянь-Шаньских ледников и Заревшана, источивших котловину междугория и сбросивших в дыру пыли гордыню Биби-Ханыма».

Приложение 2, № 4.

Агиотопонимы, выступая структурообразующим элементом самаркандского текста, гарантируют его семантическую целостность и связность за счет включения сакральной географии в пространство художественного текста.

Агиотопонимы трансформируют восприятие топонимической системы Самарканда: она перестаёт быть преимущественно номинативным перечнем географических названий и становится одним из средств репрезентации религиозного компонента «самаркандского текста». В этом тексте каждый агиотопоним актуализирует историко-духовную память и становится основой для формирования новых смыслов.

Выводы по главе 2

В русскоязычном художественном дискурсе (в произведениях Анны Ахматовой, Д. Д. Благого, Николая Гумилёва, Семёна Липкина, К. С. Петрова-Водкина и других авторов) образ Самарканда представлен как прямым топонимом Самарканд, так и индивидуально-авторскими перифразами. В структуре большинства авторских перифраз преобладают имена собственные. Номинативные перифразы, обозначающие Самарканд, преимущественно построены по генитивной модели, в которой между компонентами словосочетания устанавливаются определительные отношения.

Топоним Самарканд в текстовом функционировании репрезентирует сложную языковую и когнитивную организацию знаний. Его семантика структурируется доминирующими концептуально-тематическими областями «ЧЕЛОВЕК», «ГОРОД», «ПРОСТРАНСТВО», «КУЛЬТУРА», «ИСТОРИЯ», «РЕЛИГИЯ» и реализуется в двух формах: как адресное обозначение географического объекта и как текстовая репрезентация связанных с ним исторических, культурных и символических смыслов.

Тополексема Самарканд имеет концептуально-языковую природу, которая проявляется в том, что её значение и образ формируются одновременно на концептуальном уровне (в языковом сознании) и на собственно языковом уровне (в морфологической, фонетической и семантической структуре слова).

На концептуальном уровне топоним Самарканд организует топонимическое знание и активизирует набор ассоциативных связей (Великий шелковый путь, архитектура, медресе, пересечение религий, легенды о Рудаки и Тимуре, исторические личности Алишер Навои, Мирзо Улугбек). Концептуальный и собственно языковой уровни взаимно обусловлены.

Обращение к таким периферийным разрядам топонимов, как пилонимы и гефиронимы, отсутствующих в классических словарях русской ономастической лексики, служит источником укрепления когнитивного подхода в ономастике, способствуя детальной типологии малых урбанонимов и расширению топонимических исследований. Концептуальная структура городских периферийных топонимов включает, прежде всего, пространственную ориентацию (направления, связи с ориентирами и маршрутами) и отражает концептуально-тематические области ЧЕЛОВЕК (антропоним Шейбани), ВОДА (гидроним Сиаб).

Урбанонимы религиозного содержания, входящие в концептуально-тематическую область «ГОРОД», представляют собой особый пласт агиотопонимов.

Самаркандские топонимы функционируют как «свёрнутые тексты», вмещающие в себя содержательные компоненты: идентифицирующие маркеры, этнокультурные коннотации, локальные географические описания и сведения.

Заложенные в топонимах национально-культурные коннотации мобилизуют коллективную идентичность и этнокультурную память,

реконструируя город как пространство культурной специфики и исторической памяти.

В совокупности самаркандские топонимы-тексты представляют собой особый тип текстовой репрезентации города и формируют «самаркандский текст», в котором пространственная организация городской среды связана с исторической памятью, культурной идентичностью и коллективными представлениями о Самарканде.

«Самаркандский текст» являет собой динамическую совокупность вербальных, исторических и культурных смыслов, закреплённых в городской топонимии. Его содержание формируется не только официальными названиями, но и их вариантами, народной этимологией, ассоциативными связями и интерпретациями, существующими в коллективном сознании.

Целостный и семантически связанный образ Самарканда формируется через ключевые локусы – площадь Регистан, городище Афрасиаб, Сиабский базар, улица Мирзо Улугбека, мавзолей Гур-Эмир и мечеть Биби-Ханым. Площадь Регистан, являясь историческим центром общественной и культурной жизни города и значимым архитектурным комплексом, репрезентирует хронотоп коллективной памяти, в котором складывается городская история. Эти локусы выступают не только географическими ориентирами, но и носителями историко-культурных значений, формирующими когнитивную структуру городской идентичности в «самаркандском тексте».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ лингвокогнитивного феномена «самаркандского текста» в контексте топонимического знания обеспечивает функциональную репрезентацию образа Самарканда и позволяет заключить, что в русскоязычной литературе сложился устойчивый «самаркандский текст», обладающий собственным набором топонимических доминантных признаков.

Самаркандские топонимы представляют собой языковые знаки, функционирующие одновременно в системе языка и в концептуальной системе носителей: они выполняют номинативно-адресную функцию и могут актуализировать связанные с городским объектом когнитивные и культурные смыслы.

«Самаркандский текст», репрезентируемый системой топонимов в художественных произведениях русскоязычных авторов, представляет собой не простую совокупность упоминаний Самарканда, а целостный способ топонимического освоения и смыслового членения городского пространства, в котором топоним Самарканд функционирует в качестве смыслового и организующего центра, обеспечивающего формирование образа города и реализацию коммуникативных стратегий в русскоязычной литературной практике – образ города как значимого культурно-исторического центра Центральной Азии.

Интерпретация топонима-текста требует расширения базовых представлений об имени собственном, основывающегося на трёх положениях: 1) топоним как особый тип языкового знака; 2) топонимы как самостоятельный лексический класс; 3) топоним как апеллятивно-топонимическое единство.

На языковом уровне одним из значимых маркеров «самаркандского текста» является топоним Регистан, который участвует в формировании

городской идентичности Самарканда и отличает его топонимический образ от образов других городов Центральной Азии.

Астионим Самарканд представляет собой содержательную единицу топонимического знания. Наряду с адресно-указательной функцией (маркировки географического объекта), он репрезентирует комплекс когнитивных и культурно-семантических смыслов. С топонимом Самарканд связаны устойчивые ассоциативные представления, дискурсивные практики и концептуально-тематические области, представляющие собой смысловое единство, образуемое взаимодействием исторического, культурного, архитектурного, антропологического и пространственного измерений.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что когнитивная матрица топонима Самарканд обладает двухуровневой организацией: на обобщённом уровне он представляет собой систему взаимосвязанных когнитивных контекстов, а на частном уровне актуализируется в виде конкретизированной репрезентации в пределах определённой концептуально-тематической области. Каждая область задаёт специфические условия актуализации элементов ядра и определяет их семантическую релевантность. В результате интерпретация и функциональная роль ядра обусловливаются как типом матрицы, так и прагматическими особенностями соответствующей тематической области, что обеспечивает контекстуальную адаптацию когнитивной структуры.

Ядро частной матрицы «Самарканд» реконструируется на основе топонима Самарканд и включает относительно устойчивые признаки, актуализация которых зависит от когнитивного контекста. Различные концептуально-тематические области задают неодинаковые условия активации и семантической релевантности этих признаков.

Интерпретация топонима Самарканд на основе лингвокогнитивного подхода показывает, что «самаркандский текст» выполняет многофункциональную роль: он передаёт информацию, сохраняет культурно-

историческую память, обеспечивает коммуникацию, обладает эстетической ценностью.

Анализ корпуса из 200 самаркандских топонимов и апеллятивно-топонимических единиц показал следующее распределение единиц по концептуально-тематическим областям: «История» – 40% (80 единиц), «Культура» – 35% (70 единиц), «Человек» – 15% (30 единиц), прочие концептуально-тематические области – 10% (20 единиц).

Выявлено, что концептуально-тематическая область «История» репрезентируется топонимами, отражающими историческое пространство города. Её семантическое ядро образует площадь Регистан, вокруг которой концентрируются соответствующие смысловые группы топонимов.

Концептуально-тематическая область «Культура» локализуется преимущественно в зонах, связанных с ремесленной деятельностью, проведением культурных мероприятий, а также с объектами музейной, выставочной и иной культурной инфраструктуры. Ее пространственная концентрация отражает привязку культурных практик к специализированным учреждениям и территориям, на которых сосредоточены историко-культурные ресурсы города.

Относительно равномерное распределение номинаций, относящихся к тематической группе «Человек», по жилым кварталам и улицам города указывает на отсутствие выраженной территориальной концентрации данной группы. Этот факт может быть интерпретирован как отражение устойчивой значимости концепта «человек» в городской топонимической системе.

Когнитивный подход к изучению «самаркандского текста» как совокупности топонимов-текстов о Самарканде, в которых город наделяется определёнными смыслами и ценностями, позволяет предсказывать и смягчать устойчивые топонимические национальные стереотипы, влияющие на восприятие региона.

Понимание того, каким образом концептуально-тематические области, связанные с Самаркандом, репрезентируются в русскоязычных текстах, имеет

важное значение для разработки научно обоснованных переводческих стратегий, формирования туристического образа города и реализации эффективных межкультурных инициатив. Анализ такой репрезентации позволяет выявить ключевые образы, ценности, историко-культурные смыслы и языковые модели, посредством которых Самарканд воспринимается и осмысляется русскоязычной аудиторией.

Перспективным представляется сопоставительное изучение индивидуально-авторских интерпретаций образа Самарканда в иных типах дискурса – рекламе, туристическом, медийно-публицистическом, политическом, визуальном, цифровом и научном дискурсе. Такой подход позволит проследить семантическую эволюцию образа: от обозначения конкретного географического объекта к символу Востока.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агеева, Р.А.* Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации / Р.А. Агеева; отв. ред. Н.И. Толстой. – М.: Наука, 1989. – 252 с.

2. *Абашев, В.В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века: монография / В.В. Абашев. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. – 404 с.

3. *Алексеев, П.В.* Мусульманский Восток в литературе русского романтизма 1820–1830-х годов. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2014. – 188 с.

4. *Анциферов, Н.П.* Душа Петербурга / Н.П. Анциферов. – М.: Бертельсманн Медиа Москау (БММ), 2014. – 397 с.

5. *Анциферов, Н.П.* «Непостижимый город...» / Н.П. Анцифиров. – СПб.: Лениздат, 1991. – 333 с.

6. *Алпатов, В.В*. Когнитивная ономастика: некоторые итоги и перспективы / В.В. Алпатов, О.В. Чукарькова, С.В. Мичугина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2024. – Вып. 3. – С. 42–58.

7. *Бабур-наме* Записки Бабура / Перевод М.А. Салье. Общ. ред. и доработка С.А. Азимджановой. Институт востоковедения Академии наук Республики Узбекистан. – Изд. 2-е, доработанное. – Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1993. – 464 с.

8. *Балли, Ш*. Французская стилистика / под ред. Е.Г. Эткинда; пер. с фр. К.А. Долинина / Ш. Балли – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.

9. *Бартольд, В.В*. Ислам. Культура мусульманства / В.В. Бартольд. – М.: Юрайт, 2020. – 221 с.

10. *Бартольд, В.В.* Культура мусульманства / В.В. Бартольд. – М.: Леном, 1998. – 112 с.

11. *Бартольд, В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия / В.В. Бартольд. – М.: «Академический проект», 2024. –720 с.

12. *Беляев, А.Н.* О топонимическом концепте / А.Н. Беляев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2019. – № 1 (423). – Вып. 115. – С. 13–21.

13. *Березович, Е.Л.* Топонимическое пространство как текст / Е.Л. Березович // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. – Екатеринбург: УрГУ. – 1995. – С. 86–95.

14. *Богумил, Т.А.* Гидропоэтика Алтая: реки / Т.А. Богумил // Имагология и компаративистика. – 2022. – № 17. – С. 287–315.

15. *Болдырев, Н.Н.* Когнитивный подход в лингвистике и смежных областях знания / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – № 2. – С. 5–25.

16. *Болдырев, Н.Н.* Концептуально-тематические области языковой картины мира и их интерпретирующая функция / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. XVII. Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур: сб. науч. тр. / гл. ред. сер. Н.Н. Болдырев; отв. ред. вып. Л.А. Фурс. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – С. 33–39.

17. *Болдырев, Н.Н.* Концептуальная основа языка / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. – Москва; Тамбов, 2009. – С. 25–78.

18. *Болдырев, Н.Н.* Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов / Н.Н. Болдырев, В.В. Алпатов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 4. – С. 5–14.

19. *Болдырев, Н.Н.* Репрезентация знаний в системе языка / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4 (013). – С. 17–27.

20. *Болдырев, Н.Н.* Языковые категории как формат знания / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5–22.

21. *Бондалетов, В.Д.* Семиотическое изучение топонимии (названия населенных мест Пензенской области) / В.Д. Бондалетов // Топонимия Центральной России. – М., 1974. – С. 7.

22. *Булыгина, Е.Ю.* Язык городского пространства: словарь, карта, текст / Е.Ю. Булыгина, Т.А. Трипольская. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 240 с.

23. *Васильева, Н.В.* Summa Onomasticae: рец. на книгу: Namenarten und ihre Erforschung. Ein Lehrbuch für das Studium der Onomastik. Anlässich des 70. Geburtstages von Karlheinz Hengst / A. Brendler, S. Brendler (Hrsg.). Hamburg: Baar, 2004. 1024 s. / Н.В. Васильева // Вопросы Ономастики. –2005. – № 2. – С. 183–186.

24. *Введенская, Л.А.* От названий к именам / Л.А. Введенская, Н.П. Колесников. – Ростов-на-Дону, 2005. – 544 с.

25. *Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; от ред. М.А. Кронгауз; вступ. ст. В.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.

26. *Вепрева, И.Т.* Ономастическое пространство Екатеринбурга: уровневая организация маркеров региональной идентичности / И.Т. Вепрева, А.В. Харитонова // Вопросы ономастики. – 2023. – Т. 20. – № 3. – С. 184–199.

27. *Верещагин, Е.М.* Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров; под ред. Ю.С. Степанова. – М.: «ИНДРИК», 2005. – 1040 с.

28. *Винокуров, Б.З.* Тамбовские научные школы. Опыт исторического изучения / Б.З. Винокуров // Наука и власть: Научные школы и профессиональные общества в историческом измерении. Мат-лы науч. конференции. – М.: Ин-т всеобщей истории РАН., Общ-во интеллектуальной истории. – 2002. – С. 99–100.

29. *Гаврилина, Л.М.* Калининградский текст в семиотическом пространстве культуры / Л.М. Гаврилина // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2011. – № 6. – С. 75–83.

30. *Галактионова, Н.А*. Социокультурный облик региона через призму топонимической политики (кейс Тюмени и Набережных Челнов) / Н.А. Галактионова // Регионология. – 2016. – № 1 (94). – С. 152–163.

31. *Гачев, Г.Д*. Ментальности народов мира / Г.Д. Гачев. – М.: Эксмо, 2008. – 544 с.

32. *Голев, Н.Д.* Единство онтологического и ментального бытия топонимической системы (к проблематике когнитивной топонимики) / Н.Д. Голев, Л.М. Дмитриева // Вопросы ономастики. – 2008. – № 1 (5). – С. 5–17.

33. *Головнева, Е.В.* Региональная идентичность и идентичность региона / Е.В. Головнева // Известия Уральского федерального университета. – 2017. – Т. 12. – № 3 (167). – С. 182–189.

34. *Голомидова, М.В.* Городская топонимия: современная политика и практика именования: монография / М.В. Голомидова, Р.В. Разумов, А.В. Дмитриева и др.; под ред. М.В. Голомидовой, С.О. Горяева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. – 216 с.

35. *Голомидова, М.В*. Образ Екатеринбурга через призму урбанонимического дискурсат / М.В. Голомидова, А.В. Дмитриева // Вопросы ономастики. – 2024. – Т. 21 – № 3. – С. 213–236.

36. *Голомидова, М.В.* Городские топонимы в аспекте трансляции региональной идентичности: кейс города Уфы / М.В. Голомидова // Вопросы ономастики. – 2022. – Т. 19. – № 1. – С. 160–179.

37. *Голомидова, М.В.* Топонимическое имиджирование городских пространственных объектов / М.В. Голомидова // Вопросы ономастики. – 2020. – Т. 17. – № 3. – С. 263–278.

38. *Голомидова, М.В*. Урбанонимы как ресурс управления восприятием городского пространства / М.В. Голомидова // Коммуникативные исследования. – 2019. – Т. 6. – № 1. – С. 11–30.

39. *Горбаневский, М.В*. Названия улиц в малых исторических городах России как компонент их историко-культурного ландшафта: судьбы,

проблемы, решения / М.В. Горбаневский // Ономастика и общество: язык и культура: мат-лы Первой Всерос. научн. конф. / отв. ред. А.С. Щербак. – Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 11–20.

40. *Горбаневский, М.В.* Русская городская топонимия: Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей / М.В. Горбаневский. – М.: Общество любителей российской словесности. – 1996. –304 с.

41. *Горбаневский, М.В.* В мире имен и названий / М.В. Горбаневский. – М.: Знание. – 1989. – 206 с.

42. *Горбаневский, М.В*. Названия городов и ономастические универсалии (к постановке проблемы) / М.В. Горбаневский // Проблемы типологической, функциональной и описательной лингвистики; отв. ред. Л.А. Новиков. – М.: Изд-во УДН, 1986. – С.70–79.

43. *Горланова, И.Б*. Топонимия города Костромы (структура, семантика и функционирование в синхронно-диахронном аспекте): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Горланова Ирина Борисовна. – Ярославль, 2006. – 20 с.

44. *Гостев, В.Н*. Лингвистическое определение текста / В.Н. Гостев // Молодой ученый. – 2021. – № 29 (371). – С. 195–197.

45. *Гумбольдт, В. фон* Об изучении языков, или план систематической энциклопедии всех языков / В. фон Гумбольдт // Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 450 с.

46. *Гурская, Ю.А.* Культурогенные возможности имени собственного семантика, прагматика, концептуализация / Ю.А. Гурская // Русское слово в мировой культуре: мат-лы X конгр. Междунар. ассоц. преподавателей рус. яз. и лит. – СПб., 2003. – Т. 1: Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений. – С. 23–33.

47. *Донидзе, Г.И.* Гидронимические термины в тюркских языках. Ономастика / Г.И. Донидзе. –М.: Наука, 1989. – 171 с.

48. *Егорова, Л.В*. К вопросу изучения годонимов в современной парадигме лингвистических исследований / Л.В. Егорова // Вестник Чувашского университета, – 2018. – № 2. – С. 224-233.

49. *Ермолович, Д.И.* Имена собственные на стыке языков и культур / Д.И. Ермолович. – М.: Р. Валент, 2001. – 200 с.

50. *Заонегина, В.В*. Моделирование топонимического пространства малого русского города (на материале топонимов города Торжка): автореф. дис. … канд. филол. наук: 5.9.5 / Заонегина Валентина Викторовна. – Тверь, 2023. – 18 с.

51. *Заонегина, В.В.* Репрезентация христианского компонента в ономастиконе малого города (на примере г. Торжка) / В.В. Заонегина // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2021. – №1 (68). – С. 211–215.

52. *Забелин, Н.Ю*. Московская городская топонимия: структурно-семантический анализ топонимической системы: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Забелин Николай Юрьевич. – М., 2007. – 23 с.

53. *Золян, С.Т.* О семантике языкового знака в свете теории асимметричного дуализма: возможные расширения / С.Т. Золян // Вопросы языкознания. – 2023. – № 1. – С. 151–168.

54. *Ильин, Д.Ю*. Лингвоэкологичнский портрет регионального топонимикона: критерии описания / Ю.Д. Ильин // Вестник Волгогр. государственного университета. – 2018. – Т. 17. – № 3. – С. 99–107.

55. *Ионесова, А.И.* Самарканд: Образ города в пространстве межкультурной коммуникации. Энциклопедия зарубежной Самаркандианы / А.И. Ионесова, В.И. Ионесова. – Ташкент: SMI-ASIA. – 2022. – 852 с.

56. *Исмагилова, Н.В*. Основные формы существования языка города / Н.В. Исмагилова, Н.Г. Искужина, Э.А. Салихова // Языковая мозаика г. Уфы: монография. – Уфа: «Аэтерна», 2021. – С. 111–170.

57. *Исматова, Н.А.* Восточные мотивы и образы в русской прозе второй половины XX века (на материале исторической повести Е. Парнова

«Атлас Гурагона») / Н.А. Исматова // Неофилология. – 2026. – Т. 12. – № 1. – С. 119-130.

58. *Исматова, Н.А.* Образ города Самарканда в художественной картине мира исторического романа А. Якубова «Сокровища Улугбека» / Н.А. Исматова // Неофилология. – 2024. – Т. 10. – № 2. – С. 434–441.

59. *Казаков, К.В*. Город как текст: структурно-семиотический взгляд / К.В. Казаков // XXV Юбилейные царскосельские чтения: материалы Междунар. науч. конф. СПб.: ЛГУ им. Пушкина. – 2021. – Т. 2. – С. 31–36.

60. *Кадымова, Д.Р.* Отражение ономакультурологических знаний в произведениях Алишера Навои / Д.Р. Кадымова // Неофилология. – 2022. – Т. 8. – № 4. – С. 869–874.

61. *Калинкин, В.М.* От литературной ономастики к поэтонимологии / В.М. Калинкин // Логос ономастики. – 2006. – № 1. – С. 81–88.

62. *Камолиддин, Ш.С.* Топоним «Самарканд» по данным Абу Райхана Беруни и Махмуда Кашгари / Ш.С. Камолиддин // Новейшие – Вып. 10. – С. 89–95.

63. *Камолиддин Ш.С.* Древнетюркская топонимия Средней Азии / отв. ред. М. Исхоков / Ш.С. Камолиддин. – Ташкент: «Шарк», 2006. – 192 с.

64. *Камолиддин, Ш.С.* К вопросу об употреблении географических названий «Мавераннахр» и «Туркестан» / Ш.С. Камолиддин // O‘zbekiston tarixi. – 2002. – № 4. – С. 61–68.

65. *Караев, С.К*. Топонимия Узбекистана / С.К Караев. –Ташкент: Фан, 1991. – 126 с.

66. *Картавенко, В*. Семантика топонима как концентрированного текста / В. Картавенко // W kręgu zagadnień semantyki i stylistyki tekstu. – Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiegoю. – 2014. – S. 55–64.

67. Когнитивная лингвистика и смежные области: коллектив: монография / Научное редактирование: Соловьев В.Д., Байрашева В.Р., Кибрик А.А. – Казань: Изд-во Академия наук Республики Татарстан, 2025. – 220 с.

68. *Ковлакас, Е.Ф.* К вопросу изучения топонимов в когнитивном аспекте / Е.Ф. Ковлакас // Современные исследования социальных проблем. – 2021. – Т. 13. – № 4. – С. 326–354.

69. *Колесов, В.В.* Язык города: монография / В.В. Колесов. – М.: Высшая школа, 1991. – 190 с.

70. *Корнева, В.В.* Топонимические исследования в новой научной парадигме / В.В. Корнева // Вестник ВГУ. серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 1. – С. 150 – 154.

71. *Королева, И.А*. Язык и культура: ономастика смоленско-белорусского пограничья: монография / И.А. Королева. – Смоленск: Принт-Экспресс, 2021. – 190 с.

72. *Королева, И.В.* Топонимы как свернутый лингвокультурный код / И.В. Королева // Вестник Балтийского университета им. И. Канта. – 2015. – Вып. 8. – С. 31–38.

73. *Королёва, И.А.* Языковые и культурные контакты в русско-белорусском Пограничье / И.А. Королева // Актуальные проблемы приграничных районов Беларуси и Российской Федерации. Мат-лы Международной научно-практической конференции (Витебск, 27 мая 2011 г.). – Витебск, 2011. – С. 261–264.

74. *Крюкова, О.С*. Роль топонимики в конструировании региональной идентичности / О.С. Крюкова // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2020. – № 15 (1). – С. 756–757.

75. *Кубрякова, Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения: Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

76. *Лившиц, В.А.* Кеш (Шахрисябз) в согдийских текстах и на монетных легендах / В.А. Лившиц // Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ. – 2008. – С. 267–278.

77. *Липатова, Е.В.* Концептуальная сфера «Самаркандского текста» / Е.В. Липатова // Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н.Н. Болдырев;

М-во науки и высш. обр. РФ, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008 –. Выпуск № 2 (67). Часть II. – Тамбов – Пятигорск, 2026. – С. 70–73.

78. *Липатова, Е.В*. Самаркандские пилонимы / Е.В. Липатова // Ономастика Поволжья: сборник материалов XXIII Международной научной конференции, г. Астрахань, 1–3 октября 2025 г. / ред. колл.: В.И. Супрун, М.Л. Лаптева, О.Ю. Космачева, Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева; Волгоградский государственный социально-педагогический университет. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2025. – С. 332–334.

79. *Липатова, Е.В.* Репрезентация самаркандского текста в лингвокогнитивном аспекте / Е.В. Липатова // Неофилология. – 2024. – Т. 10. – № 1. – С. 67–75.

80. *Липатова, Е.В*. Гефиронимы в структуре самаркандского текста // / Е.В. Липатова // Неофилология. – 2024. – Т. 10. – № 4. – С. 871–878.

81. *Лихачев, Д.С.* Земля родная / Д.С. Лихачев. – М.: Просвещение, 1983. – 256 с.

82. *Лихачев, Д.С*. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1993. – Т. 52. – Вып. 1. – № 1. – С. 3–10.

83. *Лосев, А.Ф*. Философия имени / А.Ф. Лосев. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1990. – 269 с.

84. *Лотман, Ю.М*. Внутри мыслящих миров / Ю.М. Лотман – СПб.: Азбука, 2024. – 448 с.

85. *Лотман, Ю.М*. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: «Искусство – СПБ», 2001. – 704 с.

86. *Лотман, Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю.М. Лотман // Труды по знаковым системам. Семиотика города и городской культуры. Вып. 18. – Тарту, 1984. – С. 30–45.

87. *Лурье, П.Б.* Историко-лингвистический анализ согдийской топонимики: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.22 / Лурье Павел Борисович. – СПб, 2004. – 20 с.

88. *Лурье, П.Б.* Топонимические данные о Бухарском диалекте согдийского языка / П.Б. Лурье // Бухарский оазис и его соседи в древности и средневековье / Труды государственного Эрмитажа LXXV. – СПб, 2015. – С.127–142.

89. *Люсый, А.П.* Крымский текст русской литературы: история и современность / А.П. Люсый // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 11 (750). – С. 161–171.

90. *Мадиева, Г.Б.* Ономастика современного города / Г.Б. Мадиева, Г.А. Борибаева // Городской ономастикон: мат-лы междунар. науч.-теор. онлайн-семинара молодых исследователей / отв. ред. проф. И.В. Крюкова. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. – С. 12–17.

91. *Мадиева, Г.Б.* Общие проблемы ономастики / Г.Б. Мадиева, В.И Супрун // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований. – Майкоп: Изд-во Магарин Олег Григорьевич, 2017. – 444 с.

92. *Мадиева, Г.Б.* Система современной русской урбанонимической терминологии / Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун // Вопросы ономастики. – 2017.– Т. 14. – № 2. – С. 115–125.

93. *Маликов, А.М.* Некоторые особенности идентичности Шейбани-хана и монументальное строительство в Самарканде в начале XVI века / А.М. Маликов, К.У. Таланбаева // Золотоордынское обозрение. – 2022. – Т. 10. – № 2. – С. 391–413.

94. *Маликов, А.М.* Некоторые особенности исторической топографии Самарканда в XVII веке / А.М. Маликов, А.Ш. Умаров // Поволжская археология. – 2022. – № 4 (42). – С. 206–214.

95. *Маликов, А.М.* История Самарканда (с древних времен до середины XIV века): монография. – Ташкент: Paradigma, 2017. Т. 1. – 336 с.

96. *Мартыненко, И.А*. О целесообразности введения термина «когнитивная топонимика» / И.А. Мартыненко // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2020. – № 3 (29). – С. 142–149.

97. *Мартынова, И.Н.* Лингвистические средства построения городского текста в романе Д. Дефо «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс» / И.Н. Мартынова // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. –2024. – № 3(124). – С. 33–39.

98. *Маслова, И.В.* Городские смыслы и урбанизация / И.В. Маслова // Новое прошлое. The new past. – №3. – 2017. – С. 181–185.

99. *Мезенко, А.М*. Урбанонимия как язык культуры / А.М. Мезенко // Ученые Записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. – 2011. – № 2-3. – С 388–392.

100. *Миракмалов, М.Т.* Некоторые аспекты истории географической изученности и основные задачи исследования топонимов Узбекистана / М.Т. Миракмалов // Экономика и социум. – 2023. – №5 (108) // URL: https://rus.iupr.ru/_files/ugd/b06fdc_ad4abc4382534991b5e0aceb86ce448d.pdf?index=true

101. *Мурзаев, Э.М.* Тюркские географические названия / Э.М. Мурзаев. – М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1996. – 252 с.

102. *Намитокова, Р.Ю.* В мире имен собственных / Р.Ю. Намитокова, И.В. Нефляшева. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2016. – 292 с.

103. Национальная идентичность в зеркале топонимии (Горный Алтай) / П.В. Алексеев, К.Б. Самтакова, Т.П. Шастина и др.; под ред. П.В. Алексеева. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2016. – 150 с.

104. *Перешова*, О.В. Топонимическое пространство и особенности его формирования при региональных переименовании / А.В. Петешова, А.В. Скогорева // Сибирский филологический форум. – 2019. – № 2(6). С. 79–85.

105. *Песина, С.А*. Особенности генезиса топонимов в поликультурном пространстве Южного Урала / С.А. Песина, В.Б. Волкова, Е.В. Малеко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2023. – № 4. – С. 99–107.

106. *Петрова, Т.Г.* Нижегородский текст и его создатели (обзор) / Т.Г. Петрова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – 2021. – № 1. – С. 18–194.

107. *Питина, С.А.* Когнитивная лингвистика и смежные лингвистические науки о взаимодействии языка и мышления / С.А. Питина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 24 (315). – С. 35–37.

108. *Позднякова, Е.Ю.* К вопросу о дискурсивной теории ономастики / Е.Ю. Позднякова // Культура и речь. – 2021. – № 1 (44) – С. 245–261.

109. *Полещук, Л.З.* Петербургский текст» и петербургский миф в концепции В.Н. Топорова / Л.З. Полещук // Вестник Костромского государственного университета. – 2008. – № 1. – С. 98–101.

110. *Полюшкевич, О.А*. Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) / О.А. Полюшкевич // Управленческое консультирование. – 2017. – № 11 (107). – С. 80–94.

111. *Попова, А.А*. Ономастикон города как феномен современной урбан-культуры // Вестник науки и образования. – Иваново, 2017. – Т. 1. –№ 7 (31). – С. 42–46.

112. *Попова, З.Д*. Семантико-когнитивный анализ языка: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2006. – 226 с.

113. *Потанина, Н.Л.* Городской текст как теоретическая проблема / Н.Л. Потанина, М.А. Гололобов // Филологическая регионалистика. – 2012. – № 1(7). – С. 32–37.

114. *Приходченко, И.О* Локальный текст провинциальной литературы: к вопросу об определении понятия и истории изучения / И.О. Приходченко //

Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2023. – Т. 17. – № 1. – С. 30–42.

115. *Прохоров, Ю.Е.* Русские. Коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. – М.: Наука, 2007 – 328 с.

116. *Прохорова, Л.С.* Лондонский городской текст русской литературы первой трети XIX века: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.01 / Прохорова Любовь Сергеевна. – Томск, 2005. – 21 с.

117. *Пушкарёва, Ю.Г.* Улицы города Улан-Эдэ: история и современность: монография / Ю.Г. Пушкарева, Г.С. Доржиева. – Улан-Удэ: Изд-во Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2016. – 168 с.

118. *Разумов, Р.В*. Активные процессы в ономастиконе провинциального города / Р.В. Разумов // Язык города. – Бийск: Бийский педагогический государственный университет, 2007. – С. 307–311.

119. *Разумов, Р.В*. Об упорядочении ономастической терминологии в области урбанонимии / Р.В. Разумов // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – №2. – С. 14–19.

120. *Ревякина, Н.П*. Городской текст как структурно-семиотическая категория / Н.П. Ревякина // Вестник Череповецкого государственного университета, 2026. – № 2. – С.119–131.

121. *Робустрова, В.В*. К когнитивной ономастике / В.В. Робустрова // Вестник Моск. ун-та. – 2014. – № 1. – С. 41–49.

122. *Рублева, О.Л*. К типологии концептов: топонимические концепты / О.Л. Рублева // Вестн. НГУ. – 2017. – Т. 16. – № 9: Филология. – С. 76–84.

123. *Рут, М.Э.* Образная номинация в русской ономастике / М.Э. Рут. – Изд. 2, стереотип. – М.: URSS, 2019. – 192 с.

124. *Самситова, Л.Х.* Культурный концепт как лингвокультурный феномен // Вестник Башкирского университета. – 2011. – № 3. – С. 1045–1048.

125. *Святославский, А.В.* Формирование образа местности в культуре: научное и методическое наследие Н.П. Анциферова / А.В. Святославский // Ярославский педагогический вестник. – 2019. – № 4. – С. 201–207.

126. *Селеменова, М.В.* Московский текст в литературе XX в. (на материале художественной прозы 1910–1950 гг. / М.В. Селеменова // Вестник РУДН. – 2009. – № 2. – С. 20–27.

127. *Суперанская, А.В.* Ономастика начала XX века / А.В. Суперанская; отв. ред. Н.В. Васильева. – М: Институт языкознания РАН, 2008. – 80 с.

128. *Суперанская, А.В*. Что такое топонимика? / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1985. – 175 с.

129. *Суперанская, А.В*. Типология именования внутригородских объектов / А.В. Суперанская // Вопросы географии. Сборник 126. Географические названия в Москве. – М.: Мысль, 1985. – С. 160–169.

130. *Суперанская, А.В.* Теоретические проблемы ономастики: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 / Суперанская Александра Васильевна. – Л., 1974. – 48 с.

131. *Супрун, В.И.* Опонимические легенды и предания о названиях населенных пунктов волгоградской области / В.И. Супрун, М.М. Сулейман // Филологические науки. научные доклады высшей школы. – 2026. – № 1. – С. 26–34.

132. *Супрун, В. И.* Возникновение урбанонимического пространства и его формирование в античном мире / В.И. Супрун // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. – 2015. – № 6 (101). – С. 95–100.

133. *Тер-Минасова, С.Г*. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.

134. *Топоров, В.Н.* Петербургский текст русской литературы. Избранные труды / В.Н. Топоров. – СПб: «Искусство». – СПБ». 2003. – 616 с.

135. *Топоров, В.Н.* Петербургский текст / В.Н. Топоров. – М.: Наука, 2009. – 820 с.

136. *Топоров, В.Н.* Петербург и петербургский текст русской литературы (Ведение в тему) / В.Н. Топоров // Труды по знаковым системам. Семиотика города и городской культуры. – Тарту, 1984. – Вып. 18. – С. 4–29.

137. *Топоров, В.Н.* О палезийской топономастике / В.Н. Топоров // Топонимика Востока: исследовакния и материалы. – М.: Наука, 1969. – С. 33–34.

138. *Тхакахов, В.Х.* Идентичность и память в топонимической политике Чечни / В.Х. Тхакахов // Научная мысль Кавказа. – 2019. – № 2. – С. 40–49.

139. *Федотова, Т.В.* Когнитивно-ассоциативная структура имени собственного / Т.В. Федотова, Т.Т. Черкашина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2022. – № 5. – С. 32–41.

140. *Фаткуллина, Ф.Г.* Топонимы как компонент языковой картины мира / Ф.Г. Фаткуллина // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1. – Ч. 1. // URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=18126

141. *Федотова, К.С.* Топонимические эпитеты Николая Гумилева / К.С. Федотова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2022. – Т. 19. – № 1. – С. 169–178.

142. *Федотова, Т. В.* Когнитивно-ассоциативная структура имени собственного / Т.В Федотова, Т.Т. Черкашина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2022. – № 5. – С. 32–41.

143. *Фролов, Н.К.* Избранные работы по языкознанию: Т. 2. Топонимика и этнонимика / Н.К. Фролов. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2005. – 520 с.

144. *Хализев, В.Е.* Текст / В.Е. Хализев // Теория литературы. – М.: Высш. шк., 2022. – С. 273–281.

145. *Ходжаев, А.* Наиболее ранние сведения китайских источников о государстве Шаш (Ташкент) / А. Ходжаев // Узбекистон тарихи (O'zbekiston tarixi). – 2005. – №1. – С.3–18.

146. *Чепайтене, Р.* Город как текст / Р. Чепайтене // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2017. – № 2. – С. 57–72.

147. *Чернораева, Т.Н*. Когнитивный и психолингвистический аспекты изучения региональной топонимии (на материале топонимии Приамурья) / Т.Н. Чернораева // Проблемы славянской культуры и цивилизации. – М., 2000. – С. 206–209.

148. *Чиркова, Н.В*. Образ города в контексте репрезентации исторической и культурной памяти: наследие и современность / Н.В. Чиркова [Рецензия на монографию А.И. Ионесова, В.И. Ионесова. «Самарканд: Образ города в пространстве межкультурной коммуникации. Энциклопедия зарубежной Самаркандианы». Ташкент: SMI-ASIA, 2022. 852 с.] // Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – № 4 (474). – С. 119–123.

149. *Чикаева, К.С*. Восточные элементы в российской культуре / К.С. Чикаева, В.В. Шалин // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 6. – С. 226–233.

150. *Чуркин, М.К*. Конструирование образа русского Туркестана в травелогах имперских экспертов второй половины XIX – начала XX века / М.К. Чуркин, С.М. Маткаримова, Н.М. Маткаримова // Имагология и компаративистика. – 2025. – № 24. – С. 255–271.

151. *Шагинян, Р.П.* Экспрессия собственных имен в русской художественной литературе / Р.П. Шагинян, Э.Б. Магазаник // Труды Узбекского университета. Сер. Новая. – Самарканд, 1958. – Вып. 93. – С. 103–126.

152. *Шадикова, А.В.* Проблема формирования топонимической картины мира с позиции когнитивной лингвистики / А.В. Шадикова // Когнитивные исследования языка. – 2017. – Вып. 30. – С. 292–295.

153. *Шарандин, А.Л.* Научный комментарий как формат знаний / А.Л. Шарандин. – М.: ФЛИНТА. – 2023. – 396 с.

154. *Шарандин, А.Л.* Являются ли имена собственные лексикограмматическим разрядом существительного? / А.Л. Шарандин // Вестник Московского гос. обл. ун-та. – 2021. – № 2. – С. 68–76.

155. *Шафранская, Э.Ф.* Семиотика «Самаркандского текста» / Э.Ф. Шафранская, Т.Т. Гарипова, Ю.У. Матенова // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2024. – Т. 29. – № 1. – С. 34–45.

156. *Шмелева, Т.В*. Великий Новгород: ономастический портрет: монография / Т.В. Шмелева. – Великий Новгород: ТПК «Печатный двор», 2020. – 288 с.

157. *Шмидт, Н.В*. «Городской текст» в поэзии русского модернизма: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.01 / Шмидт Наталья Васильевна; Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). – М., 2007. – 17 с.

158. *Шурупова, О.С.* Концептосфера петербургского и московского текстов русской литературы (сопоставительный анализ): автореф. дис. … канд. филол. наук 10.02.01 / Шурупова Ольга Сергеевна. – Елец, 2011. – 24 с.

159. *Шурупова, О.С.* Московский текст русской литературы и его герои / О.С. Шурупова // Русская речь. – 2011. – № 1. – С. 98–102.

160. *Щербак, А.С.* Мышление – ономастический знак – действительность // Когнитивные исследования языка. Вып. 3. Ч. II. Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования. – Тамбов, 2023. – С. 272–276.

161. *Щербак, А.С.* Ментальные уровни в семантике топонима Учкудук / А.С. Щербак // Неофилология. – 2022. – Т. 8. – № 4. – С. 697–704.

162. *Щербак, А.С.* Когнитивная концепция российских урбанонимов / А.С. Щербак // Проблемы русистики в аспекте современных научных направлений. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 79–104.

163. *Щербак, А.С.* Модель матрицы номинации урбанонимов / А.С. Щербак, С.В. Кончакова, А.В. Раздуваев // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2016. – № 2. – С. 33–37.

164. *Щербак, А.*С. Принципы анализа топонимических изменений в России: отражение языковой картины мира (на материале тамбовских географических объектов) / А.С. Щербак // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – № 10 (2) – С. 72–76.

165. *Щербак, А.С*. Базовые положения теории когнитивной ономастики А.С. Щербак // Вопросы когнитивной лингвистики / А.С. Щербак. – 2013. – № 4. – С. 443–448.

166. *Щербак, А.С*. Ономастические категории: соотношение языковых и когнитивных структур / А.С. Щербак // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 4 (33). – С. 78–83.

167. *Щербак, А.С.* Ономастический знак-символ в когнитивном аспекте / А.С. Щербак // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2007. – № 7 (51). – С. 7–11.

168. *Юе, Цюй* Теоретические основы построения топонимической базы данных с лингвокультурным компонентом (на материале московских годонимов): дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Цюй Юе. – М., 2021. –145 с.

169. Языковая мозаика г. Уфы: монография / Э.А. Салихова, Н.Г. Искужина, Ю.Р. Мурсалимова, Н.В. Исмагилова, Л.Л. Аюпова, Л.Ф Дильмухаметова, М.Г. Ситдикова. – Уфа: «Аэтерна», 2021. – 414 с.

170. *Яранцев, В.Н*. Читать Петербург: город как текст / В.Н. Яранцев // Евразийский научный журнал. – 2016. – № 10. – С. 302–309.

171. Ярославский текст в пространстве диалога культур: материалы Пятой Всерос. науч. конф. с междунар. участием / сост. О.Н. Скибинская, Т.К. Ховрина. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2023. – 422 с.

172. *Revyakina, N.P*. The urban text as a structural-semiotic category / N.P. Revyakina // Cherepovets State University Bulletin. –2026. – no. 2 (131). – pp. 119–131.

173. *Coates, R.* The meaning of names: A response in defence of The Pragmatic Theory of Properhood (TPTP) addressed to Van Langendonck,

Anderson, Colman and McClure / R. Coates // Onoma. – 2017. – Vol. 52. – P. 7–26.

174. *Van Langendonck, Willy.* Theory and Typology of Proper Names. Berlin – New York: Mouton de Gruyter. –2007. – 378 p.

175. *Woodman, P.* The Interconnections between Toponymy and Identity // Review of Historical Geography and Toponomastics. – 2014. – Vol. 9. – № 17–18. – P. 7–20.

Словари и справочники

176. *Барандеев, А.В.* Краткий этимологический топонимический словарь: Избранные топонимы. 2-е изд. / А.В. Барандеев. – М.: URSS, 2018. – 237 с.

177. *Колесов, В.В*. Словарь русской ментальности / В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов. В 2 т. Т. 1. А – О. – СПб.: Златоуст, 2014. – 592 с.

178. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. фак-т МГУ им. Ломоносова, 1996. – 245 с.

179. *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 2013. – М.: ООО «А ТЕМП» – 874 с.

180. *Подольская, Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

181. *Подольская, Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. 1-е изд. – М.: Наука, 1978. – 198 с.

182. *Поспелов, Е.М.* Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992): Топонимический словарь. – М.: Русские словари, 1993. – 250 с.

183. *Поспелов, Е.М*. Географические названия мира. Топонимический словарь / Е.М. Поспелов. – М.: Рус. словари, 1998. – 503 с.

184. Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. – 704 с.

185. Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – Тт. I-II. – Т. 1. –783 с.

186. Словарь русского языка / гл. ред. АП. Евгеньева. Тт. I-IV. – М.: Русский язык, 1985, 1986, 1987, 1988.

187. Энциклопедия. Русский язык / под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: «Большая Российская энциклопедия». – 2008. – 703 с.

Список художественных произведений русскоязычных авторов

1. *Бородин, С. П.* Звезды над Самаркандом : трилогия. Кн. 1. Хромой Тимур ; Кн. 2. Костры похода / С. П. Бородин. – Ташкент : Узбекистан, 1981. – 720 с.

2. *Волос, А. Г.* Возвращение в Панджруд / А. Г. Волос. – Москва : Астрель, 2013. – 640 с.

3. *Парнов, Е. И*. Атлас Гурагона / Е. И. Парнов. – Москва : Терра, 1999. – 120 с.

4. *Петров-Водкин, К. С*. Самаркандия : из путевых набросков 1921 г. / К. С. Петров-Водкин. – Петербург : Аквилон, 1923. – 49 с. – URL: http://az.lib.ru/p/petrowwodkin_k_s/text_1921_samarkandia.shtml

5. *Пулатов, Т. И.* Завсегдатай : повесть / Т. И. Пулатов // Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1 / Т. И. Пулатов. – Москва : Современный писатель, 1995. – С. 362–426.

6. *Редько, К.* Из дневника художника / К. Редько // Звезда Востока. – 1967. – № 3. – С. 210–215.

7. *Яхина, Г.* Эшелон на Самарканд : роман / Г. Яхина. – Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2021. – 507 с.

Приложение 1.

Топоним *Самарканд* в стихотворных текстах русскоязычных авторов

№ 1.

***

Моя душа – неповторимый Самарканд!
Жемчужина Востока – антиквариат!
Восторги, восхищенья рвутся из груди!
Прекрасный город, славный – верх моей мечты!

Обычаи народа свято он хранит,
Друзей, гостей, туристов сразу удивит
Своим великолепьем, дивной красотой,
Восточным колоритом, сказкой голубой!

Великого Тимура помнит он бои,
Распахивает гостю двери он свои,
Радушно приглашая на горячий чай...
Гостеприимный, щедрый, благодатный край!

Вкуснейшим, аппетитным хлебом он богат,
Лепёшек привлекает чудный аромат.
Щекочет нос дымок от сочных шашлычков...
В чудесном городке нет вовсе холодов!

Мила Царёва
[https://stihi.ru/2023/06/04/5146]

№ 2.

Ода Самарканду

Пою тебя, о, Самарканд!
Твой чудный облик восхваляю.
И твоё сердце – Регистан –
Я вечно юным называю.
Его биенье Улугбек
Предчувствовал под небом звёздным
О, Самарканд! Твой долгий век
Величием Тимура создан.
Твои святые медресе –
Приют искусств и просвещенья,
Они стоят во всей красе,
Столетья превратив в мгновенья.
Здесь Алишера Навои
Поэзию, любовь, и силу

Впитали жители твои.
Она их счастьем вдохновила.
Здесь минаретов купола –
Дневные звёзды в небе ясном –
Так чистая лазурь светла
И вязь орнаментов прекрасна.
О, Самарканд! Ты – мудрость лет,
Здесь рядом церкви и мечети…
В тебя влюбленным лучше нет,
И краше города на свете!
О, Самарканд! Живи, цвети
И славься добрыми делами
Навстречу вечности лети
И вечно оставайся с ними!

Ирина Алексеева
[https://greylib.align.ru/127/oda-samarkandu.html]

№ 3.

Баллада о Самаркандском хлебе

«Кто сеет хлеб, тот сеет справедливость» —
Твердят через века Авесты письмена.
Живёт в её словах всех истин прозорливость
Но ближе мне других прекрасная одна:
Та истина о хлебе….
Вспомню лето
И Самарканд…
Уже рассвет, уже базар шумит,
И в волны запахов бушующих одетый,
Как праздник снеди всяческой бурлит:
И розов виноград, и помидоры алы,
Коричневый изюм и бежевый миндаль…
Но что за аромат летит поверх развалов
Всех самых ярких яств и улетает вдаль?
О, запах хлеба! Аромат лепёшки!
Она как Солнца круг лежит перед тобой
Возьми, прижми к лицу – она твоя до крошки,
Она тебе ниспослана судьбой…
Вдыхай же аромат лепёшки Самаркандской,
Она как Божий дар – тепла, светла, мягка…
Представь, как колос рос в долине Зеравшанской
И ветер пел над ним и плыли облака.
И берегли его заботливо дехкане,
Чтобы собрать зерно, чтобы добыть муку…
Всё будет как должно, и колос хлебом станет,

Так было испокон на трудовом веку.
Старания просты: взять воздух Самарканда
И воду родников и солнечных лучей,
Добавить к ним простор долины Зеравшана
И белую муку, и красный жар печей.
А тесто так месить: лаская и сжимая
Ладонями любви, усильями добра,
Любовь и жизни суть, с мукой соединяя,
Почувствовать душой – пришла огню пора.
Он полыхает здесь, уже он наготове,
Заветный дом огня – таинственный тандыр.
И нежный хлебный круг сокрыт в его покрове,
И скоро хлебный дух оповестит весь мир:
«Я есть, я – хлеб, я с вами,
Я отдых и добро среди трудов и треб…»
И этот аромат неутолимо с нами
Как воздух и вода,
Как Самаркандский хлеб…

Ирина Алексеева
[https://greylib.align.ru/127/oda-samarkandu.html]

№ 4.

Самарканд

Привет Самарканд! Привет!
Тебе «миллион лет в обед»!
Идёт негасимый свет!
Аллаха святой завет!

Здесь жил и творил Али!
Нет в мире краше земли!
Город семи чудес,
Стоит под покровом небес!

Еще на земле зари,
Рождён был зороастризм!
Бог протянул ладонь,
Так появился огонь.

Исполинские скалы вокруг,
Взяли тебя в свой круг.
И пульса планеты стук,
В сердцах зарождает звук.

Здесь Солнце и Луна,

Сошлись как-то днём навсегда!
И шахский внук звездочёт,
Всем звёздам вел пересчёт!

Течёт словно мёд вода,
Источник жизни она!
Миндаль зацвёл навсегда,
Не важны ему года.

Живи Самарканд много лет!
Планету хранишь ты от бед!
И льётся с земли твоей свет,
В душе моей огненный след!

Таня Калистратова
[https://www.next-portal.ru/composition/72936/]

№ 5.

Самарканд

Над белизной одежд ореховые лица.
Светило белое в глазах повторено.
Осталось позади былого моря дно,
И бешено взята мятежная столица.

Здесь – громовой парад. А там – за птицей птица.
Там трупы вздутые навалены в одно,
И небо токами дрожащими полно,
И, чуя тление, взывает кобылица.

Позеленелую развеивая медь,
Сияет куполом упорная мечеть.
Распахнутая дверь дымится, точно рана.
И вор оглядчивый в сияньи рдяной мглы

Берет из твердых рук убитого муллы
Парчовый фолиант столетнего Корана.

1916

Георгий Шенгели
[https://learnoff.com/library/shengeli-g-a-samarkand/]

№ 6.

***

Самарканд – современник Рима,
Чингисхан стер с лица Земли.
Лишь пустыня, Солнцем палима,

Там где раньше сады цвели.

Тамерлан, используя силу,
У себя мастеров собирал,
Самарканд жемчужиной Мира
И столицей империи стал.

Горделивая стройность мечетей,
Соразмерность, краса всех частей.
Самый сказочный город на свете
Исполненье его затей.

Но склонились звезды в поклоне,
Порвалась Тамерлана струна
Улукбек воцарился на троне
«Астроном на все времена».

Приглашал мастеров и ученых,
Город центром науки стал
И пожаром сияний звездных
Мудрецов всей земли собирал.

И писал он, и строил отважно,
Этот Мир бесконечно любя,
Улукбек знал, «одно лишь важно,
Что оставим мы после себя».

Здесь шедевры под синим небом
Светит золото на голубом,
Чародей, чей нам лик неведом
Все окутал волшебным сном.

Все блистает прекрасной глазурью,
Дивны росписи и резьба,
Будто с неба, сияя лазурью
Льется сказочная ворожба.

Лучи Солнца сквозь мрамор решеток
Тихо лягут на камень плит,
Будто век мудрецов не короток,
И их дух до сих пор здесь царит.

Татьяна Фролова
[https://poembook.ru/poem/1664033-samarkand]

№ 7.

***

Ночь опустилась в «Сад поэтов»,
Птенцы в гнезде не верещат
И торсы древних минаретов,
Как декорации стоят.

Мне снятся странные напевы…
Я слышу в них и стон, и плач…
Здесь под чадрою гибнут девы
И рубит головы палач.

И здесь, возвысившись над веком,
Слагал газели Навои
И были звёзды Улугбека,
Как озарение земли!

А с наступлением рассвета,
Лучами солнца осиян,
Воспетый сотнями поэтов,
Красой блистает Регистан!

Ничто над временем не властно:
Полтыщи лет – один лишь миг.
Но жизнь всегда была прекрасна,
А красота рождает стих!

1971

Клара Киевман
[https://www.neizvestniy-geniy.ru/cat/literature/stihi/416212.html]

№ 8.

Самарканд

Где горы и долины
И сочных трав перины,
Где гордые мужчины,
Стоит мой Самарканд.
Жемчужина Востока,
Где Солнца очень много,
Там горная дорога
Ведёт в цветущий сад.

Пускай идут года,
Но помню я всегда
Свой город Самарканд —

Там спелый виноград!
Там горы до небес,
Волшебный мир чудес,
Хрустальная вода,
Там молодость моя!

Припев:
Высокие мечети,
Улыбчивые дети
И лучше в целом свете
Красавиц не найти!
Здесь воздух слаще мёда,
Цветущая природа
И для души свобода.
Здесь песня в даль летит!

Зачем мне заграница –
Анталия и Ницца
И голос райской птицы,
Когда со мной всегда
Мой Самарканд любимый,
Такой неповторимый,
Божественно красивый.
Востока ты звезда!

Любуюсь я тобой,
Мой город дорогой!
Судьбу благодарю
За то, что здесь живу.
Здесь верные друзья,
Любимая семья.
Здесь ночи сладких снов
И первая любовь.

Высокие мечети,
Улыбчивые дети
И лучше в целом свете
Красавиц не найти!
Здесь воздух слаще мёда,
Цветущая природа
И для души свобода.
Здесь песня в даль летит!

Юрий Печерный
[https://www.chitalnya.ru/work/2835183/]

№ 9.

Самарканд

Архитектурой поражают:
Дворцы, мечети и дома.
Как будто время наступает,
Открыть другой нам мир Творца.

В камнях не тронутые стены,
А Тамерлану Самарканд.
Увиделся как неприступный,
Он дал указ построить Град!

И возвышается сей город,
В устах поэта Хамраали.
Воспеты лучшие Медресе,
В них знания простолюдинам дали.

Стоит он в камне весь одетый,
Его построил Кайкавус.
Мозаикой он всё отделал,
Чудесный город, на мой вкус!!

2019

Анатолий Куклин
[https://istihi.ru/a/ai87175070407/60578]

№ 10.

Воспоминания о Самарканде

Есть город чудный на земле,
Там жребий был родиться мне,
Среднеазийский бриллиант,
То –Самарканд.

Затмила синью небеса
Здесь минаретов бирюза.
Без устали б на них смотреть,
И улететь.

Седая площадь Регистан –
Земной науки талисман.
Здесь медресе стоят века,
Как три цветка.

Великолепен Гур-Эмир,

Среди мечетей он кумир.
А рядом каждый ясный день,
Бросая тень,

Растёт огромный карагач.
Он видел много неудач
И видел множество побед.
Теперь он сед.

«Хромец железный» Тамерлан,
Завоеватель многих стран
Под самаркандскою звездой
Нашёл покой.

Внук Тамерлана Улугбек
За свой короткий жизни век,
Составив карту тысяч звёзд,
До нас донёс.

Как на торжественный парад,
Весной затоплен этот град
Весь розовым туманом вьюг –
Цветёт урюк.

А летом в полудённый зной
Когда асфальт плывёт рекой,
Весь город в дымке – он мираж!
Такой пейзаж.

В жару вся с улиц жизнь ушла,
Дома стоят огнём дыша,
Пылает в небесах пожар.
Жив лишь базар.

Здесь аромат сухих пустынь –
Арбузов и душистых дынь.
Они курганами лежат
И ждут ножа.

Любители вокруг стоят
И выбирают, и глядят.
Торгуются из-за гроша.
Всё не спеша.

Вот виноградные ряды.
От белой и до черноты
В корзинах кисти на подбор.
Любой набор –

Давить вино, сушить кишмиш.
Как на распутье ты стоишь.
Но эту кисть лишь для красы!
И на весы.

Здесь плова сочный аромат,
А в нём десятка специй клад.
Он так насыщен, что хоть режь,
Хоть пей, хоть ешь.

Лепёшек рать, на них узор
Из сказочных заморских флор –
Цветов и лоз густая сеть,
Аж, жалко есть!

Достопочтенный аксакал
Ничком на коврике упал,
И совершает свой намаз
В заветный час.

Бабай проехал на осле,
В жару он в ватном чапане.
Болтается цветной кушак
Движенью в такт.

Девчонки спорят на ходу.
Косички флагом на ветру.
Когда их только заплетать
По двадцать пять?

Румяна ярки от свеклы,
Широк разлёт бровей от хны.
И знают, по всему видать,
Чем привлекать.

Шелка, сияя, шелестят –
Узбечек праздничный наряд.
Палитры дивные цвета,
Вот красота!

А следом кто-то в парандже,
Ну а под ней «Ля фам шерше»:
Или Яга – свет выключай,
Иль Гюльчатай!

Вот под чинарою густой
Арык с холодною водой,
Шатёр в тени вокруг ствола,
Здесь чайхана.

Мужчины на коврах сидят.
Веками сохранён обряд.
Все пьют как будто невзначай
Зелёный чай.

Давно я не был в той стране,
Но иногда летят ко мне
Воспоминанья о друзьях
И тех годах.

Виктор Нефедьев
[https://proza.ru/2012/10/01/874]

№ 11.

В Самарканде

Готовлю свое изделье
Во всей восточной красе,
Пишу в Самарканде в келье
Старинного медресе.

Художница-ленинградка
За толстой стеной живет,
И тень огонька лампадка
Бросает на старый киот.

Отца единого дети,
Свеченье видим одно,
И голуби на минарете
Об этом знают давно.

1989

Семён Липкин
[https://poembook.ru/poem/3110601]

№ 12.

Самарканд

Солнца диск пылающий разломан
В тысячи сверкающих кусков:
Пестрых улиц многоцветный гомон,
Толочь толп, крик женщин, рев ослов.

И над всем, столетья перепутав,
Тишиной перекрывая шум,
Торс гиганта в мире лилипутов,
Вскидывает в высь Биби-Ханум.

Д.Д. Благой, Ташкент, апрель 1943.
[https://poesis.ru/poeti-poezia/blagoj/verses.htm].

№ 13.

***

Вдруг стало холодно в пустыне,
Как в остывающей печи:
Ноябрьской ночи первый иней
Посеребрил карагачи.
Степную родину покинув,
Бездомный катится курай.
Как будто кто-то душу вынул
И умертвил песчаный край!
Живое жмется к быстрым рекам,
Где есть и пища, и вода…
И даже сердцу человека
В пустыне холодно всегда.
А рядом, в пологах тумана,
Среди собратьев первый гранд,
Над мутной влагой Зеравшана
Мечети вздыбил Самарканд.
Как сказку, сонными устами
Шехерезада шепчет в мир:
Баби-Ханым у Регистана,
Шахи-Зинда у Гур-Эмир…
И прахом сгинувших столетий,
Войдя в историю навек,
На равных в кружеве мечетей
Лежат Тимур и Улугбек.
Встречая солнце, птицы спели
Молитву дивную без слов…
Мои глаза поголубели
От самаркандских куполов.

Виктор Мумриенко, 2000
[https://literator.info/samarkand-wppost-22386/]

№ 14.

***

Самарканд… Купола изнутри золотые
С горделивой осанкой стремящейся ввысь
Словно небо востока они голубые
Как молитвы на небо они вознеслись.
Регистан… Это в прошлом песчаная площадь,
Но как прежде душа Самарканда она
Там без слов все понятно и сердце на ощупь
Вновь пробралось туда где живет старина …
Что за странный старик на каменном троне
И огромная чаша гранатовым соком полна
Да ведь это Тимур, перед новым победным походом
Своих воинов соком победы напоит до дна.
Ах Тимур, как с тобою не согласиться
Все поймут, когда с глаз упадет пелена
Мир достоин всего лишь одной столицы
И конечно единственного царя
Ты Тимур, Самарканд куполами возвысил
Не жалел ты ни золота, ни серебра
Ты хотел Самарканд сделать мира столицей
Хоть гранатовый сок не испил до дна.

Танюха Шамаханская
[https://chto-takoe-lyubov.net/stixi-o-samarkande/]

№ 15.

***

А в Самарканде небо бирюзово …
Пусть ничего к поездке не готово,
А все равно, давай туда уедем!
Вот телефон, чтоб позвонить соседям –
Пускай не беспокоится родня.
А мы с тобой уедем на три дня,
И там вдали от собственных ошибок,
От глупостей, печалей и улыбок,
Поселимся в гостинице бетонной,
Где будет петь за рамою оконной
Для нас с тобой осенний сонный шмель,
Нам навевая предвечерний хмель.

Там купола, гробницы, минареты,
Что много раз поэтами воспеты,
Предъявят нам и безупречность линий,
И главный цвет свой, бирюзово-синий,
Который за жестокие века
Еще не смыла времени река.
И мы с тобою, словно полубоги,
Не будем там пред вечностью убоги –
Глаза увидят и услышат уши,
Что все-таки бессмертны наши души,
Которые, опять в иных телах,
Соединил (на этот раз) Аллах.
Люблю тебя, столетий не считая,
С полудня и до древнего Китая,
От Швеции и до глубокой ночи,
Что вдвое, чем московская короче.
А за окном уже светлеет снова…
Над Самаркандом небо бирюзово,
Зима тепла там, словно наше лето.
Но мы теперь не в этой части света ...

Павлова Виктория
[https://chto-takoe-lyubov.net/stixi-o-samarkande/]

№ 16.

***

Маленькие улицы, дивные дома,
Всё в этом городе радует меня.
Новые дороги, старые жильцы
И вокруг тебя лишь одни отцы.
Вот отец мой Регистан,
Восхищает всех твой стан.
Вот и мать Шохи-Зинда,
Светишься ты как звезда.
Запахи знакомые и духи цветов,
Нет таких похожих у других миров.
Вкусные лепёшки, сладкая вода,
Нет роднее города Самарканда.
Темирлан – он всем знаком,
Нам является отцом.
Навои и Беруни –
Также дороги они.
Свод небесный в городе моём,
Чудно наблюдать нам за ним вдвоём.
Сказочный Восток в сердце навсегда,

Нет роднее города Самарканда!

Chaika
[https://chto-takoe-lyubov.net/stixi-o-samarkande/]

№ 17.

***

Ночь, опять, венчает тайной связью
Всех влюбленных ветреной поры.
Я пишу стихи арабской вязью
На холодном небе Бухары.
Фонари своим янтарным светом
Озаряют эти письмена
Если б не родился я Поэтом
С кем ночи шепталась бы луна.
Дорогие девушки Востока!
Почему, скажите, в этот час
На душе тревожно, одиноко
И тоскливо без одной из вас.
Я сижу один в забытом сквере,
И ласкаю неба черный шелк
Строками о той прекрасной пери
Что в своих скитаниях нашел.
В Бухаре я видел дев немало,
Часто окунался в омут глаз,
Но одно лишь сердце прошептало:
Я хочу увидеть твой Шираз.
Душу истомленную волнует
Небесами признанный талант,
И пускай меня к тебе ревнует
Сказочный красавец Самарканд?

Чермен Дудаев
[https://chto-takoe-lyubov.net/stixi-o-samarkande/]

№ 18.

***

Средь многих городов, где я бывала, –
А приходилось колесить по миру, –
Мне краше Самарканда не встречалось.
Амир Тимура, знатного эмира,
Роскошное наследство нам осталось.
Как, где бы ни носило в жизни,
А город детства, он – всему начало:
Навад, лепёшки, домик наш и вишни –
Деревья эти бабушка сажала…

Уютный уголок, где стала лишней …

Есина Лариса
[https://chto-takoe-lyubov.net/stixi-o-samarkande/]

№ 19.

***

Минареты древние, лазурные,
Ароматный чай, беседы бурные,
Голоса друзей и свадьбы шумные,
Вспоминаю я, любимый Самарканд.
Сказка волшебная, предо мной Самарканд,
Как тебя я люблю, город мой Самарканд.
Пролетели годы юности моей,
Наслаждаясь древней красотой твоей,
Талисманом Родиной, душой моей,
Будишь ты, всегда любимый Самарканд.
Песнею восточною, пой душой Самарканд,
Как тебя я люблю, город мой Самарканд.
Вкусный плов, лепешки, ночи дивные,
Дорогие улицы старинные,
Не разделят нас, дороги длинные,
Ты всегда со мной, любимый Самарканд.
Сказка волшебная, предо мной Самарканд,
Как тебя я люблю, город мой Самарканд.

Песня. (Исполняет *Насиба Абдуллаева*)
[https://chto-takoe-lyubov.net/stixi-o-samarkande/]

№ 20.

***

Все совершится как во сне … Всего единым словом
Ты превратишь обычный плов в прощальную кутью.
Мое жилище для тебя, увы, не стало домом,
И вечер двери отворит холодному дождю.
А память книгу распахнёт на загнутой странице,
Знакомых улиц переплет, и я по ним иду.
Дворцы, мечети, купола, базары и гробницы…
И рядом иволга свистит в сиреневом саду.
И я поеду в Самарканд к красотам Гур-Эмира,
По плитам древних площадей, не торопясь, пройду.
Здесь небо было голубым от сотворенья мира,
И рядом иволга свистит в сиреневом саду.
В забытой Богом чайхане прилягу на подушки
И потеряю сам себя. И сам себя найду.

И буду пить зеленый чай из старой пиалушки,
И будет иволга свистеть в сиреневом саду.
Вот-вот окончится весна. Вот-вот начнется лето.
Таким беспечным Самарканд бывает раз в году.
И оседает пыль веков на пики минаретов.
И рядом иволга свистит в сиреневом саду.
Я рос на улицах твоих. Я в играх не был лишним.
Ты научил меня встречать и радость, и беду,
Прощай, мой город. Мне пора к себе на пепелище,
Где будет иволга свистеть в сиреневом саду.

Аркадий Смирнов
[https://chto-takoe-lyubov.net/stixi-o-samarkande/]

№ 21.

***

Наследник Вавилона, Спарты, Рима,
Тебя не видел я полсотни лет.
Я постарел, забывчив стал и сед,
Но колорит твой я храню незримо.
Из азиатских городов – ты гранд.
Чтил Тамерлан тебя столицей мира.
И не было в земле твоей эмира,
Который не признал бы Самарканд.
Благообразье древних мудрецов,
Восточных улиц аромат душистый,
Стук молотков чеканщиков игристый,
И вековая прелесть изразцов.
Пол земляной. Кумган на лавке длинной.
А в кузнице, где горна драный мех,
Раскройка медная свернулась, как на грех…
Дувалы, стены… Всюду глина, глина.
Весь город памятник : Биби-Ханым – мечеть;
Вот Регистан – корабль в песках плывущий;
Вот Шах-и-Зинд, где мёртвые живущим
Прозрачно предлагают умереть.
Вот купол Гур-Эмира – мавзолей,
Где кости Тамерлана и царицы…
Вот минареты, арки и гробницы,
Что делают «букашек» из людей.
Здесь Улуг-бек, своего деда внук,
Смог усомниться в мудрости Аллаха.
Он пренабрёг опасностью и страхом,
И жертвой пал естественных наук.
Вот крик мулы, сзывающий к намазу…

Ведёт чайханщик тихий разговор…
Тишь улиц пробирается во двор…
Приходит ночь. И звёзды, как алмазы.
Под лунным светом город как-то сник,
Стал незаметно сине-серебристым,
Чинары шелестят звучаньем чистым…
Тысячелетья замерли на миг.

Борис Неменов
[https://chto-takoe-lyubov.net/stixi-o-samarkande/]

№ 22.

***

Мне подарок с небес – исполненье мечты!
Неужели я здесь, и со мной рядом ты –
Город детства и грёз, Самарканд мой родной,
Мне приятно до слёз, ведь я рядом с тобой!
Знакомой улицей опять
Пройду, как в детстве, чуть дыша,
Пытаясь, дом свой отыскать,
Ах, как волнуется душа!
Я снова в прошлом окунусь.
Вот явный радости маршрут!
Мой дом – он мой, и даже пусть
Совсем другие люди в нём живут…
Я благодарна небесам, да и тебе, мой Самарканд,
И вам, соседские сердца, что память добрую хранят!
Я поклонюсь родным местам, простившись может навсегда.
Сбылась заветная мечта, но не погасла, как звезда!

Стас Ташкентский
[https://chto-takoe-lyubov.net/stixi-o-samarkande/]

№ 23.

Самарканд

Я на родную землю прилетела
И вмиг согрелось мое сердце...
Безумно я сюда хотела
И распахнула смело дверцу...

О, Самарканд, любимый город
Небесно-голубые купола...
Твой каждый уголок мне дорог
И пела о тебе «Ялла» ...

Могу порой гулять часами

Глядеть на площадь Регистан...
Любуюсь, словно чудесами
Любимый мой, Узбекистан ...

Магнитом всех туристов тянет
Взглянуть достоинство страны...
Я думаю, что каждый знает
Про памятники старины...

Я рада вновь сюда вернуться
И самый вкусный хлеб отведать...
И добрым людям улыбнуться
И вместе с ними отобедать...

Мой Самарканд – ровесник Рима
Прошел ты множество преград...
Красив мой город и без грима
Имеет миллион наград...

И в середине сентября
Я распахну свою улыбку...
Мой город, лишь тепло даря,
Играет осенью на скрипке...

Живи, цвети, мой милый город
И все преграды побеждай ...
Ведь для меня ты вечно молод
Мой Самарканд, любимый край…

Евгения Овсефян
[http://agentstvo-prazdnik.com/poesy/cat1/cat5/5074.html]

№ 24.

Самарканд

Древние картины сохраняя,
Провожает уж который век
Город, всех экзотикой пленяя,
Город, где родился Улугбек.
Истинно узбекские, кривые
Глиняные улочки бегут,
Ярки от нарядов мостовые,
Вьюченые ослики бредут.
Вот узбечка, шествуя степенно,
Виноград несет на голове,

И манят, манят седые стены,
Купола в лазурной синеве.
Солнце зноем обжигает плечи
Башне, неразрушенной никем,
У ворот, где оживлённо вечно
Прячутся туристы в холодке.
Всё великолепно, страшно, хмуро,
Уводящий прямо в древность край,
Жутко в склепе мрачного Тимура,
А как весел Караван-Сарай.
Грозного властителя секира
След для нас оставила живой.
Предки называли центром мира,
Центром всей Вселенной город свой.
Все согласны, пусть он сохраняет
Год за годом и за веком век.
Пусть живет, экзотикой пленяя,
Город, где родился Улугбек.

Василий Ишутин
[https://detstih.ru/blog/stihi-pro-samarkand]

№ 25.

***

Кое-что о Самарканде.
Небес голубизна и улиц гибкий стан…
Восточный аромат райхана и лаванды…
Мечеть Биби-Ханум и площадь Регистан –
Наследники времён и гордость Самарканда.
Там воздух напоён щербетом из айвы…
На рынках горы дынь, как копи золотые…
Ничем не излечить круженье головы,
Мы этой красотой навек теперь больные!

Катерина Годунова
[https://detstih.ru/blog/stihi-pro-samarkand]

№ 26.

Самарканд

Самарканд – жемчужина,
Азиатский Рим.
Город славных предков
Мы боготворим.
Древняя столица,
Вся в легендах ты,

Купола небесные
Редкой красоты.
Минареты тянутся
В голубой простор.
Здесь когда-то царствовал
Темуридов двор.
Через город проходил
Караванный путь.
Тут любили путники
Просто отдохнуть.
Площадь легендарная
Принимала всех:
И лились здесь слезы,
И звучал тут смех.
На земле священной
Предков дух живет,
Потому особый здесь,
Как нигде, народ.

Екатерина Картоева
[https://detstih.ru/blog/stihi-pro-samarkand]

№ 27.

Самарканд

акростих

Солнечный, души волшебный сад
Ароматом роз пьянит и дразнит.
Мира зеркало – старинный Самарканд!
Ах, как красив ты, вечный город-праздник!
Ровесник Рима, Вавилона брат,
Кристалл сей уникально-драгоценный...
Ах, как ты молод, древний Самарканд –
Неповторимый яркий центр Вселенной!
Дай руку, родина! Я – дочь земли твоей.
Теплом меня, как в детстве, отогрей!

Елена Зяблева
[https://detstih.ru/blog/stihi-pro-samarkand]

№ 28.

Самарканд

Сердце заходится при виде башен стальных,
на тех фотографиях, где никогда не бывала.
Ты, может, ответишь, напрасно ли трачу их,
слова или взгляды, достаточно или мало?

Нарды иль шахматы, или игра в го:
укроешь меня, укутаешь в одеяло,
и все же за этим не следует ничего,
и я признаю, что лучше б не начинала.
Если нет партии, то и проигравших нет,
а я по привычке играю сама с собою,
просчитываю ходы, вычисляю цвет
того, что даже неловко назвать любовью.

Елена Рид
[https://detstih.ru/blog/stihi-pro-samarkand]

№ 29.

Самаркандская зарисовка
Взлетают в небо чудо-купола,
Стоят на вечной страже минареты,
Здесь воины вставали, как скала,
Великих аксакалов чтя заветы...
Под Чингиз-ханом пал Афросиаб,
Защитники не сдали цитадели...
Позорно в жизни называться «раб»,
И потому в огне они сгорели ...
И словно птица Феникс – из огня
Назло врагам был возрожден из пепла...
И город оживал день ото дня,
И мощь его, как древо жизни, крепла.
Он – перекрёсток Мира на пути,
На Шелковом пути, звезда Востока,
И птица счастья по весне летит,
Над Регистаном в небе синеоком...
Тот, кто однажды пробовал в жару
Зелёный чай из синей пиалушки,
С лепёшкой ел из печки парварду,
И в чайхане, улёгшись на подушки,
Вдыхал цветов прекрасный аромат,
В июле слушал родника журчанье,
Дутару был, будто ребёнок, рад,
И не впадал, поверьте мне, в отчаянье ...
На карте мира точка так мала,
Но здесь свои царят приоритеты...
Спят в Самарканде чудо-купала,
Стоят на вечной страже минареты...

Ефим Ташлицкий
[https://detstih.ru/blog/stihi-pro-samarkand]

№ 30.

Самаркандский базар
Не видел ты Узбекистан,
Коль не попал на Регистан.
Всё меркнет здесь – Хива, Коканд.
Глава Востока – Самарканд.
У Бухары своё лицо,
Где Арка древнее крыльцо
И тронный зал пленяют взор,
До нынешних доживший пор.
Где главный минарет Калян –
Святая гордость мусульман.
Где в мавзолее скромном спит
Правитель древний – Саманид.
А Шахрисабз, Шахимардан –
Богат, красив Узбекистан.
Но средь всего стоит гигант –
Неповторимый Самарканд.
Воспет поэтами не раз,
Быть может меньше, чем Кавказ,
Зато бессмертный Навои
Поэмы здесь слагал свои,
Что повторялись много раз,
Чрез Каспий выйдя на Кавказ.
Снеся землетрясенья все
Стоят, не дрогнув, медресе.
Пред мавзолеем «Гур-Эмир»
Трепещет мусульманский мир.
Погибший от смертельных ран,
Здесь похоронен Тамерлан.
Здесь похоронен Бог Войны.
И объясненья не нужны,
Что грех его тревожить прах –
За это отомстит Аллах.
Здесь всюду местный Бог – Аллах
Представлен в синих куполах.
Средь мавзолеев и мазар
Бурлит, шумит, цветёт базар.
В воскресный день здесь толчея,
На рынке каждая семья.
И в будний тоже здесь народ.
Изо дня в день, из года в год.

Тебе здесь каждый будет рад.
Кунак кунаку – друг и брат.
Из загорелых добрых рук
К тебе рекой течёт урюк.
– Сабза, как сахар, говоришь?..
– Не хочешь? Так возьми киш-миш.
Ну а кому не дорога
Янтарь прозрачный – курага.
Ну кто в жару не будет рад
Съесть самаркандский виноград.
Уж коль приехал в эту даль,
Попробуй сахарный миндаль.
К тому ж совсем, мой друг, не грех
Нам грецкий расколоть орех.
Смотри вокруг, в любой рундук –
Гранаты, персики, фундук.
Букетом дивной красоты
Рядами высятся цветы.
А вот и зеленая часть,
Здесь надышаться можно всласть
Тем запахом, что манит вновь
Араком крепким вспенить кровь.
Кинза, цицматы, базилик,
Петрушка, мята – пей, старик.
Огурчики один в один.
– Ну, отведай, подходи.
Томаты подбоченясь в ряд.
– Попробуй, дорогой. – Рахмат.
Соления зовут к себе –
Ну не противься же судьбе.
Вот маринованный чеснок
И баклажан у Ваших ног.
А как под водку хороша
Из бочки свежей черемша.
Ну а корейская чим-ча –
– Не увлекайся сгоряча.
Чурек, самса, манты, беляш,
Арбузы, дыни – дурно аж.
Отбрось на время рой забот,
Которых вечно полон рот.
Переведи спокойно дух,
Включи лишь зрение и слух.
– Салям-Алейкум. Очень рад.
Кунак кунаку – друг и брат.

Под шашлыком дымит мангал.
Шашлык – всем блюдам аксакал.
Под чайханы тенистый кров
Сядь посиди, отведай плов.
Не хочешь плов, возьми лагман.
К твоим услугам дастархан.
А под лагман возьми салат.
– Салат что надо. – Саламат.
Душистый вечный друг пустынь –
Зелёный чай. Попей, остынь.
И посмотри легко вокруг.
Чинары тень – надёжный друг.
Здесь тюбетейки, чапаны,
Из шёлка пёстрого штаны.
Вон на прилавке этот шёлк.
– Купи жене, коль знаешь толк.
Средь синевы хивинских блюд
Теснится мусульманский люд.
– Осла за двадцать пять рублей
Купи и денег не жалей.
А вот верблюд – корабль пустынь.
Садись, попей чайку, остынь.
Он подороже, чем осёл.
Три раза Кара-Кум прошёл
От Бухары на Ашхабад.
Купи его и будешь рад.
– Зачем же мне в Москве верблюд?
– Потешишь свой столичный люд.
Возьмёшь его в кооператив,
Кремля поставишь супротив,
На фоне древнего Кремля
Весь свой заснимешь махаля.
В тени чинары мой топчан.
С кипящей в масле рыбой чан
Чудесный запах мне дарит,
Над всеми прочими царит.
Ложится рыба в пиалу,
Аллах тебе я шлю хвалу
За созданный тобою рай,
Где чувства льются через край,
Где каждый от души мне рад.
Кунак кунаку – друг и брат.

Алекс Гранд
[https://detstih.ru/blog/stihi-pro-samarkand]

№ 31.

***

На родине премудрого Ходжи
Сидят седобородые мужи.
Поглаживая бороды свои,
Ведут беседы, мирно пьют чаи.
И зелени шумящие стада
Над ними нависают как года.
Философы, седые мудрецы –
То наши деды, прадеды, отцы,
Над ними не одна прошла гроза,
Но молоды и веселы глаза!
И руки – отражение земли –
На их колени ласково легли.
Они полны взволнованных идей,
С улыбками взирают на детей
И будто видят молодость свою,
Что бегает одна в родном краю.
Глядят, и замирает в них душа…
Ты что припомнил вдруг, мудрец Ходжа?

Владимир Шилин

[https://just-moment.ru/stihi/stihi-pro-samarkand-podborka-stihotvorenij/]

№ 32.

***

Где мечеть Би-Би ханым
Встала лёгкая как дым
И горит в сиянье дня
Блеском синего огня,
Я сегодня полон дум –
О тебе, моя ханум!
Здесь вступает птичий хор
С красотой мечети в спор,
Но твердит моя душа:
Ты бесспорно хороша!
Ты – любви моей мечеть –
Будешь царствовать и впредь,
Оставайся в ней, молю –
Я ведь так тебя люблю!

Владимир Шилин

[https://just-moment.ru/stihi/stihi-pro-samarkand-podborka-stihotvorenij/]

№ 33.

***

Ты назначила мне встречу
У мечети Гур-Эмир,
Я желанью не перечу,
О души моей кумир!
Ты – святыня для поэта!
Он любовь к тебе – таит.
Пусть же нас мечеть вот эта
От соблазнов сохранит,
Пусть она своею силой,
Что ей даровал Аллах,
Будет помощью для милой
В размышленьях и делах.
Ночь пришла. У минарета,
Руки трепетно воздев,
Я шепчу: – О, где же эта
Дева, лучшая из дев?
Вот и ты – дрожа от страха,
Озираясь на бегу…
И забыли мы Аллаха
В единенье жарких губ!
Ты назначила мне встречу
У мечети Гур-Эмир,
Я желанью не перечу,
О души моей кумир!
Было очень-очень рано,
Вился ветер на юру,
Ты спросила. а Корана
Прочитал ли я суру?
– Ту, что ты мне очертила
Розоватым ноготком?
И глаза при этом мило
Заиграли огоньком.
Чтобы не было обмана,
Я сказал на этот раз,
Что прочту слова Корана
В глубине любимых глаз;
Стало так хмельно и сладко,
Закружилась голова –
Прочитал я без остатка
Все священные слова,

И дошёл до самой глуби,
Потому что был не трус!
И сегодня помнят губы
Их щемящий душу вкус …

2004

Владимир Шилин

[https://just-moment.ru/stihi/stihi-pro-samarkand-podborka-stihotvorenij/]

№ 34.

***

Где торжественный Шир-Дор
Минареты распростёр,
Я уставил жадный взор
На чарующий узор.
Этих линий кутерьма
Сводит каждого с ума –
Солнца свет и ночи тьма
В них сплелись как жизнь сама.
Полулюди, полульвы –
Порождение молвы,
Точно сгустки синевы,
Что в себе таите вы?
Или может быть пророк
Здесь свой приговор изрёк,
Что на стены эти лёг
Чистой изморозью строк?
Сколько здесь промчалось лет!
Я гляжу на минарет,
Вижу лет минувших след,
Но, ответа нет и нет…

Владимир Шилин

[https://just-moment.ru/stihi/stihi-pro-samarkand-podborka-stihotvorenij/]

№ 35.

***

Словно дальняя звезда
Из глубин вселенной
Светит мне Шахи-Зинда
Красотой нетленной,
И звучит её завет
Гордо и надменно:
– Красоте исхода нет –
Красота нетленна!

Гордо? Что ж, она права –
Древняя гробница –
Этих красок кружева
Долго будут сниться!
Долго будет нас манить
Унося далёко,
Этих слов тугая нить,
Точно мысль пророка.
И оставит в душах след
Гордый зов вселенной:
– Красоте исхода нет –
Красота нетленна!

Владимир Шилин
[https://just-moment.ru/stihi/stihi-pro-samarkand-podborka-stihotvorenij/]

№ 36.

Самаркандские дворы
Посвящается В. Криворучко

Я б не стал заводить разговор,
Только память не знает покоя,
И уводит в наш маленький двор,
К роднику со студеной водою.

Припев:
Самаркандские наши дворы –
Бульданэжи, сирени, ромашки,
И до звезд беготня детворы,
Не стареющие куликашки.

Я б не стал заводить разговор,
Только видится снова и снова,
Как мы лазили через забор
За черешней для Галки Поповой.

Припев:
Самаркандские наши дворы –
Потайные углы, закоулки,
Слезы горькие юной поры,
Шепот губ, поцелуй в переулке.

Я б не стал заводить разговор,
Только мама мне как-то сказала:

«Помнишь, как провожал тебя двор,
От ворот до перрона вокзала».

Припев:
Самаркандские наши дворы –
Позабыть мы сумеем едва ли,
Как чинар золотые шатры
Нас осенней листвой осыпали.

Я б не стал заводить разговор,
Как боялись от жизни отстать мы,
И под сводный оркестр радиол
Мы играли веселые свадьбы.

Припев:
Самаркандские наши дворы
Ревновали наверно к невестам,
Мы спешили в другие миры,
Во дворах становилось нам тесно.

Я б не стал заводить разговор,
Может, кто-то и жил интересней,
Только вот позабыть старый двор
Не могу, как припев к этой песне.

Припев:
Самаркандские наши дворы,
Бульдонэжи, сирени, ромашки,
И до звезд беготня детворы,
Не стареющие куликашки.ннн

Ефим Ташлицкий, октябрь 1987
[http://www.bards.ru/archives/part.php?id=17974]

№ 37.

Три часа в Самарканде

Нет, Улугбек не мог коснуться пыли
Коленями, поскольку был велик.
Он это знал, и он не прятал лик,
И видел, видел как его убили…

Арбуз упрямо лопнул по кривой.
Наверно, потому что нож кривой!
А, может, от того, что даль суха?
И, пламенея гребнем петуха,

Сидящего на древней городьбе,
Он семечками брызнул по губе,
Смахнув прохладой зной Узбекистана...
А нож все ниже полз по кожуре,
И лег арбуз на яростном ковре
Разрубленной башкою Темир-хана.

Мы поглощаем алое меню.
Мы говорим спасибо кетменю
И кланяемся доземи рукам,
Принадлежащим этим старикам,
И старикам — конечно! — старикам,
Идущим по тропе вослед векам,
Уже почти шагнувшим за черту...

Мой Самарканд!
Я верю в чистоту
Твоей базарной пестрой кутерьмы!
(Спаси, Аллах, от жажды и чумы!)
Спаси, Аллах, и не введи во грех:
Моя животрепещущая тема —
С раскосинкой глаза и этот смех!

И дышит площадь воздухом гарема!
И шелк волной — прелюдия игры!
И, главное, что ни одной чадры,
И кровь вскипает (вечная проблема!),
Я думаю, что это от жары.

...И я брожу между лотков и лиц.
Я, как ребенок, книгу раскрываю
И чуда жду, и запахи вдыхаю
Загадочных нечитанных страниц.

Я не встречал подобного костра!
Да не мираж ли это из тумана?
Но голубое пламя Регистана
И музыка, зовущая с утра,
Печальная, как поступь каравана,
Мне говорят, что это не игра...

У каждого, я знаю, свой Восток.
У Улугбека свой — высокий, звездный,
С таблицами углов и сталью грозной,

Срубившей позвонки наискосок.

А у меня Восток совсем не тот.
Арбуз, базар, глаза и лица, лица,
Да мертвая глава отцеубийцы,
Глядящая за желтый горизонт —
Туда, туда, где в маревой пыли
Седой старик летит на кобылице
К последнему пристанищу, к гробнице...

И сходит ночь, и падают зарницы,
И тонут в черных водах Са-Юли.

Отцеубийца...
Что его вело?
Какую нянчил он тоску воронью?
И как ему глаза не занесло
Песком, когда он снаряжал погоню?
И не метался по коврам дворца,
И не оплакал горький час таланта,
И не ослеп, когда душа отца
Взметнулась в небо по дуге секстанта...

Виктор Брюховецкий
[https://poezia.ru/works/122199]

№ 38.

Самарканду

Руины эти и мечети эти —
Свидетели торжеств, страданий, гроз...
Ты, Самарканд, из тьмы тысячелетий.
Как саксаул, сквозь прах пустынь пророс.

Ровесника надменной славы Рима,
Тебя пытала войнами судьба.
В пожарах ты стоял неколебимо
И не мирился с участью раба.

Ты слушал и воинственные клики,
И звон стиха, как звон речной струп.
Ты провожал Тимура на добычу,
Ты помнишь Улугбека, Навои.

Как сокол, ты в веках парил над кровью

И падал в дни народных бед, скорбя.
Октябрь своей животворящей новью
Для новой славы пробудил тебя.

Сынам большого, солнечного века
Вручил по праву первородства ты
И звездные дерзанья Улугбека
И Навои заветные мечты.

Прочны скрепленной кровью дружбы узы
В семье народов нашей молодой.
В созвездье славных городов […]
Будь, Самарканд, немеркнущей звездой.

Алексей Сурков
[https://ziyouz.uz/ru/poeziya/oda-uzbekistanu/1260-2013-09-17-12-24-45]

№ 39.

Переводчик

Шах с бараньей мордой – на троне.
Самарканд – на шахской ладони.
У подножья – лиса в чалме
С тысячью двустиший в уме.
Розы сахаринной породы,
Соловьиная пахлава.
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова.

Полуголый палач в застенке
Воду пьет и таращит зенки.
Все равно. Мертвеца в рядно
Зашивают, пока темно.
Спи без просыпу, царь природы,
Где твой меч и твои права?
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова.

Да пребудет роза редифом,
Да царит над голодным тифом
И соленой паршой степей
Лунный выкормыш – соловей.
Для чего я лучшие годы
Продал за чужие слова?
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова.

Зазубрил ли ты, переводчик,
Арифметику парных строчек?
Каково тебе по песку
Волочить старуху-тоску?
Ржа пустыни щепотью соды
Ни жива шипит, ни мертва.
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова.

1960.

Арсений Тарковский
[https://poembook.ru/poem/3063717-Perevodčik]

№ 40.

Самарканд

Узбекистан Мой изобильный край,
А Самарканд – ты всех поэтов рай.
В песках возник на Шёлковом Пути.
Сам Тамерлан помог тебе цвести!
Создал дворцы и яркий Регистан –
Великих предков лучезарный стан.
Они построили три лучших Медресе.
Оплот наук, архитектуры цвет!
…
Ночное небо украсит Млечный путь
Он караванам поможет не свернуть
Обсерваторию построил Улугбек,
И астрономия с тобой теперь навек.
Кассиопея, Арктур и Орион –
Все звёзды южные украсят небосклон.
Вас Улукбек увидел, посчитал
В своих трактатах древних описал.
…
Ровесник Рима, симбиоз культур.
Здесь рады гостю, широта натур,
Вершины горные и быстрый Зеравшан,
Горжусь Тобой – мой славный Самарканд!
Твоею красотой я опьянён
И не забуду, где я был рождён!

Александр Черников
[https://stihi.ru/2026/02/03/1735]

№ 41.

Как пахнет Самарканд зимой…

Как пахнет Самарканд зимой,
Мне вспоминается сейчас.
Я жил его голубизной
Не мучаясь, не горячась.

Наверно, почки пялят рты,
Наверно, облака бегут,
Как белоснежные гурты,
Прямой дорогой на Ургут.
…
И прут кусты через дувал,
И на далекие холмы
Веселый март понадевал
Зеленоватые чалмы.

Шумит вода о водосток,
И самаркандская весна
Сдувает белый лепесток
На строчки моего письма.

1943

Давид Самойлов

[https://learnoff.com/library/samoilov-d-kak-pakhnet-samarkand-zimoy/]

№ 42.

Самарканд

Самарканд - современник Рима,
Чингисхан стер с лица Земли.
Лишь пустыня, Солнцем палима,
Там где раньше сады цвели.

Тамерлан, используя силу,
У себя мастеров собирал,
Самарканд жемчужиной Мира
И столицей империи стал.

Горделивая стройность мечетей,
Соразмерность, краса всех частей.
Самый сказочный город на свете
Исполненье его затей.

Но склонились звезды в поклоне,
Порвалась Тамерлана струна
Улукбек воцарился на троне
«Астроном на все времена».

Приглашал мастеров и ученых,
Город центром науки стал
И пожаром сияний звездных
Мудрецов всей земли собирал.

И писал он, и строил отважно,
Этот Мир бесконечно любя,
Улукбек знал, «одно лишь важно,
Что оставим мы после себя».

Здесь шедевры под синим небом
Светит золото на голубом,
Чародей, чей нам лик неведом
Все окутал волшебным сном.

Все блистает прекрасной глазурью,
Дивны росписи и резьба,
Будто с неба, сияя лазурью
Льется сказочная ворожба.

Лучи Солнца сквозь мрамор решеток
Тихо лягут на камень плит,
Будто век мудрецов не короток,
И их дух до сих пор здесь царит.

Татьяна Фролова
[https://poembook.ru/poem/1664033-samarkand]

Приложение 2.

Прозаические тексты с топонимом *Самарканд* из произведений русскоязычных авторов

№ 1.

САД

Темна, тепла самаркандская ночь.

Листва ночного сада черна. Тьма под деревьями подобна спекшейся крови.

Над мраком сада сияет серебряное небо, и тонкая струя ручья отсвечивает в ответ небесным светилам, постукивая камушками дна, словно перебирая перламутровые зерна нескончаемых четок.

Тишину в саду строго велено блюсти до утра: в этом саду спит Повелитель Мира.

Старый Тимур вернулся домой из победоносного похода. В растоптанной Индии еще не осела пыль, поднятая копытами его конницы, еще идут сюда караваны, груженные несметной добычей, идут слоны и табуны коней, идут раненые по длинным дорогам через горы, пустыни, мимо могил и развалин

Сергей Бородин. Звезды над Самаркандом: Трилогия. Кн. I. Хромой Тимур (глава1). – Ташкент: «Узбекистан», 1981. 720 с.

№ 2.

ВОСПОМИНАНІЕ О САМАРКАНДѢ

Страна, обнимающая всѣ плодородныя земли, лежащія по теченію рѣкъ и рѣчекъ, берущихъ свое начало въ отрогахъ Тянь-Шаня, и частью вливающихся въ Аральское море, издавна носитъ имя Зарафшана и нынѣ составляетъ одну изъ тѣхъ далекихъ окраинъ Россіи, которыми такъ заняты умы иностранцевъ, съ недовѣрчивостью слѣдящихъ за успѣхами нашими въ средней Азіи, и которыя такъ еще мало извѣстны самимъ русскимъ.

Центральнымъ пунктомъ этой страны издавна считается древнѣйшій среднеазіатскій городъ *Самаркандъ,* сдѣлавшійся достояніемъ Россіи съ 1868 года. Будучи основанъ въ V вѣкѣ до Р. Х. однимъ изъ арабскихъ шейховъ, завоевательныя стремленія котораго привели въ роскошную долину Зарафшана. Самаркандъ, со дня своего основанія, сталъ городомъ центральнымъ въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ и средоточіемъ ученой и торговой дѣятельности, тѣмъ не менѣе письменной исторіи онъ не имѣетъ и всѣ свѣдѣнія о немъ теряются въ легендарныхъ сказаніяхъ племенъ, населяющихъ его и по настоящее время. Несомнѣнно лишь то, что сначала греки, а потомъ арабы и монголы поперемѣнно владѣли имъ и страною къ нему прилежащею, внося въ нее свои нравы, обычаи и ученость, и оставляя на всемъ неизгладимые слѣды. Такъ напримѣръ, завоеваніе края греками, проникнувшими въ Бактрію и Согдіану, во время походовъ Александра

Великаго, дало возможность греческой цивилизаціи далеко распространиться по Средней Азіи и доселѣ въ могильныхъ курганахъ Бухары находятъ древнія греко бактрійскія монеты, медали и остатки оружія. Арабы, явившись завоевателями, внесли новую религію и образованность; монголы распространили вѣрованія Магомета до крайнихъ предѣловъ Востока и Запада и усвоили странѣ тотъ отпечатокъ, который господствуетъ и доселѣ въ средне-азіатскихъ ханствахъ. Тимуръ-Ленкъ, грозный предводитель монгольскихъ полчищъ, занявъ Самаркандъ, задумалъ сдѣлать его столицею обширнаго своего царства и первымъ городомъ въ мірѣ, и Самаркандъ въ теченіе болѣе чѣмъ ста лѣтъ былъ поприщемъ обширной ученой и торговой дѣятельности, чему не оспоримымъ доказательствомъ служатъ тѣ величественныя развалины мечетей, медрессе и другихъ построекъ, поражающихъ путешественника.

Подъѣзжая къ городу со стороны Чупанъ-ата, скалистыхъ высотъ, господствующихъ надъ мѣстностью, орошаемою рѣкою Зарофшаномъ, открывается роскошный: видъ на окрестности. На право тянутся цѣпи Шункаръ-Тау, отроги Тянь-Шаня, на лѣво послѣдніе отрасли горнаго узла Камакъ-Гаранъ, съ которыхъ свергается множество ручейковъ и рѣчекъ, незначительныхъ по величинѣ, но имѣющихъ важное значеніе въ развитіи земледѣлія. Рѣка Зарафшанъ, пробѣгая близъ Самарканда, встрѣтивъ скалистую преграду на пути своемъ, дѣлится на два рукава *Акъ-дарью* и *Кара-Дарью.* Эти два протока обнимаютъ собою роскошнѣйшую долину въ мірѣ, окружностію въ нѣсколько десятковъ верстъ, и буквально утопающую въ садахъ, сквозь листву которыхъ тамъ и сямъ проглядываютъ *кишляки* (хутора). Тутъ среди яркой зелени полей, засѣянныхъ пшеницей, рисомъ и хлопкомъ, льются воды Заравшана по безчисленнымъ рукавамъ, отдѣляя въ стороны оросительныя арыги, обсаженныя тутовникомъ, сочныя листья котораго прокармливаютъ мѣстную породу шелковичнаго червя, получившаго въ послѣднее время такую громкую извѣстность по всей Европѣ. Отъ Чупанъ-ата до Самарканда, разстояніе около семи верстъ, но городъ и всѣ окрестности его видны, какъ на ладони, чему способствуетъ та прозрачность воздуха, которая свойственна этому мѣсту. Столица Тимура, мало измѣнившаяся и по сіе время въ наружныхъ своихъ очертаніяхъ, имѣетъ форму правильнаго четырехугольника, обнесеннаго кругомъ зубчатыми стѣнами. На западной сторонѣ возвышается цитатель, обширнѣйшая изъ всѣхъ средне-азіатскихъ цитаделей. Она имѣетъ въ окружности около 3 верстъ и включаетъ въ себѣ мусульманское кладбище, нѣсколько мечетей и другихъ построекъ, нынѣ примѣненныхъ къ помѣщенію нашего гарнизона. Остальной и лучше сказать самый городъ правильной распланировки не имѣетъ: улицы узки, извилисты, дома по большой части въ одинъ этажъ съ плоскими кровлями; внутри нѣкоторыхъ изъ дворовъ устроены крытыя галлереи, защищающіе обитателей отъ лѣтней жары. Сады на каждомъ шагу, и издали городъ буквально залитъ зеленью: абрикосовыя, персиковыя, грушевыя, тутовыя и яблочныя деревья

образуютъ сплошную массу, сквозь которую вырываются въ воздухъ граціозные тополи, куполы старинныхъ мечетей съ ихъ полуразрушенными монорами (минаретами) и громадные портики медрессе и воротъ. Медрессе и караванъ-сераи по большей части въ два этажа, изъ которыхъ въ верхнемъ живутъ ученики, а въ нижнемъ слушаютъ лекціи. Всѣ они почти устроены внутри дворовъ мечетей, у входа въ которыя возвышаются высокія ворота съ минаретами по бокамъ. Эти зданія составляютъ безпорно лучшее украшеніе Самарканда и служатъ доказательствомъ искуства строителей. Широко изогнутые купола, строющіеся на громадныхъ аркахъ, при постройкѣ которыхъ выполнены всѣ условія строительнаго искуства, поражаютъ каждаго европейца, невольно вглядывающагося въ тѣ письмена, которыя вьются на наружныхъ и внутреннихъ карнизахъ куполовъ и арокъ, по изразцу, которымъ одѣты они по большей части.

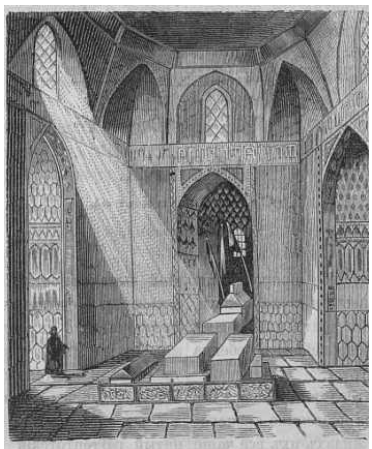
Жаль только, что большинство этихъ построекъ находится въ самомъ жалкомъ состояніи: ворота и минареты попадали, своды обвалились и разрушеніе, начатое временемъ, дѣятельно поддерживается людьми, потомками строителей. Изъ замѣчательныхъ мечетей и медрессе мы можемъ указать на *Хаджи-Ограръ, Гуремширъ, Биби-Ханымъ* и еще нѣкоторыя, но первое мѣсто по справедливости, занимаетъ послѣдняя. Биби-Ханымъ построена, по преданіямъ, женою Тимура, китайскою принцессою Ханымъ. Самый храмъ занимаетъ обширное пространство и состоитъ изъ трехъ отдѣленій, соединенныхъ особою постройкою, въ которой расположены классы самаго большаго медрессе. Говорятъ, что въ былое время входныя ворота были отлиты цѣликомъ изъ бронзы, но теперь отъ нихъ слѣдовъ не осталось и сохранилась лишь въ цѣлости западная часть храма, на стѣнахъ которой и доселѣ видна мозаика по изразцу, сработанная весьма искустно и опытною рукою. Лазурь и золото до того свѣжи, что хочется вѣрить въ недавнюю реставрацію постройки, а между тѣмъ на нихъ никто не обращаетъ вниманія и время губитъ послѣднія остатки прошлаго. Недалеко отъ этой мечети указываютъ на гробницу любимой жены Тимура, но отъ нея, если разсказы справедливы, остались однѣ лишь развалины, неимѣющія даже какой-либо формы. На восточной сторонѣ города высится небольшой мавзолей, увѣнчанный красивымъ куполомъ и окруженный стѣнами съ высокими воротами, по сторонамъ которыхъ возвышаются также купола. Внутри, зданіе осмиугольной формы состоитъ изъ двухъ комнатъ, полы которыхъ устланы мраморомъ, а стѣны покрыты голубыми и золотыми арабесками. Это гробъ Тимура ни болѣе ни менѣе и сомнѣваться въ этомъ невозможно. Самая гробница, расположенная во второй комнатѣ за прозрачной рѣшеткой, имѣетъ форму усѣченной пирамиды въ три фута вышины и шесть футъ длины. Сдѣлана она изъ яшмы и увѣнчана шестью знаменами. Кругомъ расположены гробницы членовъ семейства Тимура изъ бѣлаго мрамора и гробница любимаго его учителя Мирза-Санде-Берке. У гробницъ лежатъ разныя священныя книги, по которымъ постоянно читаютъ муллы.

Разсказываютъ, что въ Самаркандѣ находилась прежде знаменитая библіотека, вмѣщавшая въ себѣ большое количество древнихъ армянскихъ книгъ. Нынѣ этой библіотеки нѣтъ и слѣдовъ и куда исчезли реѣ ея богатства указать никто не можетъ. Подобно библіотекѣ исчезло безслѣдно, славившееся въ свое время, высшее училище Калиндеръ-Ханы и обсерваторія *Мирза-Улундъ,* въ которой производились не астрономическія, а астрологическія наблюденія, играющія столь важную роль въ общественной жизни на Востокѣ и по сіе время.

Главное населеніе Самарканда, какъ и прочихъ городовъ Туркестанскаго края, составляютъ *сарты,* считающіеся аборигенами страны. Преданіе говоритъ, что сарты происходятъ отъ джугуистовъ, или евреевъ и персовъ и каждому довольно одного разу взглянуть на сарта, чтобы убѣдиться, что въ жилахъ ихъ течетъ еврейская кровь; страшное влеченіе къ деньгамъ, мелочность интересовъ, боязливость, манеры,-- все напоминаетъ въ нихъ евреевъ. Сартъ любитъ споръ и всегда постарается найти къ нему какой нибудь предлогъ, въ тоже время онъ не упуститъ случая извлечь гдѣ нужно свои выгоды. Жизнь ведутъ лѣнивую, безпечную, днемъ просиживаютъ на базарѣ, а придетъ вечеръ, складываются по нѣскольку копеекъ, заказываютъ пилавъ, накупаютъ изюму, фисташекъ, орѣховъ и принимаются за взаимное угощеніе. Если общество велико, то приглашаютъ въ свою кампанію и *батчу.*

Батча – хорошенькій мальчикъ, лѣтъ десяти, одѣтъ онъ въ женское платье и услаждаетъ публику пляской, отъ которой, одурманенные хашишемъ, или опіумомъ, приходятъ въ неистовый восторгъ. Тѣмъ не менѣе онъ составляетъ необходимое условіе въ жизни сарта. За батчей ухаживаетъ и старый и малый, и сѣдой казы не прочь подать батчѣ руку и приласкать его.

Женщины не пользуются никакимъ уваженіемъ и цѣнятся не болѣе, какъ домашняя утварь; затворничество сартянокъ, исключающее ихъ изъ общества, естественно исключаетъ тѣ игры и пляски, которыя такъ обаятельно дѣйствуютъ на самыхъ грубыхъ мужчинъ; понятно, что при такихъ условіяхъ нужно было ввести въ общество хотя подобіе женщины. И вотъ явился батча, всегда замѣчательной красоты, живой, подвижный, умѣющій вызвать громъ рукоплесканій. Начнется ли пляска, батча выйдетъ на арену, сдѣлаетъ бату (привѣтствіе), приметбя мѣрно и плавно выдѣлывать на подъ тактъ музыки.

Внутренность мечети Гуремиръ.

Сартянская женщина.

Постепенно одушевляясь и доходя почти до неистовства, батча до того наэлектризуетъ толпу, что всѣ начнутъ сами хлопать въ ладоши и пристукивать ногами. Сядетъ ли батча на мѣсто, всѣ станутъ слѣдить за каждымъ его жестомъ и движеніемъ, стараясь предупредить малѣйшее его желаніе.

Кромѣ сартовъ, прямыхъ уроженцевъ края, въ Самаркандѣ можно встрѣтить самую пеструю толпу различныхъ народцевъ, и стоитъ только пройти, въ базарный день, по главной улицѣ, тутъ виднѣется и стройная фигура персіянина съ великолѣпною черною бородою и прекрасными топкими чертами лица, едва сдерживающаго статнаго аргамака; за нимъ, въ простомъ бумажномъ халатѣ и грубой красной чалмѣ, слѣдуетъ всадникъ съ широкими чертами лица. Это узбекъ, одинъ изъ тѣхъ, которые считаютъ себя господствующимъ племенемъ въ Средней Азіи. Онъ простъ и грубъ въ обращеніи и замѣчателенъ всѣми добродѣтелями завоевательнаго племени. Онъ ненавидитъ таджика, или сарта и считаетъ за стыдъ заговорить съ нимъ. Среда пѣшихъ и конныхъ, медленною, но важною поступью шествуетъ каравапъ верблюдовъ, а за ними идетъ короткою, но вѣрною поступью вереницаословъ, навьюченныхъ плодами, овощами, халатами и другими деревенскими продуктами ближайшихъ кишлаковъ.

Въ уличной толпѣ встрѣчаются жители Афганистана, Кабула и Герата, привозящіе сюда парчу, кисею, канитель, сахарный песокъ, кашемирскія шали, бирюзу и драгоцѣнные камни. Въ окрестностяхъ города попадаются арабы и цыгане, но они составляютъ во всякомъ случаѣ меньшинство. Евреи, занимающіеся мелочною торговлею, живутъ въ особомъ кварталѣ и замѣчательны крайнею бѣдностью.

Толпа эта неустанно кишитъ на улицахъ города, иногда заглушая нестройный гулъ дѣтскихъ голосовъ, прерываемыхъ иногда тупымъ звукомъ, который слышится часто какъ бы издали. Это не болѣе ни менѣе, какъ медрессе, въ которомъ дѣти учатся вслухъ, просиживая за книжкою не менѣе десяти часовъ и стараясь понять невыразимую ерунду ста двадцати книгъ, составляющихъ всю суть образованія каждаго мусульманина.

Съ водвореніемъ русскихъ, жизнь Самарканда стала нѣсколько измѣняться въ частностяхъ. Торговля оживилась, но самая наружность осталась такою же, какою была и прежде. Городъ по прежнему тонетъ въ садахъ, поверхъ которыхъ высятся остатки древнихъ памятниковъ, переносящихъ невольно въ давно минувшее время. А надъ всѣмъ этимъ сіяетъ вѣчно голубое небо и въ воздухѣ царитъ какое-то спокойствіе и очарованіе.

Василий Васильевич Олёдорф (или Ольдорф) – русский военный и путешественник, который участвовал во взятии Самарканда в 1868 году и написал воспоминания об этом событии // Живописное Обозрѣніе, № 2, 1873. http://az.lib.ru/r/russkij_t/text_1873_vospominaniya_o_samarkande-oldorfo.shtml]

№ 3.

Но стоит пройти на северо-восточную окраину, где на изжелта-серой, иссеченной ветрами возвышенности еще видны осыпавшиеся гребни крепостной стены, и вы ощутите дыхание тысячелетий. Это Афрасиаб – место древних могил и причудливых траншей, прорытых неутомимыми археологами. Здесь, среди заросших колючкой домусульманских кладбищ, стоит Шахи-Зинд – гордость Самарканда, маленький безмолвный город мавзолеев, самому древнему из которых почти тысяча лет…

Но расцвет Самарканда приходится на эпоху «завоевателя мира» Тимура. Железный хромец сгонял в столицу своей обширной империи толпы лучших мастеров, которые украсили город величественными дворцами, мечетями, тенистыми садами. Беспощадный завоеватель и разрушитель чужих городов сделал свой Самарканд подлинной жемчужиной Азии.

С тех пор все царствующие правители старались затмить друг друга высотой возводимых сооружений, богатством и красотой их глазурованных орнаментов. Эти прекрасные ханаки, мечети и медресе разбросаны по всему городу. Вот в пыльной зелени тополей глазу откроются развалины грандиозной мечети, которую построила любимая жена Тимура, китайская принцесса Биби-Ханым; вот и синий ребристый купол знаменитого «Гур-Эмира» - исполинского мавзолея, где в нефритовом гробу покоится сам

Тимур и в сумрачных подземельях стоят каменные саркофаги его потомков – неукротимых тимуридов.

Парнов Е.И. Атлас Гурагона. Москва: Терра, 1999. 120 с.
https://www.rulit.me/books/atlas-guragona-read-22715-1.html]

№ 4.

Одна из дорог к высотам Чупан-аты ведет через Афрасиаб – развалины древнего Самарканда… Афрасиаб представляет внушительную картину и прекрасный план древнего Самарканда, разрушенного Чингисханом.

Долгое время по приезде в Самарканд впечатления от окружающего были сумбурны.

Впечатления, накопившиеся за дорогу, еще не изгладились: Самарская холера, голод, полувысохшая Волга, безлюдная, как никогда; остатки войны Оренбургского фронта; повышающееся действие пустыни, с неожиданным Аральским морем. Пустыня, киргизы, юрты; Ташкент с былым величием его бульваров; Салар-река, купанье в которой можно сравнить только с Арагвой, и наконец Самарканд.

Туземный город с копошащимся базаром и лавочками, несвязность памятников с этой жизнью – всё это до тех пор не укладывалось в одно стройное целое, пока моя белая комната, зияющая дырами в потолок и на улицу, не начала заполняться этюдами и мои ручные мышата, разгуливая между ног моих и мольберта, почувствовали себя хозяевами винограда и орехов, которыми мы лакомились вместе. Комната была над каузом мечети.

Утро начиналось купаньем из кауза или, пересекая узенькие проулочки, спускался я к Серебряному роднику – лечебному роднику сартов, свежесть которого на добрую половину дня делала меня бодрым.

Раннее утро после такого купанья.

В пекарне о гончарное брюхо печки шлепались узорные хлеба - «лапошки». Чайхана дымила самоваром. У стен Регистана чернело и зеленело виноградом, жужжали люди.

Площадь Регистана меня мало тронула, очень знакомыми показались мне Улук-Бек и Шир-Дор. Особенно покачнувшиеся минареты на привязях, имитируя неустойчивость Пизанской башни, внушали мне скорее сожаление, чем удовольствие.

Но, когда эта официальная архитектура в один из праздников наполнилась тысячами правоверных, – цветные ткани и ритмические волны молящихся сделали площадь неузнаваемой: заговорила геометрическая майолика отвесов стен, углубились ниши и своды – на массовые действа рассчитанная, площадь себя оправдала.

В большей мере с площадью Регистана связаны для меня впечатления фруктовые.

На протяжении лета меняются натюрморты. Урюк и абрикосы, нежные персики, перебиваемые вишнями.

Понемногу тут и там вспыхнут первые гроздья винограда. Впоследствии виноград заселяет всё; самых разных нюансов и форм, он царит долго и настойчиво, пока не ворвутся в него кругляши дыней и арбузов и, наконец, заключительный аккорд золотых винных ягод заполнит лотки и корзины. В лавочках киш-мишовый изюм разыграется янтарем к этому времени. Среди всего этого пшеничный цвет узорных, хрустящих по наколам, лепешек.

Биби-Ханым приналег на меня своими бегемотскими глыбами, – его страшенный силуэт я оценил лишь потом из вне города: как члены неулегшегося в долину чудовища, торчат они над Самаркандом.

Гробница Тимура веет надуманным холодком дворцового зодчества.

Вот Шах-Зинда та, сразу, как только вынырнули ее купола в прорезах священной рощи – она стала моей любимицей. Шах-Зиндой я понял человеческое творчество Самаркандии, как высотами Чапан-Аты понял работу Тянь-Шаньских ледников и Заревшана, источивших котловину междугория и сбросивших в дыру пыли гордыню Биби-Ханыма.

Бывало ночь заставала меня на высотах Чапан-Аты.

Небо над Атой становилось уютнее: звезды давали обозначение пространству сферы.

Спускаясь, сбиваешься, отыскивая тропинку, царапаешь ноги колючками.

Необъятный воздух, запах приторно сладких и острых растений.

От аулов доносится женский плач, надрывной, то оскорбленный, то жалостный. Плач изменил свои рулады. Перебросился в сторону, ему ответили другие плачи. В теневых ложбинах склонов засверкали двойные точки: то шакалы стягиваются к жилью человека.

Заухали собаки в кишлаках...

На кладбище Афросиаба сражения собак с шакалами: здесь между ними смертная борьба за добытого мертвеца.

Не долго залеживаются покойники в могилах. Часто степной волкодав, провожая без отдыха бегущую процессию с его хозяином на одре, застревает возле могилы, чтобы не уступить бренные останки своего господина другому лакомке и за ночь уничтожает труп.

Окраины города спят. Одинокий уборщик выметает участок, утонув вместе с фонариком в тучах пыли.

Из темноты уличной ниши трусовато-громко окликает ночной сторож. Огрызнется под ногой почивший среди улицы пес.

Скрипучей лесенкой подымаюсь в мою белую комнату и прямо на сенник. В окнах повисла Большая Медведица и светится от серпа луны барабан Биби-Ханыма.

Соскучившийся мышонок пискнет над ухом – куда лезешь, глупый...

Приятная усталость всего тела.

Глаза смыкаются сами собой. Чтоб не забыть: в Самарканде очень много мышей...

Отсюда предо мной вся Самаркандия.

К юго-западу едва виден Биби-Ханым.

Налево цепь гор, возвышающихся до вечных снегов.

На восток за рекой Ворота Самарканда, где проходит железная дорога.

На север до без конца уходит Заревшан, распластываясь бесчисленными рукавами с хребтами черного ила.

Влево от Заревшана до Заревшана Самаркандия. Серебряно-зеленые градации, как в плоской чаше. Где-то там, в Бухаре, сливается ее далекий край с небом.

Небо я видел во все часы суток.

Днем оно невероятных разливов от нежностей горизонта до дыры, зияющей в звезды на зените.

От окружения солнца оно имеет еще новые разливы до противустоящей солнцу точки.

Этот переплет ультрамарина, сапфира, кобальта огнит почву, скалы, делая ничтожной зеленцу растительности, в конец осеребряя ее, - получается географический колорит страны в этих двух антиподах неба и почвы.

Это и дает в Самаркандии ощущение зноя, жара, огня под чашей неба.

Человеку жутко между этими цветовыми полюсами и восточное творчество разрешило аккорд, создав только здесь и существующий колорит бирюзы.

Он дополнительный с точностью к огню почвы, и он же отводит основную синюю, давая ей выход к смешанности зеленых. Аральское море подсказало художникам эту бирюзу.

Петров-Водкин К.С. Самаркандия: из путевых набросков 1921 г. Петербург: «Аквилон», 1923. – 49 с.

// tehne.com/event/arhivsyachina/k-s-petrov-vodkin-samarkandiya-iz-putevyh-nabroskov-1921-goda

№ 5.

Земля здесь была еще сухая, не успевшая остыть после жаркого лета; да и воздух дышал осенним теплом, да и солнце глядело с неба ласково – одно слово, Самарканд! – и Деев надеялся, что никто не заболеет.

И пятнадцатого ноября двадцать третьего года пять сотен детей вышли из санитарного поезда на перрон – без единой нитки. Самая старшая девочка, беременная Тпруся тринадцати лет, куталась в казачью шаль. Остальные – в чем мать родила.

Дети выстроились на платформе, как ехали, – повагонно. Тела ребристы и плоски, руки-ноги одинаковой почти толщины, в один ладонный обхват, головы бриты у всех. Мальчики и девочки — едва различимые, а со спины и неразличимые вовсе – ждали сигнала к отходу.

Сюда же, к поезду, подъехала нанятая Деевым на привокзальной площади телега, куда усадили малышню из штабного и уложили лежачих. Возница обоза смотрел на безодежную детскую армию и молча крестился.

Армия же была удивительно смирна: ни тебе стишков, ни шуток, ни даже самого короткого смешка – дети были измотаны дорогой и угнетены предстоящим расставанием. Уже давно были все расцелованы сестрами – и по одному, и по два, и по три раза. Уже и наставления, и пожелания, и обещания произнесены. Но стояли на перроне — и не могли оторвать взгляды от вагонов, что стали их домом на полтора месяца. Впереди ждал новый дом, и начальник эшелона обещал, что в нем найдется место каждому («нож мне в сердце, гвозди в глаз!»), - однако покидать «гирлянду» отчего-то было больно.

Над головой синело яркое чужое небо и сияло яркое чужое солнце, горячее даже в ноябре. Под ногами лежала чужая земля, клубилась пылью, укутывала ступни и голени. Но одеть бледные тела – не могла.

Яхина Г. Эшелон на Самарканд: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. –507 с. https://limbook.net/read/eshelon-na-samarkand.html?section=6#6]

№ 6.

…после того, как великий Исмаил Самани выкурил из Самарканда мятежного наместника Шарафа аль-Мулька, он приказал разрушить все ворота города, дабы никто не смел впредь запираться от его монаршего гнева и расправы. … В здешних стенах остались лишь бесформенные проломы – называвшиеся, впрочем, как и прежде, воротами.

Андрей Волос Возвращение в Панджруд. М.: Изд-во: Редакция Елены Шубиной. Серия: РЕШ: Белая книга. 2026. 206 с.

№ 7.

Ворота столицы закрыты! И это передо мной!.. Передо мной закрыты!.. И это мой город, мой Самарканд! Сорок лет я его прославлял, украшая! Сорок лет. Где ещё такие медресе, такие бани? С чем сравнится самаркандская обсерватория, самаркандские библиотеки?! И этот город осмелился не открыть ворот! О всевышний! За какие грехи мне такое унижение?

Адыл Якубов Сокровища Улукбека.
М.: Художественная литература, 1986. 496 с.